4 333/229

НЕ КОПИРОВАТЬ

И 333/229

ПИСЬМА

НЕ КОПИРОВАТЬ

М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича

КЪ

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1825—1874

ГОДОВЪ

(ИЗЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА)

ИЗДАНЫ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5-я линія, д. 28

1901

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель **Графъ С. Шереметевъ.**

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
79332-51

Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ князю П. А. Вяземскому, сохраненныя въ Остафьевскомъ архивѣ, имѣютъ живую органическую связь съ письмами Н. М. Карамзина и И. И. Дмитріева къ тому же князю Вяземскому; послѣднія могутъ служить какъ бы пояснительнымъ предисловіемъ къ изданной графомъ С. Д. Шереметевымъ перепискѣ князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.

Погодинъ былъ лично извѣстенъ и Карамзину, и Дмитріеву, младшіе же его товарищи Шевыревъ и Максимовичъ были лично извѣстны только Дмитріеву, а князь Вяземскій былъ звеномъ, соединяющимъ Пушкинское поколѣніе нашихъ писателей съ тѣмъ поколѣніемъ, къ которому принадлежали Карамзинъ и Дмитріевъ.

Погодинъ и его товарищи въ душѣ своей свято хранили литературныя преданія и родословіе своего авторства вели отъ Ломоносова. По замѣчанію Погодина, Карамзинъ и Дмитріевъ были современниками Державина, Капниста, Хемницера, Львова, Кострова, а старшіе ихъ современники Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ, Фонвизинъ застали Сумарокова, споривша̀го съ Ломоносовымъ.

По своимъ убѣжденіямъ Погодинъ, Шевыревъ и Максимовичъ не принадлежали ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ, а стояли какъ сама Россія, по счастливому выраженію Погодина, *между Востокомъ и Западомъ съ бо̀льшимъ склоненіемъ къ Востоку.*

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ писателяхъ читатели могутъ найти въ четырнадцати книгахъ *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина.* Здѣсь же мы ограничимся только сообщеніемъ краткаго біографическаго очерка каждаго изъ нихъ.

I.

Въ 1816 году Погодинъ, будучи еще гимназистомъ, въ первый разъ увидѣлъ Н. М. Карамзина и И. И. Дмитріева въ Оружейной палатѣ, гдѣ А. Ѳ. Малиновскій показывалъ имъ государственныя сокровища. За симъ Погодину удалось встрѣтиться съ Дмитріевымъ, лѣтомъ 1819 года, въ селѣ Знаменскомъ у Трубецкихъ, у которыхъ Погодинъ, будучи уже студентомъ, проводилъ каждое лѣто въ качествѣ учителя.

Въ Знаменскомъ съ особенною торжественностію праздновался день рожденія княжны Софіи Ивановны Трубецкой (впослѣдствіи Всеволожской). У Погодина явилось желаніе „посвятить новорожденной какое-нибудь сочиненьице“. Съ этою цѣлію онъ написалъ Кубареву, чтобы тотъ прислалъ ему мелкія произведенія Юма, гдѣ, вспомнилось ему, есть разсужденіе о любви.

Кубаревъ, исполняя желаніе своего друга, между прочимъ писалъ ему: „Посылаю Юма. Въ этой части есть de l'amour et du mariage. Можетъ быть, оно какъ-нибудь годится. И до сихъ поръ не понимаю, для чего тебѣ нужны разсужденія о красотѣ. Ибо въ этомъ случаѣ въ твои лѣта не совѣтуются съ другими. Итакъ, милый мой Погодинъ, сохрани тебя Боже! Бремя добродѣтели легко, очень легко, сказалъ мнѣ на сихъ дняхъ другъ мой Воскресенскій“.

Но разсужденіе Юма оказалось не подходящимъ, и Погодинъ рѣшился сочинить свое: *О нравственныхъ качествахъ прекраснаго пола.* Началъ онъ, по наставленію почтеннаго Петра Васильевича Побѣдоносцева, *отъ противнаго,* такимъ образомъ: „Женщинамъ не дано того... на полѣ брани... въ палатѣ суда, на народной площади... на ораторской трибунѣ“, словомъ, не дано всего того, что нынѣ ими такъ настоятельно требуется, „за то онѣ получили вотъ что...“ то-есть, то, что именно теперь ими отвергается, какъ обыкновенное, пошлое, недостаточное. Когда наступилъ торжественный день рожденія, все семейство было у обѣдни, по окончаніи которой возвратилось въ залу, гдѣ встрѣтили новорожденную звуки домашней музыки; во время исполненіи симфоніи студентъ Погодинъ подалъ свою тетрадку, *перевязанную цвѣтною ленточкою.* Въ этотъ день пріѣхалъ въ Знаменское самъ И. И. Дмитріевъ,

нѣкогда поклонникъ старой княгини. У Погодина забилось сердце. „Ну“, подумалъ онъ, „если покажутъ ему мое разсужденіе, и какъ оно покажется ему?“ Этого однако не случилось; но Дмитріеву было сказано, что русскій учитель подалъ княжнѣ свое сочиненіе, и, замѣчаетъ Погодинъ, „величественный старецъ своимъ торжественнымъ голосомъ благоволилъ обратить ко мнѣ слово ободренія“.

Въ сосѣдствѣ съ Знаменскимъ находится село Остафьево, .въ которомъ живалъ, до 1816 года, каждое лѣто Карамзинъ и писалъ свою *Исторію Государства Россійскаго*. Прервавъ свою службу въ Варшавѣ въ 1821 году, князь П. А. Вяземскій до 1831 года проживалъ то въ Москвѣ, то въ своемъ Остафьевѣ и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ литературою. Изъ Остафьева князь Вяземскій нерѣдко посѣщалъ Трубецкихъ въ Знаменскомъ, и здѣсь, 23 іюня 1822 года, въ день именинъ княжны Аграфены Ивановны Трубецкой (впослѣдствіи Мансуровой), встрѣтился съ Погодинымъ. Объ этой встрѣчѣ послѣдній записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Смотрѣлъ на Вяземскаго и Вяземскую. Опухъ. Не пьетъ ли?“ Вскорѣ послѣ этой встрѣчи Погодинъ сблизился съ княземъ Вяземскимъ на поприщѣ литературы.

Возбужденный примѣромъ *Полярной Звѣзды*, произведшей движеніе въ литературѣ, Погодинъ, въ 1825 году, рѣшился издать альманахъ *Уранію* (Карманная книжка на 1826 годъ для любительницъ и любителей русской словесности). Это предпріятіе приблизило его къ князю Вяземскому, къ которому онъ въ это время обратился съ просьбою написать о немъ Пушкину. Исполняя желаніе Погодина, князь Вяземскій писалъ Пушкину изъ Москвы: „Здѣсь есть Погодинъ университетскій и, повидимому, *хорошихъ правилъ*: онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ на будущій годъ и проситъ у тебя Христа ради. Дай ему что-нибудь изъ *Онѣгина*, или что-нибудь изъ мелочей“. Погодинъ горѣлъ нетерпѣніемъ получить отвѣтъ Пушкина, а потому безпрестанно забѣгалъ къ князю Вяземскому справляться объ этомъ. У князя Вяземскаго Погодинъ встрѣтился съ Д. В. Давыдовымъ, съ которымъ онъ впервые познакомился въ домѣ Всеволожскихъ, и остался очень доволенъ тѣмъ, что Давыдовъ ласково съ нимъ обошелся. Наконецъ, князь Вяземскій получаетъ отвѣтъ Пушкина, но содержаніе его было

таково, что князю Вяземскому неудобно было показывать его Погодину. Пушкинъ, еще тогда незнакомый съ послѣднимъ, писалъ изъ своего Михайловскаго (3 декабря 1825 года): „Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшія“.

Князь Вяземскій избралъ для *Уранiи* слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Мадригалъ* (Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати), *Движенiе* (Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ), *Совѣтъ* (Повѣрь: когда и мухъ, и комаровъ), *Соловей и Кукушка*, *Дружба* (Что дружба?...).

Не довольствуясь Пушкинымъ, Погодинъ осаждалъ князя Вяземскаго и Жуковскаго. 23 ноября 1825 года онъ написалъ князю письмо, въ которомъ, между прочимъ, просилъ „исходатайствовать“ у Жуковскаго о доставленiи „чего-нибудь“ въ его *Уранiю*. Отправляя къ Жуковскому подлинное письмо Погодина, князь Вяземскiй сдѣлалъ на немъ слѣдующую собственноручную приписку: „Этотъ Погодинъ университетскiй, но со всѣмъ тѣмъ умный и порядочный человѣкъ. Онъ издаетъ московскiй альманахъ. Пособи ему чѣмъ можешь. Сочини кое-что и пришли, если хочешь. Только дай скорѣе рѣшительный отвѣтъ. Этотъ Погодинъ мнѣ сильно рекомендованъ“.

Съ того времени завязались у Погодина съ княземъ Вяземскимъ самыя близкiя отношенiя. Черезъ тридцать шесть лѣтъ послѣ описаннаго князь Вяземскiй праздновалъ свой полувѣковой юбилей, и Погодинъ, будучи на этомъ торжествѣ ораторомъ, провозгласилъ: „Да здравствуетъ заслуженный академикъ, знаменитый писатель, благородный гражданинъ, да здравствуетъ добрый человѣкъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскiй!“

Въ свою очередь, князю Вяземскому, пережившему своихъ друзей, довелось въ 1875 году помянуть Погодина слѣдующимъ стихотвореніемъ:

...На голосъ родины всѣ чувства въ немъ звучали;
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ, и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ народныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ...
Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ треволненiй,
Горячимъ былъ и онъ участникомъ въ борьбѣ,

Но не заискивалъ чужихъ страстей и мнѣній;
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ былъ себѣ.
Онъ современникъ былъ плеяды лучезарной,
Созвѣздья свѣтлаго онъ самъ звѣздою былъ.
Почтимъ же памятью глубоко-благодарной
Почившаго въ семьѣ родныхъ ему могилъ.

II.

Съ именемъ Погодина соединяется неразрывно имя Степана Петровича Шевырева, дѣлившаго съ нимъ труды и житейскія треволненія.

Шевыревъ родился въ Саратовѣ 15 октября 1806 года и по своему рожденію принадлежалъ къ тому русскому коренному дворянству, которое, какъ пишетъ біографъ графа Д. Н. Блудова Ег. П. Ковалевскій, „жило изъ рода въ родъ въ провинціи, близко къ народу, знало его, помогало въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному расчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилось. Въ этомъ дворянствѣ жила преданность престолу, тѣсно связанная съ его религіознымъ вѣрованіемъ и любовью къ отечеству. Подобно крѣпостному сословію, оно оставалось въ сторонѣ отъ политическихъ потрясеній“. Для дополненія характеристики быта, окружавшаго дѣтство и отрочество знаменитаго профессора Московскаго университета и историка древней русской словесности, приведемъ свидѣтельство другого писателя, безпристрастно отнесшагося къ отшедшему быту. „Страстно желая“, писалъ біографъ И. С. Никитина М. Ѳ. Де-Пуле, „освобожденія крестьянъ, мы относились къ помѣщичьему быту съ полнѣйшимъ отрицаніемъ его историческихъ заслугъ. Мы, образованные люди, забывали, что въ помѣщичьей средѣ хранились историческія преданія, росла и крѣпла наша цивилизація“. Образованные, или точнѣе, пишущіе, люди также забывали, что въ этой средѣ были „тысячи истинно-русскихъ женщинъ, образованныхъ, кроткихъ, глубокихъ своимъ жизненнымъ содержаніемъ“, что эти тысячи „были разсѣяны по нашимъ деревнямъ въ эпоху, предшествующую эмансипаціи“.

Отецъ Шевырева Петръ Сергѣевичъ былъ Саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и пользовался всеобщимъ

уваженіемъ за свою „справедливость и безкорыстіе“, а мать Шевырева Екатерина Степановна (изъ рода Топорниныхъ) „представляла образецъ семейныхъ добродѣтелей“. Почтенный типъ подобныхъ семей съ каждымъ почти днемъ исчезаетъ съ лица Русскаго царства, и самое воспоминаніе о нихъ уже переходитъ въ область археологіи.

Въ родительскомъ домѣ были вложены въ Шевырева тѣ начала, которымъ онъ остался вѣренъ до могилы. Будучи шестилѣтнимъ мальчикомъ, онъ читалъ Шестопсалміе за домашнею всенощною. Въ родительскомъ же домѣ онъ перечелъ Сумарокова, Хераскова и повѣсти Карамзина. Высшее образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ подъ руководствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. На четырнадцатомъ году Шевыревъ лишился отца, который скончался въ деревнѣ, когда сынъ пріѣхалъ изъ пансіона на вакацію. Мать отпустила съ нимъ въ Москву и меньшого брата. Крестьяне, провожая, нанесли имъ, сиротамъ, на дорогу всякой всячины, кто что могъ, и это оставило въ Шевыревѣ навсегда самое отрадное впечатлѣніе.

Въ 1821 году преподавателемъ географіи въ Московскій университетскій благородный пансіонъ поступилъ Погодинъ. „И какъ теперь помню“, писалъ онъ, „увидѣлъ я миловиднаго мальчика, въ темнозеленомъ сюртучкѣ, идущаго съ книгами въ рукахъ, изъ одной двери въ другую, между тѣмъ какъ я всходилъ по лѣстницѣ. Не знаю—почему, онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Я спросилъ: Кто это?—Это Шевыревъ, первый ученикъ старшаго класса“.

По окончаніи курса въ пансіонѣ, въ сентябрѣ 1822 года, Шевыревъ опредѣлился въ Московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. *Архивные юноши*, отличное товарищество Архива, увѣковѣченное Пушкинымъ, предлагали ему благородную сферу постоянныхъ умственныхъ и литературныхъ занятій.

Въ 1829 году княгиня З. А. Волконская предложила Шевыреву ѣхать съ нею въ Италію для воспитанія ея сына. Трехлѣтнее пребываніе Шевырева въ Римѣ образовало въ немъ истиннаго ученаго, и, обогащенный познаніями, въ 1832 году возвратился онъ въ Москву.

Въ московскомъ обществѣ появленіе Шевырева произвело впечатлѣніе, и онъ безпрестанно получалъ приглашенія. Погодинъ не отставалъ отъ своего друга. Изъ *Дневника* его (2 сентября, 19, 23 и 30 октября) узнаемъ: „Разъѣзжалъ съ Шевыревымъ...“ Подъ его „эгидою“ Погодинъ проникъ даже къ И. И. Дмитріеву и былъ принятъ послѣднимъ очень ласково. „Бесѣда шла объ Италіи. Вмѣстѣ обѣдали у Чертковыхъ, а вечеръ провели опять у И. И. Дмитріева“. „Я радъ“, пишетъ Погодинъ, „что примирился съ нимъ предъ смертію“. Надо замѣтить, что Погодину было отказано отъ дома у И. И. Дмитріева за критики Арцыбашева на *Исторію Государства Россійскаго*, которыя печатались въ Погодинскомъ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Но вскорѣ и самъ Шевыревъ подвергся гнѣву И. И. Дмитріева. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1835 года Шевыревъ напечаталъ свой переводъ VII-й пѣсни *Освобожденнаго Іерусалима* съ предисловіемъ. Этотъ переводъ и предисловіе возбудили негодованіе И. И. Дмитріева, и онъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Профессоръ Шевыревъ и эксъ-студентъ Бѣлинскій давно уже похоронили не только нашу братью стариковъ, но, не прогнѣвайтесь, и васъ, и Батюшкова, и даже Пушкина. Г. профессоръ объявилъ, что нашъ *чопорный* (это модное слово) метръ и нашъ *чопорный* языкъ поэзіи никуда не годится, *монотонны* (также любимое слово), для образца же выдалъ въ *Наблюдателѣ* переводъ въ своихъ октавахъ VII-й пѣсни *Освобожденнаго Іерусалима*... Какъ бы то ни было, но мы отнынѣ, по словамъ его, уже не существуемъ для воспитанниковъ Московскаго университета. Отнынѣ уже начнется въ немъ новый языкъ и новая метода для развода геніальнаго племени. Да поможетъ Фебъ Шевыреву! Однакожъ... тяжело пережить отцовскій языкъ и приниматься опять за азбуку“.

За Шевырева вступился князь Вяземскій и написалъ Дмитріеву: „Я совершенно согласенъ съ вами въ отношеніи къ переводу Шевырева... Жаль мнѣ, что Шевыревъ пустился на подобную проказу, потому что въ немъ есть умъ, знаніе, способность, и, держась дороги своей, могъ бы онъ идти хорошо и далеко. Онъ—не поэтъ, а литераторъ въ родѣ Баранта. Критическія статьи его всегда заслуживаютъ вниманія. Но журналистъ онъ тоже неудачный“. Впослѣдствіи князь Вяземскій очень полюбилъ Шевырева и, не надѣясь

пережить его, желалъ найти въ немъ своего біографа. Желаніе это князь Вяземскій выразилъ даже печатно въ своемъ стихотвореніи, изъ котораго привожу слѣдующій отрывокъ:

И помню я, паломникъ недостойный,
Святыхъ чудесъ завѣтныя мѣста,
Тотъ сводъ небесъ, безоблачный и знойный,
Тотъ вѣчный Градъ безсмертнаго Креста.

И память эта не умретъ со мною:
Мой біографъ,—быть можетъ: *Шевыревъ*,
Меня, давно забытаго молвою,
Напомнитъ вновь вниманью земляковъ.

Въ итогѣ дней ничтожныхъ пилигрима
Отмѣтитъ онъ одинъ великій день, —
Тотъ день, когда со стѣнъ Ерусалима
И на меня легла святая тѣнь.

И скажетъ онъ, что средь живаго храма
На Гробъ Господень я главу склонилъ,
Что тихою струею Силоама
Я грѣшные глаза свои умылъ;

Что въ этотъ край, отчизну всѣхъ скорбящихъ,
Я страждущей души носилъ печаль,
За упокой въ сырой землѣ лежащихъ
Внесъ имена на вѣчную скрижаль;

Что прокаженнымъ, за стѣнами Града
Сидящимъ одаль, какъ въ Евангельскіе дни,
Мнѣ лепту подавать была отрада,
Чтобъ обо мнѣ молились и они;

Что я любилъ на берегу Кедрона
Іосафатовой долины свѣжій миръ,
Что съ высоты божественной Сіона
Внималъ я духомъ пѣснямъ горныхъ лиръ;

Что долго рабъ житейскаго обмана,
Послышалъ разъ я неземной призывъ,
Когда въ водахъ священныхъ Іордана
Омылся я, молитву сотворивъ.

То же желаніе князь Вяземскій выразилъ и въ письмѣ своемъ къ А. Я. Булгакову. 4 февраля 1853 года Шевыревъ писалъ къ послѣднему: „Съ сердечною благодарностью возвращаю вамъ письмо князя Вяземскаго. Оно меня утѣшило и обвеселило. Въ немъ виденъ тотъ князь Петръ Андреевичъ, котораго мы привыкли любить и уважать. Сдѣлайте милость, напишите ему, что я никакъ не от-

казываюсь отъ славы быть его біографомъ, но только желаю написать его біографію при жизни его и подъ его диктантъ, желаю передать въ лицѣ его всѣ тѣ славныя воспоминанія въ нашей литературѣ, которыхъ онъ теперь единственный у насъ хранитель. А для этого необходимо, чтобы онъ переселился къ намъ въ Москву, чтобы мы возобновили при университетѣ Общество любителей русской словесности, и чтобы онъ принялъ званіе нашего предсѣдателя. Около него собралась бы вся наша лучшая молодежь и стала бы трудиться. Онъ же всегда умѣлъ возбуждать сочувствіе всѣхъ поколѣній".

III.

Преемникомъ скончавшагося Мерзлякова въ Московскомъ университетѣ Погодинъ желалъ видѣть Шевырева; того же желали Жуковскій и Пушкинъ, который даже писалъ Плетневу: „Куда бы не худо посадить Шевырева на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, то-есть, надъ предразсудками и вандализмомъ".

Побѣда состоялась, и Шевыревъ, 15 января 1834 года, вступилъ на каѳедру Московскаго университета. Студенты приняли его съ восторгомъ. Шевыревъ казался для нихъ „радостнымъ событіемъ", но „очарованіе продолжалось не долго". Это скоро послѣдовавшее разочарованіе студентовъ въ Шевыревѣ, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что Шевыревъ думалъ только о наукѣ и искусствѣ, а для передовой молодежи важнѣе всего была политика. „Мы", говорилъ Погодинъ, „обращались преимущественно къ прошедшему, а противники наши къ будущему". Шевыревъ съ каѳедры внушалъ уваженіе къ древней нашей словесности, которая, по справедливому его убѣжденію, была *искони сосудомъ вѣры*, тогда какъ противники его утверждали, что древняя словесность можетъ имѣть только одинъ интересъ—филологическій. Когда историкъ Петра Великаго Н. Г. Устряловъ заявилъ, что древняя наша словесность ограничивалась „списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронографовъ и книгъ душеспасительныхъ", Шевыревъ на это возразилъ ему: „Правда, что душеспасительныя книги составляютъ

главное содержаніе древней русской словесности; но если русскій народъ въ древнемъ періодѣ своей жизни задалъ себѣ главною задачею въ произведеніяхъ своего слова указать пути для спасенія души человѣческой, то неужели такое явленіе въ своемъ народѣ историкъ новаго періода считаетъ дѣломъ столь маловажнымъ, что позволяетъ себѣ такъ небрежно о немъ отзываться? На этихъ книгахъ основано религіозно-нравственное могущество Россіи, безъ котораго ни реформа Петрова, ни всѣ за нею послѣдовавшія и ожидаемыя, не имѣли бы своего правильнаго и прочнаго развитія". Привѣтствуя графа Д. Е. Остенъ-Сакена, Шевыревъ сказалъ: „Сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя, противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы русскія будутъ, пока силы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ его въ нашемъ древнемъ Русскомъ благочестіи". Эти мысли нашли полное развитіе въ обширномъ сочиненіи Шевырева: *Исторія русской словесности преимущественно древней.* Книга эта есть плодъ работы ученой, честной, можно сказать, религіозной. Книга эта есть, по справедливому выраженію И. В. Кирѣевскаго, „оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой словесности. Изъ-подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова". Шевыревъ былъ не только проповѣдникомъ этихъ началъ, но былъ и исповѣдникомъ ихъ. Не ограничиваясь каѳедрою, онъ ратовалъ и въ журналистикѣ за древнюю словесность, за нашихъ старыхъ классическихъ учителей, за связь съ преданіемъ какъ въ исторіи, такъ и въ литературѣ и тѣмъ навлекъ на себя ненависть всемогущаго тогда Бѣлинскаго; эта ненависть была передана имъ въ наслѣдство его преемникамъ и наслѣдникамъ, и они, разсыпавшіеся по нашимъ газетамъ и журналамъ, безъ малѣйшаго вниманія къ заслугамъ, старались при всякомъ случаѣ задѣвать и ругать Шевырева. Онъ не слышалъ ни одного добраго слова, и это, конечно, имѣло вліяніе на студентовъ. А между тѣмъ кабинетъ Шевырева всегда былъ открытъ для нихъ. Онъ помогалъ имъ совѣтами, снабжалъ книгами, дѣлалъ денежныя пособія и спасъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ

тяжкой участи своимъ горячимъ заступничествомъ, но много встрѣтилъ онъ и неблагодарныхъ...“

Для успокоенія своей наступающей старости и чтобы имѣть мирный пріютъ для своихъ занятій, Шевыревъ купилъ подмосковную, и въ 1854 году писалъ Погодину: „А прелестный уголокъ мы купили, для отдыха на старости лѣтъ. Въ семи верстахъ отъ Пятницы Берендѣевой, въ семнадцати отъ желѣзной дороги, въ Клинскомъ уѣздѣ. Если бы ты захотѣлъ освѣжиться и уединиться въ деревнѣ,—милости просимъ. Есть особый флигель, кромѣ дома въ четырнадцать комнатъ. Аллея изъ липъ прелесть,—березы, ели и пр. Рѣка Нудоль... Принадлежала Денису Давыдову“. По свидѣтельству Погодина, „пребываніе Шевырева въ деревнѣ имѣло доброе вліяніе на крестьянъ. Онъ пріучалъ ихъ ходить чаще въ церковь, оказывать уваженіе къ духовенству, лѣчилъ, покоилъ, приглашалъ къ себѣ обѣдать священника и его жену, устраивалъ праздники, обращалъ вниманіе на дѣтей. Крестьяне приходили къ нему за совѣтами, жили на его харчахъ, и слава о ласковомъ баринѣ разошлась далеко“.

Стеченіе роковыхъ обстоятельствъ омрачило послѣдніе годы жизни Шевырева. Не смотря на свою болѣзнь, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ библіотекахъ. Въ „смиренной и тѣсной кельѣ“ у отца ризничаго Синодальной библіотеки, архимандрита Саввы (скончавшагося въ санѣ архіепископа Тверского и Кашинскаго) переписывалъ онъ поученія Фотія, Григорія Цамблака и другія; въ кельяхъ у архимандрита Чудовской обители, Паисія, трудился надъ Евангеліемъ святителя Алексія; въ кельяхъ архимандрита Іосифова Волоколамскаго монастыря Гедеона работалъ онъ надъ рукописями знаменитой библіотеки. По свидѣтельству М. П. Погодина, „по наружности Шевыревъ какъ будто былъ еще крѣпокъ, но внутри завелся червь, который подтачивалъ ему жизнь. Тогда онъ рѣшился уѣхать въ чужіе края, чтобы пожить нѣсколько времени на свободѣ, не слыхать этой противной брани, не видать этихъ противныхъ ему фигуръ“. Погодинъ, провожая его до Серпуховской заставы, смотря на него „съ прискорбіемъ, былъ увѣренъ, что онъ не поправится, и что онъ не увидитъ его болѣе“. Предчувствіе Погодина оправдалось. „Человѣкъ, дѣйствующій предъ обществомъ“,

писалъ Шевыревъ, „обязанъ ему отчетомъ въ своихъ дѣлахъ общественныхъ, а въ душевныхъ скорбяхъ, въ борьбѣ съ судьбою, въ великомъ и трудномъ дѣлѣ жизни его отчетъ только Богу“.

Разставаясь съ своимъ поприщемъ, Шевыревъ высказалъ свои желанія о будущемъ процвѣтаніи Россіи въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, которыя можно почитать какъ бы его духовнымъ завѣщаніемъ. Онъ писалъ: „Катитесь во всѣ стороны нашего любезнаго отечества пути желѣзные, пароходы крылатые, и соединяйте въ одно живое, гибкое и стройное тѣло всѣ дремлющіе члены великаго Русскаго исполина! Разрабатывай, Россія, богатства, данныя тебѣ Богомъ въ твоей неисчерпаемой и разнообразной природѣ, развертывай и высвобождай всѣ свои личныя силы человѣческія, для великаго труда надъ нею! Но помни, что неизмѣримая духовная сила твоя заготовлена еще предками въ древней твоей жизни, вѣрь въ нее, храни ее какъ зѣницу ока и во всѣхъ твоихъ новыхъ дѣйствіяхъ призывай ее на помощь; потому что безъ нея никакая сила твоя не прочна, никакое дѣло не состоятельно, и полная, всецѣлая жизнь всего Русскаго народа и каждаго человѣка отдѣльно не возможна“.

Проводя свои послѣдніе предсмертные годы въ Парижѣ, Шевыревъ тосковалъ по Москвѣ. „Въ великую субботу (1862) я говорилъ о Филаретѣ“, писалъ онъ Погодину. „Лекція удалась. Филаретъ какъ проповѣдникъ предсталъ во всей своей глубинѣ и силѣ... Лекціи у меня говорятся спокойно и ясно. Только въ заключеніи о Филаретѣ расчувствовался. Вспомнилъ Москву, воскресную полночь, звонъ колоколовъ—не могъ говорить. Сердце переполнилось. Слезы прекратили рѣчь... Многіе изъ слушателей были тронуты и плакали...“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ внимательно слѣдилъ за реформаторскою дѣятельностью, кипѣвшею тогда въ нашемъ отечествѣ. „Не думаю“, писалъ онъ Погодину, „чтобы у насъ могла привиться эта судебная комедія, разыгрываемая адвокатомъ власти всепобѣдительной и адвокатомъ краснорѣчія всеоправдывающаго. Думаю, что русскій человѣкъ адвокату своей неправды способенъ будетъ публично сказать: „Да вѣдь ты все лгалъ. Я въ самомъ дѣлѣ убійца“. И что это за власть императорская, которая будетъ

только гнать и обвинять? Нѣтъ, у насъ должно быть что-нибудь другое".

Шевыревъ скончался въ Парижѣ, 8 мая 1864 года. На панихидахъ по немъ еще пѣли: *Христосъ Воскресе!..*

Извѣстіе о кончинѣ Шевырева было принято у насъ съ возмутительнымъ равнодушіемъ. Краткое упоминаніе въ *Днѣ* Аксакова объ его кончинѣ, два-три слова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объ его заслугахъ, и только. А между тѣмъ „болѣе нежели въ отношеніи къ кому-либо", говорилъ почтенный Я. К. Гротъ въ Академіи, „изъ сошедшихъ въ могилу дѣятелей послѣдняго времени, на насъ лежитъ въ настоящемъ случаѣ забота исполнить святой долгъ справедливости. Въ послѣдніе годы жизни Шевырева обстоятельства ея приняли особенно неблагопріятный для него оборотъ. Вслѣдствіе разныхъ прискорбныхъ случайностей всѣ прежнія заслуги его были забыты — что̀ едва ли послужитъ къ чести нашей эпохи — не раздался ни одинъ голосъ въ защиту человѣка, оказавшаго существенную пользу наукѣ. Пусть Шевыревъ имѣлъ свои человѣческія слабости: смерть уже бросила на нихъ свой примирительный покровъ, и въ глазахъ потомства ничто не должно заслонять его значенія какъ ученаго и писателя".

IV.

Въ Малороссійской степи на востокъ отъ Золотоноши, въ Згарскомъ хуторѣ Тимковщинѣ, въ дому бабки своей Анны Савичны Тимковской, 3 сентября 1804 года, родился Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. Тамъ проживалъ мужъ святой жизни — Иванъ Назарьевичъ Тимковскій, по смерти брата своего воспитавшій и передавшій Москвѣ пятерыхъ племянниковъ своихъ, которые всѣ были писателями, и два изъ нихъ профессорами. Меньшая сестра ихъ, Гликерія Ѳедоровна, была матерью Максимовича. Отецъ его, Александръ Ивановичъ, оставилъ въ 1803 году, по волѣ отцовской, службу въ Кіевѣ и, женясь, жилъ подъ Переяславомъ, въ хуторѣ Старосельѣ, надъ рѣчкою Каранью, гдѣ Максимовичъ и пробылъ до трехлѣтняго возраста. Послѣ того около году семья жила въ приднѣпровскомъ селѣ Прохоровкѣ, Золотоношскаго уѣзда, у дѣда

Ивана Ивановича Максимовича, любившаго суровую, старосвѣтскую простоту жизни, и въ народѣ извѣстнаго подъ именемъ *стараго маіора*; прадѣдъ служилъ сотникомъ еще Бубновской сотни, а въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, по преобразованіи Малороссіи, служилъ по выборамъ, сперва судьею, а потомъ предводителемъ Золотоношскаго дворянства. Въ этомъ званіи находился онъ, въ числѣ провожавшихъ Екатерину Вторую Днѣпромъ, отъ Кіева до Кременчуга, въ апрѣлѣ 1787 года. Послѣ того, оставаясь въ чинѣ бунчуковаго товарища, доживалъ онъ вѣкъ свой въ Кіевѣ, гдѣ нѣкогда жилъ и служилъ его прадѣдъ, родоначальникъ Максимовичей, *Максимъ Печерскій;* въ концѣ 1801 года прадѣдъ М. А. Максимовича скончался и былъ погребенъ на горѣ Щековицѣ.

Шестилѣтнимъ мальчикомъ Максимовичъ былъ привезенъ въ Золотоношу, въ Благовѣщенскій женскій монастырь, на ученіе книжное, и въ тотъ же день черница Варсонофія, сестра генерала Голенка, посадила мальчика съ указкою за грамотку. Обычный курсъ первоначальнаго ученія той поры — *грамотка, Часословецъ* и *Псалтырь*, — курсъ, установленный еще св. Кирилломъ, первоучителемъ Славянскимъ, весь былъ пройденъ въ монастырѣ у той же черницы. Ученіе Максимовичъ продолжалъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Рано развилась въ душѣ его любовь къ природѣ и поэтическое настроеніе. Еще въ гимназіи онъ то и дѣло бродилъ по садамъ и лѣсамъ, собирая растенія и мечтая сдѣлаться московскимъ профессоромъ ботаники.

25 октября 1819 года Максимовичъ съ сердечнымъ трепетомъ увидалъ „Бѣлокаменную“ и остановился у дяди своего профессора римской словесности Московскаго университета Романа Ѳедоровича Тимковскаго, который былъ первымъ путеводителемъ его по Кремлю. Тимковскій записалъ своего племянника въ студенты словеснаго отдѣленія и помѣстилъ въ одинъ изъ кандидатскихъ нумеровъ, окнами на Никитскую. Объ опредѣленіи своего племянника на казенный счетъ Тимковскій и слышать не хотѣлъ. Но Максимовичъ не долго имѣлъ счастіе пользоваться руководствомъ своего знаменитаго дяди, такъ какъ тотъ скончался 15 января 1820 года. У гроба профессора Погодинъ увидалъ „маленькаго хохлика“, его племянника, который только-что пріѣхалъ въ Москву изъ Мало-

россіи. Этотъ „хохликъ“ былъ Максимовичъ, съ которымъ вскорѣ послѣ того Погодинъ соединился узами тѣснѣйшей дружбы. Они вмѣстѣ восхищались лекціями Мерзлякова; словесникъ однако не покинулъ любезной ему ботаники и усердно исхаживалъ Московскія окрестности, изучая мѣстную флору; въ августѣ 1821 года онъ перешелъ на физико-математическое отдѣленіе. Тутъ Максимовичъ сблизился съ профессоромъ ботаники Гофманомъ „Но“, свидѣтельствуетъ Максимовичъ, „звѣздою сего отдѣленія въ университетѣ заблестѣлъ тогда прибывшій изъ-за границы Михаилъ Григорьевичъ Павловъ. Его лекціи о природѣ, въ духѣ натуральной философіи, строго логическія и художественно округленныя, питали новою жизнію молодые умы студентовъ“.

Пробывъ два года на физико-математическомъ отдѣленіи, Максимовичъ удостоенъ былъ, 30 іюня 1823 года, степени кандидата „за отличные успѣхи и примѣрное поведеніе“. Дипломъ кандидата былъ двойною радостію для студента, потому что осчастливилъ его мать, когда она получила его. Вотъ что писала она тогда къ нему: „Благодарю Творца Небеснаго, что Онъ насъ не оставляетъ, и да ниспошлетъ Онъ на тебя благодать Свою на всю твою жизнь!.. Старайся, другъ мой, чтобы я наслѣдила бабушку твою Тимковскую: ибо я очень помню, какъ бывало она часто плачетъ отъ радости за твоихъ дядей“.

Братъ извѣстнаго издателя *Московскаго Телеграфа* Ксенофонтъ Полевой характеризуетъ Максимовича живыми чертами: „Онъ былъ оригиналенъ своимъ малороссійскимъ юморомъ и страстью къ ботаникѣ. Когда онъ былъ уже домашнимъ человѣкомъ у насъ, издатель *Московскаго Телеграфа* называлъ его не иначе, какъ dominus. Но шутя и балагуря, юноша-dominus сдѣлался кандидатомъ и потомъ магистромъ естественныхъ наукъ. Онъ былъ страшный лѣнтяй и всегда казался дремлющимъ; но взамѣнъ всего онъ обладалъ удивительною смѣтливостью, умѣлъ спрашивать, слушать и, такъ сказать, учился изъ разговоровъ. Когда многіе тогдашніе молодые люди читали, изучали нѣмецкихъ философовъ, онъ не читалъ ихъ, но слушалъ сужденія и объясненія профессора Павлова и всей фаланги его послѣдователей, съ которыми былъ знакомъ почти со всѣми. Отличаясь въ обхожденіи малороссійскимъ

простодушіемъ, онъ чрезвычайно любилъ знакомиться съ людьми самыми противоположными по всѣмъ отношеніямъ и, легко сближаясь съ ними, наконецъ, заставлялъ ихъ исполнять свои требованія, даже свои прихоти, и всѣ, смѣясь, дѣлали для него, что онъ хотѣлъ. При всемъ наружномъ простодушіи онъ отличался необыкновенною разсудительностью, умомъ проницательнымъ и тѣмъ окончательно привязывалъ къ себѣ". Не даромъ же И. В. Кирѣевскій говаривалъ о Максимовичѣ, что въ немъ есть драгоцѣнный камушекъ, а перо у него золотое съ бриллiантовымъ кончикомъ; извѣстный Ѳ. В. Чижовъ писалъ ему: „Вѣрьте слову человѣка, не имѣющаго нужды ни льстить, ни угождать, вѣрьте, что ваша дѣятельность для насъ нужна. День-ото-дня болѣе и болѣе теряемъ мы изъ немногаго числа тѣхъ писателей, которые еще по преданію сохранили художественность языка. Вы изъ нихъ на первомъ планѣ, и потому ваше молчаніе вредно. Мы можемъ писать дѣльно, умно, положимъ—занимательно; но не знаю—чѣмъ объяснить то, что мы совершенно какъ будто бы потеряли художественное чувство и забыли, что идея, являясь на свѣтъ, требуетъ тѣла, проситъ художественнаго слова, какъ своего непремѣннаго выраженія, а безъ его цѣлости органической она сама дѣлается неполной. У васъ эта гармонія мысли со словомъ является сама собою".

Перемѣнивъ словесное отдѣленіе въ университетѣ на физико-математическое и медицинское, Максимовичъ не покинулъ словесности, и послужилъ ей прежде всего пѣснями своей родины, издавши въ 1827 г., на средства С. А. Соболевскаго, *Малороссійскія пѣсни*. У Максимовича сохранялось письмо о немъ самомъ (3 ноября 1827 года) тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова къ Московскому попечителю А. А. Писареву: „Кандидатъ Московскаго университета Максимовичъ доставилъ ко мнѣ экземпляръ изданныхъ имъ малороссійскихъ пѣсенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ, что онъ занимается составленіемъ малороссійскаго словаря. Мнѣ очень пріятно знать, что г. Максимовичъ свободное отъ должности время употребляетъ на труды полезные для россійской словесности. Посему я покорнѣйше прошу ваше превосходительство поблагодарить его отъ меня за присылку книги и предложить прислать мнѣ на разсмотрѣніе оконченную часть словаря".

Встрѣтившись съ Максимовичемъ на обѣдѣ у С. С. Уварова, Пушкинъ сказалъ послѣднему: „Мы г. Максимовича давно считаемъ нашимъ литераторомъ; онъ подарилъ насъ малороссійскими пѣснями“.

V.

Въ Москвѣ, за Сухаревою башнею, и донынѣ процвѣтаетъ университетскій ботаническій садъ. Вспоминая свое прошлое московское житье, Максимовичъ писалъ: „Чуть не райскимъ садомъ показался онъ мнѣ въ 1823 году, когда я, послѣ четырехлѣтняго студентства, сталъ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ и былъ приглашенъ профессоромъ ботаники Гофманомъ провести у него въ саду лѣтнюю вакацію. Счастливѣйшее лѣто въ моей жизни!“

По порученію университета въ лѣтніе мѣсяцы 1824 года Максимовичъ обозрѣвалъ Московскую губернію относительно естественныхъ ея произведеній и преимущественно растеній. Подъ непрерывными дождями, въ продолженіе іюня и іюля, онъ успѣлъ обозрѣть только южную половину губерніи и, добравшись до ботаника Адамса, жившаго въ Можайскомъ уѣздѣ, отложилъ по совѣту его путешествіе на лѣто 1825 года. Собранные въ эти два лѣта растенія и минералы представилъ университету; путевыя записки его помѣщались въ 1825 году въ *Новомъ Магазинѣ*, издававшемся отъ университета профессоромъ Двигубскимъ, а *Списокъ растеній Московской флоры* напечатанъ въ 1826 году.

Въ мартѣ 1826 года скончался профессоръ Гофманъ, и Максимовичъ не замедлилъ написать „жизнь его“, воспомянувъ тамъ о двухъ прекрасныхъ его дочеряхъ, къ которымъ бывало примѣнялъ слова Озеровской Моины:

„Мы процвѣтали *здѣсь*, какъ дочери Природы“.

На мѣсто Гофмана начальникомъ Ботаническаго сада былъ назначенъ Максимовичъ. „И я“, писалъ онъ, „перемѣстился туда съ высоты университетскаго дома, изъ такъ называемаго „кандидатскаго коридора“, который состоялъ въ вѣдѣніи профессора Мерзлякова, бывшаго директора педагогическаго института, по смерти моего дяди Романа Ѳедоровича Тимковскаго. Тамъ въ саду и было

мое мѣстопребываніе до послѣдняго дня, въ который оставилъ я Москву для Кіева (до дня преп. Сергія Радонежскаго, 5 іюля 1834 года)".

Этотъ садъ былъ заведенъ еще при Петрѣ Великомъ въ качествѣ Аптекарскаго сада, какъ онъ назывался обыкновенно еще во времена Максимовича. Денежный окладъ его, какъ университетскаго ботаническаго сада, былъ очень скудный; а потому являлась печальная необходимость разводить цвѣты и деревья на продажу для содержанія сада сколько-нибудь соотвѣтственно его научному значенію и въ опрятности.

„Можетъ быть, нынче г-нъ министръ пожалуетъ въ садъ; чтобы у васъ все чисто было. Вы поднесете свои книги и каталогъ у входа въ садъ". Такъ гласитъ рукописаніе тогдашняго попечителя А. А. Писарева, извѣстнаго въ литературѣ *Калужскими вечерами*. До конца своей жизни Максимовичъ сохранялъ подаренную ему Писаревымъ англійскую гравюру, изображающую бюстъ Линнея, вѣнчаемаго Эскулапомъ, Флорою и Церерою.

„Между тѣмъ промышленное цвѣтоводство", писалъ Максимовичъ, „продолжалось чередомъ въ нашемъ саду. По заказу парфюмера Луи Буиса ежегодно насаждалось множество грядъ резеды — и ея благоуханіемъ смѣнялось весеннее дыханіе сладкопахучаго тополя, переселеннаго къ намъ изъ Горенскаго сада, еще при „ботаническомъ Фишерѣ". Сельцо Горенки, близъ Кускова, принадлежало графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому и славилось своимъ ботаническимъ садомъ и оранжереями, которыми завѣдывалъ извѣстный ботаникъ Фишеръ. Оставшійся послѣ Фишера садовникъ Финтельманъ, по уничтоженіи тамошняго сада, взялъ на себя насажденіе новаго Петровскаго парка возлѣ Москвы, и для того разводилъ дерева и кустарники въ университетскомъ ботаническомъ саду, взявши въ наемъ всю заднюю его половину. Всячески старался онъ пріобрѣсть ее въ свою собственность; но Максимовичъ рѣшительно былъ противъ такой убавки университетскаго сада. Когда же перемѣстился онъ въ Кіевъ, та половина сада вскорѣ продана была изворотливому Финтельману; и послѣдній потомъ продалъ ее по участкамъ разнымъ владѣльцамъ, въ томъ числѣ и поэту Раичу, меньшому брату Кіевскаго митрополита Филарета.

Изобиліе расхожихъ цвѣтовъ ставило Максимовича въ пріятную обязанность надѣлять ими нѣкоторыхъ знакомцевъ и профессоровъ своихъ, начиная съ многолюбимаго и краснорѣчиваго наставника своего въ русской словесности, Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова. У Максимовича сохранилась слѣдующая записка къ нему Мерзлякова о цвѣтахъ: „Къ юному, доброму, русскому Линнею, обращаюсь съ извѣстною просьбой и посылаю моего человѣка, которому поручено сокровища милостивой Флоры переселить въ мою колонію, то-есть, въ Сокольники. Вы спрашивали, какихъ надобно цвѣточковъ?—Отвѣтъ: какіе можно, я не хозяинъ въ вашемъ добрѣ. Разумѣется, женщины любятъ что поцвѣтнѣе, что подушистѣе, покраснѣе. Женѣ хочется поглядѣть и полюбоваться въ продолженіе вакаціи, и потому она просила у васъ, напримѣръ, маргаритокъ, резеды и пр. Что придумаете. Надѣясь на ваше ко мнѣ благорасположеніе и пріязнь, безпокою васъ такой комиссіей, и увѣренъ, что вы на меня не разсердитесь. Что дѣлать? Отъ женщинъ не отговоришься. За то обѣщаютъ онѣ вамъ прелестную невѣсту“.

Каждое лѣто Максимовичъ навѣщалъ Мерзлякова въ Сокольникахъ, и однажды, когда послышалось ему издалека несущееся пѣніе знаменитой пѣсни Мерзлякова: *Среди долины ровныя*, Максимовичъ вызвался собрать во едино всѣ его *пѣсни и романсы*. Между ними нашлась одна еще не обнародованная: *Не липочка кудрявая*, и Максимовичъ помѣстилъ ее въ своей первой *Деннице*.

Каждую весну „радовалъ“ Максимовича своимъ посѣщеніемъ Ботаническаго сада изъ-за его цвѣтовъ „тогдашній старѣйшина литературный“ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

Въ архивѣ Максимовича сохранились слѣдующія два стихотворенія (1830—1831 г.) Семена Егоровича Раича, обращенныя къ нему также по поводу цвѣтовъ:

1.

Друже! Время такъ прекрасно —
И Василій нашъ идетъ
Къ вамъ конечно не напрасно,
Онъ цвѣтовъ намъ принесетъ,
А какихъ, то вамъ извѣстно;
Болѣе всего намъ лестно
Маргаритки получить —
Честь имѣю быть вашъ...

2.

Хотѣлъ бы васъ просить
Стихами или прозой
Мой садъ обогатить
И тополемъ, и розой,
Лиліей, сиренгой;
Хотѣлъ бы въ садикъ мой
Переманить шеврфёли —
А впрочемъ, то-ли, то-ли
Пришлется—все равно.

Въ заключеніе своихъ воспоминаній Максимовичъ писалъ: „Незабвенны мнѣ и тѣ знакомцы мои, которые посѣщали меня въ Ботаническомъ саду для научнаго познанія растительнаго царства. Въ ихъ челѣ предстоишь ты, многопамятный для Москвы цѣлитель и другъ мой Іустинъ Евдокимовичъ *Дядковскій*, потерпѣвшій тяжкую скорбь и болѣзнь на исходѣ своей жизни! За нимъ воспоминаются мнѣ и тихоправный профессоръ зоологіи, Алексѣй Леонтьевичъ *Ловецкій*;—и смиренный сотрудникъ мой въ изслѣдованіи московской флоры, архивный юноша Александръ Виламовичъ *Рихтеръ*; и нелюдимый минералогъ и химикъ Алексѣй Александровичъ *Яковлевъ* (сродникъ его, бывшій тогда моимъ слушателемъ, Александръ Герценъ, съ удивленіемъ говорилъ, что онъ только къ одному мнѣ и выѣзжаетъ изъ своего дома, на Тверскомъ бульварѣ бывшаго). Не мало пріятныхъ писемъ осталось у меня и отъ васъ, временно бывавшихъ въ Москвѣ, неутомимыхъ и ревностныхъ изслѣдователей русской флоры, въ ея восточныхъ областяхъ— *Николай Турчаниновъ* и *Григорій Карелинъ*!.. Могу ли наконецъ не вспомянуть благодарно и тебя, милый товарищъ мой со дней студенства нашего, счастливый подвижникъ и распространитель русскаго естествознанія *Григорій Ефимовичъ Щуровскій*!..

„Такъ въ воспоминаніи моемъ, какъ и въ прежней моей многотрудной жизни, совмѣстно являются естествознаніе и русская словесность, и русская пѣсня, – съ ихъ дѣятелями и представителями. Горѣ моей не живется еще безъ пѣснопѣнія, какъ бывало и во дни юности моей, въ Ботаническомъ саду Московскомъ...

Что бъ за жизнь была безъ пѣсенъ,
Безъ поэзіи святой!
Міръ просторный былъ бы тѣсенъ
И печаленъ трудъ земной.

Пѣсня даръ небесъ великій
Намъ на жизненныхъ путяхъ;
Пѣсней—ангельскіе лики
Славятъ Бога въ небесахъ".

VI.

8 ноября 1833 года, въ день св. Архангела Михаила, издревле принятаго въ гербъ Кіеву, послѣдовало учрежденіе Университета Св Владиміра. Благодаря содѣйствію князя П. А. Вяземскаго и В. А. Жуковскаго, Максимовичъ, 4 мая 1834 года, былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Кіевскаго университета. Туда же съ нимъ собирался было ѣхать и землякъ его Гоголь, который о самомъ себѣ такъ писалъ Максимовичу: „Когда будешь писать Кіевскому попечителю Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы дескать хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія, и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія". Но Гоголю не удалось получить профессорства въ Кіевѣ

5 іюля 1834 года, послѣ акта въ Московскомъ университетѣ, Максимовичъ выѣхалъ изъ Москвы и 13 іюля увидѣлъ Кіевъ. Того же дня былъ уже въ университетскомъ засѣданіи, и того же дня попечитель Кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке возложилъ на него исправленіе должности ректора; а 15 іюля того же года происходило открытіе Университета Св. Владиміра.

По переселеніи въ Кіевъ Максимовичъ замолкъ для своихъ московскихъ друзей, и Погодинъ съ упрекомъ ему писалъ: „*Великольпному ректору Кіевскому.* И не стыдно вамъ переписываться только съ Авдотьей Васильевной Сухово-Кобылиной? Не ожидалъ я такого скораго надменія". На это Максимовичъ отвѣчалъ Погодину: „Ты пристыжаешь меня, что я переписываюсь только съ Авдотьей Васильевной, и что еще страннѣе мнѣ—ты не понимаешь этого, не понимаешь, почему мнѣ прежняя московская жизнь усладительнѣе бесѣдою съ прекрасною юностью, чѣмъ съ взрослымъ ребячествомъ и старыми дрязгами... Гдѣ жь сердцемъ отдохнуть могу? Не тамъ ли, гдѣ нѣтъ и помину про дрянь житейскую, гдѣ

нѣтъ мѣста отношеніямъ, шашнямъ службы вашей, вашей опытности, повѣстью коихъ ты наполнилъ свое письмо".

Къ Сухово-Кобылиной же Максимовичъ писалъ пѣкогда:

Ты опять мнѣ засвѣтилась,
Поднебесная звѣзда,
И съ тобой опять явилась
Благодатная мечта.
Ты мнѣ съ неба проглянула,
Озарила трудъ земной,
И душа опять дохнула
Лучшей жизни полнотой.
Но зачѣмъ блестишь такъ смутно,
Вѣковѣчная моя?
Иль возвратъ твой былъ минутный,
Иль дрожишь ты за меня?
О, помедли, дай мнѣ свѣта
Наглядѣться моего!
Здѣсь такъ грустно безъ привѣта
И отвѣта твоего.

О ректорской дѣятельности Максимовича мы имѣемъ не ложное свидѣтельство одного изъ его преемниковъ, тогда ректора университета Св. Владиміра, а впослѣдствіи министра финансовъ, Николая Христіановича Бунге, который сказалъ Максимовичу, на юбилейномъ его праздникѣ, слѣдующее: „Мнѣ позвольте привѣтствовать въ лицѣ вашемъ перваго ректора нашего университета, участника въ закладкѣ духовныхъ основъ учрежденія, которому вы оставили прекрасный завѣтъ въ прощальномъ словѣ вашемъ, при оставленіи университетскаго управленія. „Каково бы ни было еще мое служебное поприще", замѣтили вы, обращаясь къ своимъ товарищамъ, „но я конечно никогда уже не могъ бы сказать себѣ ничего лучшаго какъ то, что я былъ первымъ ректоромъ университета Св. Владиміра. Самымъ лучшимъ воспоминаніемъ моей гражданской жизни будутъ мнѣ три полугодія, когда я вмѣстѣ съ вами принималъ столь близкое участіе въ образованіи новаго университета". Упоминая далѣе о господствовавшемъ при васъ единодушіи и согласіи, вы сказали: „Сему-то единодушію и согласію мы обязаны за успѣхъ нашихъ первыхъ трудовъ, за эту простоту и легкость, съ которою трудныя дѣла мы рѣшали какъ самыя обыкновенныя и ежедневныя... Несомнѣнны наши и будущіе успѣхи, если въ сословіи на-

шемъ сохранится то братское согласіе и та общая забота о своемъ долгѣ, которыми отличалось оно доселѣ; если мы всѣ, стремясь къ пользамъ просвѣщенія, заботясь о благѣ, чести и славѣ университета нашего, будемъ дорожить добрымъ именемъ каждаго нашего товарища". Затѣмъ вы указали на тѣ начала, которымъ вы слѣдовали въ вашей дѣятельности: „Я думаю,—сказали вы—что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться съ общимъ закономъ необходимости, и въ оправданіе моего управленія скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего университета, руководиться искренностію и прямотою мнѣнія, и вмѣстѣ желаніемъ, чтобы всѣ предпріятія и рѣшенія совѣта были исполняемы на самомъ дѣлѣ. Такъ ли я дѣйствовалъ, о томъ вы лучшіе судіи мои... Дай Богъ, чтобы и всѣмъ будущимъ преемникамъ моимъ было такъ хорошо служить, какъ было мнѣ съ вами". Вотъ начала, которыя освѣщали путь всей вашей многотрудной жизни; вотъ почему всѣ, которые близки къ вамъ, могутъ сказать, хорошо было служить, но хорошо и жить съ вами. Дай Богъ, чтобы нѣкогда сказанное вами слово было всегда живою силою въ нашемъ обществѣ и въ нашемъ университетѣ, и чтобы каждый изъ насъ могъ взглянуть на свое прошлое съ такою же чистою совѣстію, какъ вы, съ такимъ же сознаніемъ исполненнаго долга.

За здоровье перваго ректора нашего университета и за торжество началъ, которымъ онъ слѣдовалъ въ своей жизни!"

VII.

Въ Москвѣ главнымъ дѣломъ Максимовича было естествознаніе, которому неотлучною спутницею и вѣрною помощницею была философія; а въ Кіевѣ онъ преданъ былъ словесности, развивавшейся у него подъ господствомъ исторіи. Вступительною лекціею его въ университетѣ св. Владиміра была лекція *О значеніи и происхожденіи человѣческаго слова*. Познакомившись съ этою лекціей, знаменитый ректоръ Кіевской духовной академіи Иннокентій писалъ Максимовичу: „Самъ св. Владиміръ не усумнился бы одобрить къ изданію ее въ свѣтъ. Съ розою и лиліею, какъ ни жаль, а едва ли не нужно разстаться". Эта лекція „отмѣнно понравилась" и самому

Московскому митрополиту Филарету. Узнавъ объ этомъ, Максимовичъ замѣтилъ: „Болѣе этого мнѣ и желать уже было нечего для той лекціи".

Въ Кіевѣ же Максимовичъ трудился надъ *Исторіею древней русской словесности*, и когда осенью 1838 года онъ послалъ къ Иннокентію первый корректурный листъ ея, съ надписаніемъ: *Благослови, владыко!* Тотъ возвратилъ съ своей надписью: *Богъ благословитъ*. Этою книгою очень заинтересовался, находившійся въ то время въ Мюнхенѣ, С. П. Шевыревъ и (17 октября 1839 года) писалъ Погодину: „Любопытно мнѣ прочесть книгу Максимовича, я многаго жду отъ него, особенно въ этомъ періодѣ. Онъ на мѣстѣ изучаетъ дѣло. Но я не думаю, чтобы мы сошлись во взглядѣ".

Замѣчательно, что первою жертвою наступательнаго движенія западниковъ противъ древней русской словесности былъ историкъ ея М. А. Максимовичъ; но не взирая на сіе, Максимовичъ продолжалъ терпѣливо трудиться на священной нивѣ русскихъ древностей во святомъ градѣ Кіевѣ. Другая книга его, посвященная памяти Ломоносова: *Откуда идетъ Русская* (Кіевская) *земля?* была предисловіемъ къ послѣдующимъ трудамъ его надъ стариною кіевскою и галицкою, въ которые вдался онъ, сходя съ поприща профессорскаго. Для того собственно и предпринялъ Максимовичъ, въ 1840 году, изданіе *Кіевлянина*.

По выходѣ въ свѣтъ первой книги *Кіевлянина* Максимовичъ счелъ обязанностью представить ее Кіевскому генералъ-губернатору Дмитрію Гавриловичу Бибикову который въ то время находился въ Петербургѣ и оттуда, 4 апрѣля 1840 года, писалъ Максимовичу: „Изъявляю вамъ искреннюю мою благодарность за присланный вами экземпляръ *Кіевлянина*. Читая его, мнѣ пріятно было видѣть, что нашъ Кіевъ, столь богатый своею древнею славою, наконецъ выступаетъ мало-по-малу и на поприще литературной дѣятельности. Кіевъ—для ума и сердца русскаго—есть предметъ достойный изученія; и отъ кого же болѣе, какъ не отъ васъ современная любознательность должна требовать любопытныхъ результатовъ вашей наблюдательности. Прямой, священный долгъ кіевскихъ ученыхъ есть изученіе кіевской старины, пока она жива еще въ драгоцѣнныхъ памятникахъ. Отъ всей души желаю вамъ совершеннаго

успѣха на семъ полезномъ поприщѣ. Что же касается до стихотворенія Хомякова *Кіевъ*, то пришлите оное ко мнѣ, я употреблю все стараніе, чтобы оно могло украшать собою книжку вашего *Кіевлянина*. Душевное мое уваженіе вашей сестрицѣ".

ПОГАШЕНО

VIII.

Покончивъ съ *Кіевлянином*ъ и получивъ увольненіе отъ службы, Максимовичъ не замедлилъ оставить Кіевъ. 28 апрѣля 1841 года онъ простился въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Святитель подарилъ на память своему другу прекрасный эстампъ Спасителя Леонардо да Винчи, предъ которымъ владыка написалъ всѣ лучшія свои творенія: *Седмицы* и *Послѣдніе дни земной жизни Спасителя*.

Передъ отъѣздомъ изъ Кіева Максимовичъ писалъ Погодину: „Дня черезъ два прощаюсь съ Кіевомъ и поплыву на дубѣ широкимъ раздольемъ Днѣпра на свою Гору. Богоспасаемому граду желаю новаго благословенія Божія, а тебѣ здоровья и успѣха въ твоихъ предпріятіяхъ. Зачѣмъ и ты это хвораешь? Негодится! Москва и москвичи помоложе кіевлянъ".

Имѣніе Максимовича, Михайлова Гора, въ которомъ навсегда поселился онъ, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, верстахъ въ ста-шестидесяти отъ Кіева по Днѣпру. Мѣстность Михайловой Горы необыкновенно живописна. Вотъ какъ описываетъ ее самъ владѣлецъ: „Прямо противъ того мѣста, гдѣ рѣка Рось поворачиваетъ къ Днѣпру, на нашей сторонѣ его, надъ селомъ Прохоровкою, выдалась моя Михайлова Гора, съ которой такъ далеко видно во всѣ стороны. Сколько разнообразныхъ картинъ сливается здѣсь въ одну полную, живую панораму, и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Божьяго міра! Цѣлую половину кругозора моего обнялъ собою Днѣпръ, сверкая мнѣ на шестидесяти верстахъ своего теченія. Прекрасенъ Днѣпръ и въ сіяніи дневномъ, когда на его свѣтлыхъ водахъ забѣлѣются полные паруса, ныряя въ зелени прибрежныхъ деревъ, и въ сумракѣ ночномъ, когда на его стемнѣвшихъ берегахъ засвѣтятся огни и мимо ихъ проходятъ огни

на плывущихъ плотахъ. Прекрасенъ видъ Заднѣпровья, съ широкими раздолами его темныхъ, лѣсистыхъ луговъ, разлегшихся на полдень отъ Роси, подъ синѣющимися полосами горъ Корсунскихъ и Мошенскихъ, съ его величавою, нарядною возвышенностью Роденскою, бѣлѣющею въ концѣ своемъ городомъ Каневымъ, и съ выходящею изъ-за Канева отраслію Терехтемировскихъ горъ. Но еще ненаглядпѣе для меня видъ побережья, на которомъ, какъ на разостланномъ коврѣ, безпечно раскинулись наши села. Тамъ улеглась бездна зелени, въ лугахъ и лѣсахъ, сплетаясь безчисленными очерками и оттѣнками въ одну ткань съ струями и зыбями блѣдножелтыхъ песковъ, поднимающихся холмами на сѣверъ. А на востокъ отъ меня потянулась привольная степь, съ разсѣянными на ней лѣсками, садиками и хуторами и этими таинственными могилами, безъ которыхъ и степь—не степь въ Малороссіи". Вотъ на этой-то Горѣ поселился нашъ испытатель природы, словесникъ и историкъ, и въ литературѣ нашей, какъ село Остафьево и его архивъ сдѣлались неразрывными съ именемъ князя П. А. Вяземскаго, какъ, впослѣдствіи село Татево — связалось съ именемъ С. А. Рачинскаго, Ясная Поляна—съ именемъ графа Л. Н. Толстаго, такъ и Михайлова Гора стала неразрывно связанною съ именемъ Максимовича. Князь П. А. Вяземскій писалъ С. И. Пономареву: „Если бы я чего могъ желать въ моей жизни, то пожить на Михайловой Горѣ"; а владѣлецъ ея писалъ:

Я къ Горѣ моей прикованъ
Словно цѣпію стальной,
И тоска-печаль какъ воронъ
Сердце мнѣ клюетъ порой;
Но и здѣсь еще мелькаетъ
Милый призракъ лучшихъ дней,
И мнѣ радость навѣваетъ
Сладкопѣвецъ соловей.

IX.

На своей Михайловой Горѣ Максимовичъ зажилъ совершеннымъ отшельникомъ. „Сердечно я радъ", писалъ ему князь П. А. Вяземскій, „что намъ удалось съ вами перекликнуться, намъ— старымъ часовымъ въ своихъ сторожкахъ. Скажите, ради Бога,

какъ это сдѣлалось, что перерой весь адресъ-календарь, а имени вашего не сыщешь! Неужели вы нигдѣ не числитесь, ни къ чему не прикрѣплены и проч., и проч? Да вы, стало-быть, единственное исключеніе, паріа въ нашей разграфированной, департаментальной, комитетской, прикомандированной и такъ далѣе, мундирной Россіи Это чего-нибудь да стоитъ".

На это Максимовичъ отвѣчалъ: „Давно выбывшій изъ Россійскаго календаря (легко сказать — съ 1841 года!), давно отпѣтый въ *Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета* (второй томъ его начинается моимъ именемъ), — я все еще тяну мое тягло русскимъ музамъ и въ особенности Мнемозинѣ Кіевской, — хотя эта старая вѣдьма и не примѣчаетъ меня, закабалившаго себя ей съ 1837 года, и благопріятствуетъ болѣе любимцамъ другой кіевской вѣдьмы, слѣпой Фортуны, любящимъ загребать жаръ чужими руками, и пожинать то, чего не сѣяли, тамъ, гдѣ не пахали..."

За все свое тридцатидвухлѣтнее пребываніе на Михайловой Горѣ Максимовичъ только три раза посѣтилъ Москву. Осенью 1849 года на своей тройкѣ гнѣдыхъ онъ предпринялъ путешествіе съ Михайловой Горы въ Москву. Свиданіе съ старыми друзьями и въ особенности пребываніе Гоголя въ Москвѣ были главными побужденіями для предпріятія этого путешествія. Въ Москвѣ Максимовичъ, какъ говорится, катался какъ сыръ въ маслѣ. Особенно его холили и нѣжили въ домѣ Аксаковыхъ. По свидѣтельству современниковъ, въ обществѣ Гоголь держалъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ. Если къ нему подсаживались, онъ начиналъ дремать, или глядѣть въ другую комнату, или просто-за-просто вставалъ и уходилъ; но если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался Максимовичъ, то какимъ-то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ къ другу: они усаживались въ уголъ и говорили нерѣдко между собою цѣлый вечеръ горячо и одушевленно, какъ Гоголь ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великоруссовъ.

Въ маѣ 1850 года обоихъ друзей потянуло на родину, въ Малороссію, куда они вмѣстѣ и отправились на долгихъ. Предъ отъѣздомъ изъ Москвы Максимовичу удалось повидаться съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Объ этомъ свиданіи Максимовичъ

вспоминалъ въ позднѣйшемъ письмѣ своемъ къ Погодину. „Мнѣ памятно еще одно 15 мая, надъ Москвой-рѣкой, когда мы съ тобою, помнишь, въ 1850 году, поспѣшали въ Симоновъ. Въ тотъ день былъ у Мельхиседека *обѣдъ силенъ*, ради дорогого гостя его, возвращавшагося изъ Петербурга въ Одессу. И какъ доволенъ былъ тогда Иннокентій, что наконецъ вырвался изъ Петербурга! Тогда, между прочимъ, онъ сказалъ намъ наединѣ: *novus ordo* зачинается въ мірѣ, — и это было послѣднее изреченіе, слышанное мною изъ устъ его .. Я видѣлъ его тогда въ послѣдній разъ".

Второе посѣщеніе Максимовичемъ Москвы состоялось въ концѣ 1857 годя. Въ апрѣлѣ сего года редакторъ *Русской Бесѣды* Т. И. Филипповъ переселился въ Петербургъ, и мѣсто его занялъ И. И. Бартеневъ, съ которымъ Кошелевъ познакомился у Хомякова. Въ ноябрѣ того же года Бартеневъ отправился путешествовать по западу, и его мѣсто съ 1-го декабря 1857 года занялъ Максимовичъ. Но труды его по редакціи *Русской Бесѣды* продолжались не долго.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ Максимовичъ принялъ живѣйшее участіе въ обновленіи заглохшаго съ тридцатыхъ годовъ Общества любителей россійской словесности... На первое засѣданіе Общества, 27 мая 1858 года, собралось только шесть членовъ: С. А. Масловъ, М. П. Погодинъ, А. М. Кубаревъ, М. А. Максимовичъ и А. Ѳ. Вельтманъ. Члены избрали предсѣдателемъ Общества Хомякова, а секретаремъ — Максимовича. Члены Общества совершенно справедливо говорили и писали Максимовичу: „Вы воздвигли изъ гроба новаго Лазаря". Секретарство его продолжалось до 6 мая 1859 года. Въ Москвѣ же Максимовичъ занимался редакціею сочиненій своего друга И. В. Кирѣевскаго.

Весною 1859 года Максимовичъ возвратился на свою Михайлову Гору.

Въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ Москву, а также и Петербургъ, за годъ до своей кончины, весною 1872 года. Въ Петербургѣ онъ былъ утѣшенъ свиданіемъ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, а также и тѣмъ, что удалось застать еще въ живыхъ своего престарѣлаго дядю тайнаго совѣтника Егора Ѳедоровича Тимковскаго, извѣстнаго въ нашей литературѣ *Путешествіемъ въ Китай*

чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ, предисловіе къ которому начинается словами: „Судьба украсила мою жизнь событіемъ рѣдкимъ, незабвеннымъ: я видѣлъ Китай".

Въ 1871 году, въ С.-Петербургѣ, я сдѣлалъ второе изданіе *Писемъ о Кіевѣ* и *Воспоминанія о Тавридѣ* Михаила Максимовича. Книжка эта начинается стихотвореніемъ Максимовича, посвященнымъ *Старому Товарищу* (Погодину), въ этомъ стихотвореніи остановилъ мое вниманіе стихъ:

Воспоминаніемъ богатый
О мірѣ я забылъ...

и далъ мнѣ поводъ просить М. А. Максимовича писать свои драгоцѣнныя *Воспоминанія;* въ отвѣтъ на мою просьбу Максимовичъ, 11 іюня 1870 года, съ своей Михайловой Горы, писалъ мнѣ: „Не побуждайте меня писать *Воспоминаній*, на которыя не разъ вызывалъ уже меня Погодинъ, благодареніе Богу, уже выздоровливающій. Моя жена видѣла, что я плакалъ, пишучи мое воспоминаніе о Надеждинѣ, а также и воспоминаніе объ Иннокентіи... За что волновать свою душу прошедшимъ, когда и настоящая, повседневная жизнь не даетъ ей покоя?.."

10 ноября 1873 г., на своей Михайловой Горѣ, Максимовичъ воспріялъ *христіанскую кончину живота* своего *непостыдную, мирную,* съ упованіемъ дать *добрый отвѣтъ на страшномъ судищѣ Христовѣ.*

X.

Погодинъ пережилъ своихъ младшихъ товорищей и друзей Шевырева и Максимовича, и по поводу кончины послѣдняго писалъ: „Я хороню какъ будто собственную жизнь свою по частямъ, совершая тризну по своимъ друзьямъ, товарищамъ, сверстникамъ, которые одинъ за другимъ сходятъ въ могилу. Съ Максимовичемъ мы были,—легко сказать,—лѣтъ пятьдесятъ, почти съ студентской скамьи, въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, имѣли общихъ знакомыхъ, сходились въ однихъ и тѣхъ же домахъ. Князь Вяземскій, Иннокентій, Пушкинъ, Языковъ, Гоголь, Аксаковъ, Елагины, Су-

хово-Кобылины, Кирѣевскіе,—сколько любезныхъ образовъ поднимается изъ глубины прошедшаго и наводятъ грусть.

„Въ послѣдніе годы Максимовичъ былъ особенно расположенъ ко мнѣ и выражалъ въ письмахъ своихъ сочувствіе очень трогательно, а я, виноватъ, увлекаемый своими работами, оставался по долгу безъ отзыва. Услышавъ объ его болѣзни, я собирался навѣстить его на знакомой Михайловой Горѣ и хотѣлъ спросить его о кратчайшей линіи къ ней отъ какой-нибудь желѣзной дороги, писалъ къ доброму Кіевскому попечителю, какъ бы перевезти больного въ Кіевъ, какъ вдругъ получаю горестное извѣстіе.

„Послѣ литургіи и отпѣванія въ церкви села Прохоровки совершено погребеніе на Михайловой Горѣ, недалеко отъ флигеля, который былъ ученымъ кабинетомъ покойнаго. Отъ церкви до могилы дорога была усыпана зеленью сосновыхъ вѣтвей и покрыта народомъ, образованными и простыми, потому что навѣрное сказать могу—въ окрестности каждый, даже самый скромный простолюдинъ, лично испыталъ при какомъ-либо случаѣ ангельскую доброту души покойнаго. Онъ скончался тихо и мирно, смертію святого человѣка. Да, онъ былъ человѣкъ незлобивый, благодушный. Терпѣть приходилось ему много, но онъ переносилъ все съ терпѣніемъ.

„Прочитавъ въ газетахъ, что Максимовича погребли въ саду, я писалъ къ другу покойнаго протоіерею св. Софіи Кіевской Петру Гавриловичу Лебединцову: „Растолкуйте мнѣ, что это значитъ? Вѣдь Максимовичъ отъ колыбели до могилы былъ православно-вѣрующій христіанинъ. Развѣ въ этомъ саду есть церковь: тогда дѣло другое“. О. Лебединцевъ, успокоивая мое сомнѣніе, описалъ мнѣ и послѣднія минуты Максимовича: „Онъ былъ и умеръ православно-вѣрующимъ христіаниномъ. Предъ смертью, за нѣсколько дней, исповѣдывался и причастился св. Таинъ; потомъ постоянно молился и плакалъ; чувствуя, наконецъ, приближеніе смерти, надѣлъ на себя материнскую свою рубаху, велѣлъ зажечь страстную свѣчу и посадить себя въ кресло; простился съ домашними и, сидя такъ, тихо скончался, во второмъ часу дня. Мѣсто для своего вѣчнаго успокоенія онъ избралъ самъ на своей Михайловой Горѣ, въ саду, въ виду словутнаго Днѣпра. Еще въ началѣ сентября, самъ распорядился приготовить въ выкопанной могилѣ кирпичный

склепъ и въ склепъ вставить дубовый срубъ; а также по его распоряженію, изготовленъ былъ въ это время и гробъ; за день до кончины, велѣлъ открыть склепъ, чтобы его осушить отъ сырости. Отпѣваніе усопшаго происходило въ церкви села Прохоровки, соборомъ мѣстныхъ священниковъ, при большомъ стеченіи народа. Погребенію въ саду не удивляйтесь; въ Малороссіи по хуторамъ это обычно; а до конца XVIII вѣка, когда не было нигдѣ общихъ кладбищъ, было общимъ похоронять своихъ усопшихъ въ саду церковной ограды, или въ собственномъ саду, по примѣру тому, какъ Іисусъ Христосъ погребенъ былъ въ саду Іосифа Аримаѳейскаго".

Николай Барсуковъ.

20 іюля 1899 г., С.-Петербургъ.

I.

ПИСЬМА

М. П. Погодина къ князю П. А. Вяземскому.

1.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Приношу вамъ искреннюю и усердную мою благодарность за доставленные стихи,—отъ себя и отъ будущихъ читателей. Между тѣмъ ваша благосклонность дѣлаетъ меня дерзкимъ, и я обращаюсь къ вамъ съ новыми, покорными просьбами.

А. Ѳ. Мерзляковъ давно уже писалъ къ В. А. Жуковскому о доставленіи чего-нибудь въ мой альманахъ, но до сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Нельзя ли вамъ напомнить объ этомъ и исходатайствовать по крайней мѣрѣ позволеніе напечатать прилагаемый его отрывокъ, попавшійся мнѣ случайно въ одномъ альбомѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ, или безъ онаго, какъ вы разсудите.

Наконецъ въ ожиданіи отвѣта отъ Пушкина, не позволите ли вы сами напечатать хотя двадцать стиховъ, вами назначенныхъ, изъ второй главы *Онѣгина?* [1]).

Повторивъ предъ вами изъявленіе моей благодарности, которой такъ хочется повторяться, имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга М. Погодинъ.

1825, ноября 23. Москва.

На этомъ письмѣ рукою князя П. А. Вяземскаго приписано: Этотъ Погодинъ университетскій, но со всѣмъ тѣмъ умный и порядочный человѣкъ. Онъ издаетъ *Московскій Альманахъ*. Пособи ему чѣмъ можешь. Въ твоемъ отрывкѣ много хорошаго, но много и ракетнаго огня въ твоихъ фонаряхъ, а въ концѣ смѣшеніе Бога и уличныхъ фонарей дѣлаетъ какую-то странную иллюминацію. Сочини кое-что и пришли, если хочешь. Только дай скорѣе рѣшительный отвѣтъ. Этотъ Погодинъ мнѣ сильно рекомендованъ. У меня въ бумагахъ находятся твои стихи очень порядочные и такъ начинающіеся:

„Вотъ вамъ стихи и съ ними мой портретъ...“,

писанные въ 1812-мъ г. Не ихъ ли отдать? Или отдай стихи къ портрету Гете. Только дай что-нибудь, чтобы отдѣлаться учтиво. Получилъ ли ты мою коляску? Тургеневъ пишетъ мнѣ, чтобы я потребовалъ отъ Карамзиныхъ письма его, а они, кажется, у тебя хранятся. Пришли мнѣ парижскія. Обнимаю.

2.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Пользуюсь случаемъ, чтобъ написать вамъ два слова: въ *Journ. des Débats*, сказывали мнѣ, есть статейка о смерти Пушкина невѣрная—слѣдовало бы опровергнуть ее, то-есть, послать туда вѣрное описаніе.

Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня, когда располагаете вы выдавать книжки *Современника*, сроки,—чтобъ я могъ распорядиться присылкою.

Объявленіе о продолженіи журнала надо бы прозвонить погромче во всѣхъ журналахъ и газетахъ. Это необходимо для нашей публики [2]). Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю М. Погодинъ.

P. S. Я думаю писать похвальное слово Карамзину, которое можетъ быть произнесено въ Университетѣ или Академіи. Прошу вашихъ совѣтовъ и указаній. Передайте это, сдѣлайте одолженіе, и Василію Андреевичу. Разумѣется, мой главный предметъ—исторія, но кромѣ исторіи сколько еще заслугъ его! [3]).

Нашлись ли пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, свадебныя пѣсни? Пропуски въ печатныхъ стихотвореніяхъ будутъ ли сохранены, если нѣкоторые и не напечатаются *).

3.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Увѣренный въ вашемъ добромъ расположеніи рекомендую вамъ своего стараго товарища надворнаго совѣтника Гусева, который желаетъ вступить въ вашъ департаментъ. Окажите ему ваше покровительство, и я надѣюсь, что онъ вполнѣ оправдаетъ оное своею ревностію къ службѣ и знаніемъ дѣла [4]).

Порученія о *Современникѣ* я исполняю, о чемъ и пишу къ Краевскому и Любимову, а отъ васъ не имѣю никакого извѣстія на мои вопросы. Христа ради, чтобъ все Пушкина, важное и неважное, было цѣло. На васъ лежитъ святая обязанность. Что будетъ съ его выписками о Петрѣ? Почему ихъ не напечатать, какъ онѣ есть. И всѣ его мелочи, начатки, отрывки, прозаическія и стихотворенія, съ Nachlass, какъ то издается у нѣмцевъ. Вы меня извините, что я пишу о томъ, что̀ вы вдесятеро лучше знаете и сами желаете, вѣрно, но какъ-то не удержишься.

Какой бюстъ у насъ вылѣпленъ. Какъ живой! Подъ надзоромъ Нащокина дѣлалъ Витали. Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю вашимъ покорнѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

29 апрѣля 1837.

А ваша „Старина!“ [5]). Мнѣ очень жаль, что я узналъ объ ней поздно! И безъ приглашенія я радъ бы былъ принесть ей свою лепту!

4.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Я собрался издавать журналъ. Смѣю считать свое предпріятіе общимъ и въ этомъ смыслѣ просить вашего участія: *Москвитянинъ* долженъ быть счастливѣе *Московскаго Вѣстника*, которому его

*) Рѣчь идетъ о посмертныхъ бумагахъ Пушкина. *И. Б.*

недоставало отчасти и по моей винѣ. Вы одолжите меня много, если пришлете что-нибудь къ первой книгѣ, которая уже печатается и должна выйти 1 января.

Надѣюсь зимою быть въ Петербургѣ и тогда уже прибѣгну къ вамъ съ подробнѣйшими просьбами. Не пришлетъ ли чего-нибудь и Василій Андреевичъ, который въ 1838 году и затѣялъ этотъ журналъ [6]). Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

14 ноября 1840.

Мое похвальное слово Карамзину все еще не кончено. Повѣрите ли, что я разъ пять въ годъ принимаюсь за него, и всякій разъ страхъ отшибаетъ меня. Не могу справиться. Всякое слово переворачиваю... Мудрено! Велика отвѣтственность!

5.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Честь имѣю представить вамъ молодого *Москвитянина*. Онъ запоздалъ не по нашей винѣ. За то выйдетъ (8-я) огромный. Благодарю усердно за ваше доброе расположеніе къ нему и участіе. Подчеркнутыхъ стиховъ цензоръ не пропускаетъ: „великъ Богъ, великъ и ямщикъ—нельзя поставить рядомъ“. Макъ-Адама проситъ уничтожить. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ вашихъ поправокъ къ № 2, который уже изготовленъ [9]). Тамъ же будутъ помѣщены стихи графини Ростопчиной *). Мое здоровье совершенно слабѣетъ, и къ іюню я долженъ ѣхать непремѣнно въ Грефенбергъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю вашимъ покорнѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

Янв. 4 (1842).

6.

Милостивый государь Петръ Андреевичъ!

Не знаю, какъ и благодарить васъ за доставленіе антикритики графа Бутурлина. Я очень, очень радъ помѣстить ее у себя въ *Москвитянинѣ*, въ доказательство своего безпристрастія. Признаюсь,

*) Графиня Евдокія Петровна. *Н. Б.*

я не ожидалъ ее въ такомъ тонѣ, за мое *стараніе* найти и сказать что-нибудь хорошее объ исторіи смутнаго времени. Я имѣлъ право не ожидать по крайней мѣрѣ насмѣшекъ. Прошу васъ прочесть мою статью и быть судьею. Разумѣется, какъ хозяинъ у себя въ домѣ, я постараюсь избѣгнуть ихъ и даже уступаю выгоды журналиста, то-есть, спрашиваю напередъ позволенія у графа Бутурлина, какъ ему угодно видѣть отвѣтъ — подъ каждымъ пунктомъ, или послѣ всей статьи. Въ первомъ случаѣ мнѣ выгоднѣе раздѣлять вниманіе читателя и не давать ему усиливаться, но я рѣшительно отказываюсь отъ этой выгоды, если автору это не угодно [7]).

Что вы скажете намъ о первомъ нумерѣ?

А я долженъ вамъ сказать, что рѣшаюсь прекратить журналъ (ожидаю еще нѣкоторыхъ свѣдѣній и объясненій). Меня измучили здѣсь, и измучили мелкимъ еще дождемъ московскимъ — что же если отъ васъ изъ Питера прольется ливень, которымъ стращаютъ меня! А больно подумать, если въ пустынѣ останутся какіе вопіющіе. Совѣстно предъ нашими отцами [8]). Примите изъявленіе искренняго моего почтенія и живѣйшей благодарности. Преданный М. Погодинъ.

19 янв. (1842).

Графъ Бутурлинъ ставитъ меня на самую скользкую тропинку — говорить о крестьянахъ и царевичѣ Димитріѣ! Того и гляди что оступишься. Потому я и въ первой рецензіи могъ говорить только слегка, вопросами, мимоходомъ и пр.

7.

Жду не дождусь „Проселковъ“, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ! Ими начинается 2 №, теперь уже 21 число, и ихъ еще пѣтъ! Шевыревъ въ такомъ крайнемъ случаѣ предлагаетъ замѣнить *велик* словомъ *удал* (ужь нечего сказать и нашъ ямщикъ), но я не смѣю еще рѣшиться.

Увѣренный въ вашемъ добромъ расположеніи со времень *Уранги*, я рѣшаюсь прибѣгнуть къ вамъ съ новою просьбою: въ здѣшней московской таможнѣ есть вакансія члена, на которую желалъ бы поступить мой братъ (Григорій Погодинъ), служившій

назадъ лѣтъ 12 въ Петербургѣ, въ департаментѣ внѣшней торговли, а теперь помощникомъ экспедитора въ вѣдомствѣ Воспитательнаго дома. Сдѣлайте милость, помогите, если возможно.

Пришлите хоть одно слово ободренія о 1-мъ нумерѣ. Охъ— тяжело, тяжело, и мы изнемогаемъ, ожидая со страхомъ петербургскихъ приговоровъ. Будьте увѣрены въ искреннемъ моемъ почтеніи и всегдашней благодарности. М. Погодинъ.

21 янв. 1842.

8.

А мы какъ было взгоревались, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, услышавъ, что вы сильно нездоровы! Слава Богу! Теперь узналъ, что болѣзнь прошла! Здравствуйте и здравствуйте!

Прошу васъ покорнѣйше доставить прилагаемое стихотвореніе графинѣ Ростопчиной. Это чешскій переводъ въ „Мести“. Мнѣ должно бы давно послать къ ней и поблагодарить ее за вниманіе къ моему журналу,—но чтобъ писать къ дамѣ-поэту, надо особое расположеніе, а я въ хандрѣ съ полгода. Прошу васъ извинить меня какъ-нибудь.

Доволенъ ли графъ Бутурлинъ моимъ отвѣтомъ. Признаюсь— мнѣ трудно было сдерживаться. Посудите сами, какъ онъ меня за мое доброе слово наградилъ? „Пирронизмъ“ — да вѣдь это обвиненіе, „указывая на Сборникъ, котораго самъ редакторъ“, „я введенъ въ заблужденіе“ и пр. — Надѣюсь, что вы отложите теперь обвиненіе меня въ поспѣшности. Еже писахъ, писахъ.

Я предложилъ Дмитрія Петровича *) въ почетные члены нашего Историческаго Общества и съ нынѣшнею почтою его объ томъ увѣдомляю.

Москвитянинъ очень тяжело намъ достается (не знаю, какъ публикѣ?). Одинъ изъ главныхъ его враговъ—графъ Строгановъ. Хочется мнѣ написать портретъ Михаила Никитича Муравьева, вмѣсто NB [10]), но все некогда. А министромъ мы довольны какъ нельзя болѣе [11]).

Не можемъ найти себѣ рецензента въ помощь для литератур-

*) Бутурлина.

ныхъ книгъ. Шевыревъ выбился изъ силъ, а у меня и своего дѣла много.

Мы обращаемся къ вамъ, какъ природному нашему опекуну и попечителю. Подумайте, что вы одни остались намъ отъ того поколѣнія! Жуковскій охладѣлъ къ литературѣ или идетъ своею дорогою, давно не принимая никакого участія въ текущихъ дѣлахъ. Итакъ, не покидайте насъ. Вы видите, какая саранча грозитъ нашей святой нивѣ!

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи. Преданнѣйшій М. Погодинъ.

8 марта 1842.

Обратите ваше вниманіе на Посошкова [12]) въ 3 №, который выйдетъ послѣ завтра.

9.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Наконецъ возвратился я домой [13])! Ваши „Проселки“ —это лесть большимъ дорогамъ: что было со мною отъ Радзивилова до Серпухова, того никакое перо описать не можетъ, никакое воображеніе не представитъ себѣ! Не могу до сихъ поръ опомниться...

Великъ ужь нечего сказать и нашъ ямщикъ! Въ краткіе минуты отдыха я восхищался имъ. Это чуть ли не первый представитель русскаго народа въ наше время по своей части. Что за духъ, что за смыслъ, что за умъ! Нѣтъ—у Россіи много еще впереди.

Василій Андреевичъ вамъ кланяется. Я былъ у него въ Дюссельдорфѣ, въ его гораціанскомъ уединеніи. Онъ прочелъ мнѣ полторы пѣсни Одиссеи, которая освѣжитъ нашу жизнь... Какъ онъ угадываетъ свой подлинникъ и его дѣйствіе! Наль и Дамаянти вы, вѣрно, уже знаете.

А что вашъ Фонъ-Визинъ? [14]).

Безумцы! Говорятъ, что у насъ нѣтъ литературы. Проповѣди Иннокентія, Мертвыя души, Каталогъ Востокова, Фонъ-Визинъ, рѣчь Шевырева, Наблюденія Павскаго, переводъ Платона—и все это въ одномъ году. Да какая литература представитъ столько подобныхъ вещей въ такое короткое время?

Біографію Нелединскаго посылаю изъ Евгеніевскаго Словаря. Благоволите принять прилагаемую просьбу подъ ваше покровительство. Прежде я безпокоилъ васъ понапрасну, потому что долженъ былъ перемѣнить маршрутъ и ѣхать не на Одессу, а на Кіевъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ ящикъ разбирали тамъ, ибо боюсь, что стекло послѣ перебьется. Нельзя ли пропустить просто? А если невозможно никакъ, то хоть запломбировать.

Не забудьте *Москвитянина*. Довольны ли вы имъ? Сдѣлайте милость, не оставляйте насъ вашими совѣтами. Легкая смѣсь и повѣсти—вотъ въ чемъ я нуждаюсь больше всего, и не имѣю уже времени искать ихъ по всѣмъ угламъ. Хочется сосредоточиться и не выходить изъ своего круга. Недостаетъ еще рецензента для книгъ второклассныхъ, который слѣдилъ бы вообще за литературой текущею. Перепробывалъ многихъ, но ни одинъ еще не удовлетворилъ меня.

Свидѣтельствуя вамъ совершенное свое почтеніе, остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

15 ноября 1842.

10.

Посылаю вамъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, нѣсколько словъ, написанныхъ мною въ память объ Александрѣ Ивановичѣ [15]). На дняхъ я отправилъ „Похвальное слово Карамзину“ къ г. Сербиновичу, въ корректурныхъ листахъ, для петербургской цензуры. Въ случаѣ нужды благоволите подать совѣтъ и помощь, а болѣе всего удостойте меня вашихъ искреннихъ замѣчаній, коихъ я буду ждать съ нетерпѣніемъ. Я началъ теперь писать полную біографію Карамзина и думаю пріѣхать въ Петербургъ въ февралѣ, чтобъ подвергнуть ее тоже вашему суду и собрать дополнительныя свѣдѣнія [16]).

Примите увѣреніе въ моемъ всегдашнемъ искреннемъ уваженіи. М. Погодинъ.

Декабря 15 (1845).

11.

Очень радъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, что угодилъ вамъ нѣсколько своимъ „Словомъ“. Ничего не писалъ

я съ такимъ удовольствіемъ и желаніемъ успѣть. Усердно благодарю васъ за сообщенныя замѣчанія, изъ коихъ нѣкоторыми я успѣлъ воспользоваться, а другія отложены до 2 изданія и біографіи, коею теперь занимаюсь. Честь имѣю представить вамъ экземпляръ, который наконецъ вырвалъ я изъ когтей московской цензуры, моей личной и страшной непріятельницы [17]). *Москвитянинъ*, вѣрно, вы получаете исправно. Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи. Преданный М. Погодинъ.

21 февраля (1845).

12.

„Фонъ-Визинъ въ письмѣ своемъ къ Козодавлеву (Москва 26 февраля 1784 г.), когда въ Академіи приступили къ сочиненію Словаря, между нѣкоторыми своими о томъ сочиненіями сказалъ: „*Впрочемъ* (худое правописаніе), *я то знаю, что изъ словаря этимологическаго шестьдесятъ подьячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь аналогической, а изъ словаря аналогическаго шестьдесятъ членовъ Россійской Академіи ни въ двадцать лѣтъ не сдѣлаютъ словаря этимологическаго*“.—Слова сіи, содержащія въ себѣ глубоко почувствованную истину, тѣмъ больше примѣчанія достойны, что всѣ остальныя замѣчанія въ письмѣ сего, впрочемъ весьма остроумнаго писателя, не показываютъ въ немъ ученаго академика, и что слѣдовательно сіе толь справедливое сравненіе одного словаря съ другимъ изрекъ онъ больше по нѣкоему, такъ сказать, внушенію или чувству, нежели по опытности и знанію“.

Приписка рукою Погодина: Посылаю вамъ, милостивый государь Петръ Андреевичъ, эту выписку съ собственноручнымъ замѣчаніемъ Шишкова. Можетъ быть, она пригодится вамъ для біографіи. Доставляю вамъ поздно, потому что получилъ только теперь изъ Петербурга свои бумаги. Усердно желаю вамъ и намъ скорѣйшаго изданія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашего сіятельства искреннѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

Августа 7 (1847).

А за стекло въ таможнѣ сдули съ меня около 300 р., дороже, чѣмъ я заплатилъ въ Маріенбадѣ [18]).

13.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Мы рѣшились съ Шевыревымъ возобновить *Москвитянина*. Цензоръ попался намъ теперь сносный, и есть надежда, что дѣло пойдетъ. Прибѣгаю къ вамъ съ просьбою о содѣйствіи. Не смѣю ласкать себя надеждою, чтобъ вы захотѣли принять постоянное участіе,—о если бы! Въ такомъ случаѣ отъ васъ зависитъ назначить условія. Непремѣнно нужно дѣйствовать соединенными силами. Въ Москвѣ насъ только почти двое. Въ Хомяковѣ и Кирѣевскихъ я просто почти отчаялся. Облѣнились и изговорились. Много-много по статьѣ въ годъ отъ нихъ получишь. Молодые—съ такимъ самолюбіемъ, что ужасъ беретъ за нихъ. Буду ожидать отъ васъ благосклоннаго отвѣта, и во всякомъ случаѣ прошу чего-нибудь для перваго нумера, который скоро поступитъ въ печать [19]).

Что вы не принимаетесь за біографію Карамзина. До 1800 годовъ я собралъ все, что̀ можно, и радъ отдать вамъ. Ничѣмъ нельзя замѣнить живое знакомство. Вы только знаете, что̀ и какъ сказать можно и должно.

Примите увѣреніе въ моемъ неизмѣнномъ почтеніи. М. Погодинъ.

Ноября 5 1847.

Получаете ли вы вѣрно *Москвитянинъ*? Нельзя ли отрывокъ изъ печатаемой или присланной, какъ слышно, Одиссеи?

14.

Честь имѣю представить вамъ возобновленный *Москвитянинъ*, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ! Прошу любить его и жаловать. Вы забыли его совсѣмъ, и хоть бы строкой дали знать, что къ нему имѣете расположеніе! А вѣдь все-таки онъ хранитъ преданіе. Наши поднимаются поддерживать его съ слѣдующаго года. Давно пора. У меня занятій по горло, и я никакъ не могу удѣлить ему много времени. Можете себѣ представить, что мнѣ надо издать 9 томовъ изслѣдованій объ Русской исторіи до Петра I. Сколько нужно на это времени! Меня же обкрадываютъ со всѣхъ

Государственная
БИБЛІОТЕКА
СССР

сторонъ, и я долженъ терпѣть и въ этомъ отношеніи. Что ваша „Старина и Новизна“? Что вашъ Фонъ-Визинъ? Мнѣ сказывали, что была какая-то статья ваша о Карамзинѣ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* [20]). Я просилъ ее у васъ, но не получилъ даже и объ Гоголѣ. Карамзина мнѣ хочется написать, и еще Муравьева, но объ этомъ свѣдѣній почти нѣтъ. Бумаги, полученныя отъ Катерины Ѳедоровны, не важны. Такъ забываются у насъ примѣчательные и важные люди! О любезное отечество! Что за равнодушіе, что за неблагодарность! Какое мертвенное безмолвіе! Когда же будетъ этому всему конецъ?

Примите увѣреніе въ моемъ непремѣнномъ уваженіи. Преданный М. Погодинъ.

26 іюня (1848).

P. S. Кому отъ кого, а мнѣ отъ Строганова! Житья нѣтъ! Хоть въ Петербургъ переѣзжать. А что ваши воспоминанія о Карамзинѣ? Голосъ современника (только не петербургскаго), близкаго человѣка—самое драгоцѣнное свидѣтельство, которое ничѣмъ не замѣнишь. А потомъ Пушкинъ! Пушкина уже у насъ забываютъ! Пушкина! Что это за ужасное время! Имени его не попадается въ печати! Бѣлинскій, какъ ....*), написалъ объ немъ тринадцать статей и похоронилъ! Ей Богу—никогда не было такъ, какъ теперь! А все Петербургъ!

Напомните старое время, оживите хоть немного литературу изданіемъ полныхъ вашихъ сочиненій. Что Смирдинъ?

15.

Не останетесь ли вы до четверга въ Москвѣ, нашъ добрый князь Петръ Андреевичъ? Мы пожелали бы *отъ сердца* вамъ счастливаго пути [21]), всѣ вмѣстѣ, васъ многолюбящіе и уважающіе, а я прочелъ бы еще на дорогу вамъ и отрывокъ изъ своей „Исторіи“, которая дошла почти до татаръ. Если не въ четвергъ, то въ среду, а иначе я никакъ не успѣю устроить этого дѣла.

Жду вашего благосклоннаго отвѣта, съ чувствами неизмѣннаго уваженія и благодарности. Преданный М. Погодинъ.

Воскресенье (1849?).

*) Слово написано неразборчиво.

16.

Привѣтствую васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, съ возвращеніемъ *)—не на родную сторону, потому что родная сторона ваша все-таки здѣсь, куда, мы надѣемся, вы наконецъ и обратитесь, — а на постоялый, временный дворъ [22]). Посылаю вамъ оставленные два образа: съ одного можно было снять наросты, а другой такъ намазанъ былъ лакомъ, что нельзя ничего почти было сдѣлать. Образа эти не древніе и не греческіе, а русскіе, занесенные на востокъ какимъ-нибудь богомольцемъ нашимъ. Достоинства внѣшняго никакого не имѣютъ.

Москвитянинъ пошелъ очень хорошо и припадаетъ къ вамъ о содѣйствіи. Еще можетъ быть годъ, и наша возьметъ. Анархію уймемъ и возвратимся къ преданію. Помогите же, просимъ васъ убѣдительно, и замолвите слово у Василія Андреевича, который, вѣрно, вѣдь не остается въ праздности. Вы одолжили бы меня много, еслибъ прислали хотя заглавія вашихъ піесъ, кои можно бъ было помѣстить въ объявленіи. Дмитріевъ написалъ о князѣ И. М. Долгоруковѣ [23]). Вотъ, если бы и вы наградили насъ воспоминаніемъ о Нелединскомъ-Мелецкомъ [24]). Впрочемъ, всякое ваше даяніе будетъ благо, и всякъ вашъ даръ совершенъ.

Будьте здоровы, веселы, спокойны, благоуспѣшны. Всѣ мы искренно отъ души вамъ того желаемъ, и не изъ послѣднихъ преданный М. Погодинъ.

12 ноября 1850.

17.

„Дни зли суть“, но тѣ дни, на которыхъ („на дняхъ“) вы хотѣли прислать вашу богатую милость *Москвитянину*, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ..., да умилосердятся они!

По пяти статей выкидывается изъ книги, и я просто не знаю иногда, что̀ дѣлать, принужденный выпускать книгу неполную и безобразную, то безъ критики, то безъ русской словесности, то безъ наукъ. Надо имѣть всегда про запасъ по пяти лишнихъ статей изъ всѣхъ отдѣленій.

---

*) Въ С.-Петербургъ. *Н. Б.*

Всѣ эти хлопоты вмѣстѣ съ литературными надоѣдаютъ мнѣ столько, что я рѣшаюсь бросить журналъ и засѣсть за одну исторію.

Я говорилъ о литературныхъ хлопотахъ—это недостатокъ въ статьяхъ нашего духа: консерваторовъ съ прогрессомъ, разумѣется, очень мало, да и тѣ большею частію лѣнивы: Хомяковъ, Кирѣевскіе, Павловъ; Шевыревъ занятъ,—а молодые очертя голову и вовсе безъ головы напираютъ, и чуть просмотришь, такъ и попадешь въ противорѣчіе.

Вы не знаете всѣхъ отношеній учено-литературныхъ (да и никто не знаетъ ихъ): найдется теперь множество людей, которые рады подошвы вырѣзать изъ своихъ сапоговъ, лишь бы я пересталъ быть редакторомъ *Москвитянина*, лишь бы петербургскимъ журналамъ не было оппозиціи, и лишь бы всѣ они составили одно.

Тогда увидѣли бы вы, что̀ начнетъ сочиться, a gutta cavat lapidem, non vi sed saepe cadendo. Правительство наше съ этой стороны совершенно слѣпо, а эта сторона становится важнѣе со всякимъ днемъ. Пособія никакого я не прошу—оборони Боже: это убьетъ журналъ, — но я прошу довѣренности: пусть разсмотрятъ 25 лѣтъ моей публичной дѣятельности (что̀ я писалъ и издавалъ) да и дадутъ мнѣ carte blanche. Тогда можно принести пользу литературѣ, общему дѣлу, разумному прогрессу,—иначе не возможно!

Все это вырвалось у меня невзначай, въ разговорѣ съ вами, потому что я увѣренъ въ вашей искренней любви къ образованію доброму,—а знаю я, что это гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Между тѣмъ пока не случилось ни того, ни другого, то-есть, пока я издаю еще журналъ по учрежденію о губерніяхъ вмѣстѣ съ дополнительными постановленіями (вотъ тутъ-то и бѣда), пришлите мнѣ, ради Бога, ваши стихотворенія и статью о Батюшковѣ [25]). Вѣрно, нашлось бы многое и въ бумагахъ вашихъ, Дмитрій Николаевичъ! А попросили бы вы Василія Андреевича! Я слышалъ, что онъ прислалъ цѣлый томъ новый.

Извините мое маранье поспѣшное. И некогда, и тяжко, грустно, больно. Преданный М. Погодинъ.

25 янв. 1851.

18.

Вчера получилъ я ваше письмо, а нынѣ пишу къ вамъ и уже объ другомъ дѣлѣ. Прочтите, прошу васъ убѣдительно, эту статью и дайте совѣтъ—помѣщать ли ее? Вѣдь закричатъ всѣ: это донось!

У насъ легче стало поджигать, чѣмъ закричать пожаръ! Мы живемъ въ печальное время и находимся въ странномъ положеніи. Правъ К., говоря о лицемѣріи.

Я очень толерантенъ. Будь чѣмъ хочешь, только вслѣдствіе изученія, размышленія, добросовѣстныхъ занятій! Покланяйся Гегелю, но прочти его, узнай его!

Каково же терпѣть, чтобъ всякая дрянь восклицала что̀ ей угодно, а говорить съ ней стыдно, возражать—такъ придашь характеръ оклеветанной невинности; съ другой стороны, можешь дать предлогъ etc.

Тороплюсь на почту и едва могу поблагодарить васъ усердно за подарокъ.

Преданный М. Погодинъ.

Февраля 4 (1851?).

19.

Благодаримъ и кланяемся въ землю милостивому государю князю Петру Андреевичу. Всѣ полученныя статьи уже напечатаны и читаются съ умиленіемъ православными литераторами. А видѣли ли вы, что *Петербургскія Вѣдомости* провозгласили о „Душенькѣ“! Отелло крпчалъ: крови, крови! Я, прочитавъ эту пелѣпицу подлинную, закричалъ: плетей, плетей!—и послалъ статью къ Дмитріеву, чтобы онъ отполосовалъ ее на лобномъ мѣстѣ. Стараюсь вскипятить его желчь *). И это напечатано въ *Вѣдомостяхъ*, издаваемыхъ Императорскою Академіею Наукъ, Россійской Академіей.

*) Фельетонъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* 1851 года, въ которомъ „унижается, осмѣивается, представляется въ карикатурѣ *Душенька* Богдановича“, по настоянію Погодина, вызвалъ М. А. Дмитріева написать *Голосъ въ защиту Богдановича* и напечатать его въ *Москвитянинѣ*. „Нынче въ нашей литературѣ“, писалъ Дмитріевъ къ Погодину, — „никто ничего не знаетъ и не признаетъ; молодое поколѣніе литературныхъ невѣжекъ, чтобы не сказать невѣжъ, гордо, дерзко, невѣжественно и презираетъ все, кромѣ себя, своихъ и своего. Затѣмъ-то

Имѣю время засвидѣтельствовать только усердное мое почтеніе и попросить васъ о передачѣ этого письма Ан. Ник. Карамзину, котораго адреса я не знаю.

Преданный М. Погодинъ.

3 марта (1851).

P. S. *Москвитянинъ* пошелъ поживѣе въ подпискѣ.

20.

Какъ обрадовался я вашему письму, вашему почерку, нашъ добрый, нашъ дорогой, любезный! Да пріѣзжайте скорѣе къ намъ, въ Остафьево, въ Москву. Здѣсь вы выздоровѣете, успокоитесь скорѣе всего [26]). Мнѣ очень жаль, что до сихъ поръ не случилось встрѣтиться съ вашимъ сыномъ *). Можетъ быть, онъ честолюбивъ, или жажда общественной дѣятельности его тревожитъ, а то какая бы жизнь казалась слаще, счастливѣе въ своемъ домашнемъ кругу... Но что я говорю, простите меня. Живя въ четырехъ стѣнахъ, я подчасъ престранно увлекаюсь и поддаюсь воображенію мимо всѣхъ отношеній. Вы только увидите въ этихъ строкахъ мою искреннюю къ вамъ привязанность [27]).

Жестоко поразила насъ всѣхъ смерть Гоголя [28])! И вмѣстѣ нельзя не удивляться судьбѣ русской словесности! Только что созрѣетъ человѣкъ, только что приготовится дѣйствовать — вдругъ вихорь, Богъ знаетъ откуда, и вырываетъ его въ самую лучшую его минуту. Меня не было въ Москвѣ: надо же было случиться, что именно на эту роковую недѣлю я долженъ былъ ѣхать по высочайшему повелѣнію въ Суздаль [29]). Посылаю вамъ страницы, облитыя слезами [30]).

Разсужденію о Словѣ о (Полку) Игоревѣ я порадовался только со стороны. Весь годъ я сидѣлъ (а теперь досиживаю) надъ составленіемъ формулярнаго списка всѣхъ удѣльныхъ князей, и, чтобъ не выпускать нити въ этомъ лабиринтѣ, не читалъ ничего, кромѣ

и надобно бы намъ, старикамъ, писать; да тянуть надобно дружно. А у насъ этого и нѣтъ: одинъ погинетъ, другой станетъ. Угерли бы имъ поскъ, если бы писали порядкомъ. Мнѣ просто горько отъ всего, что происходитъ въ нынѣшней русской литературѣ" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1897. XI, 349). *П. Б.*

*) Княземъ Павломъ Петровичемъ. *П. Б.*

необходимаго. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, скажу молодому, хоть и незнакомому, но мнѣ любезному, нашему литератору свое искреннее мнѣніе [31]).

Хоть изрѣдка, но пишите къ намъ по строчкѣ: я тамъ-то и чувствую себя такъ-то. На насъ будетъ этого довольно.

Преданный М. Погодинъ.

23 марта 1852.

21.

Спѣшу отвѣчать, почтеннѣйшій князь Петръ Андреевичъ, на пріятные запросы ваши:

Ломоносовъ, Виноградовъ и Рейзеръ отправлены были за море по указу 1736 г. марта 18.

Выѣхалъ Ломоносовъ въ половинѣ сентября.

Въ 1739 профессоръ Академіи Юнкеръ засталъ Ломоносова въ Фрейбургѣ, на пути своемъ.

Жилъ онъ тамъ 1739—1740.

Деньги на содержаніе посылались имъ изъ Россіи неаккуратно, и когда Фрейбургскій совѣтникъ Генкель *) не получалъ 600 руб., впередъ обѣщанной за нихъ платы, то началъ задерживать ихъ деньги, чрезъ него же посылаемыя, а наконецъ не надѣясь отъ Академіи себѣ награжденія, по прошествіи 10 мѣсяцевъ, при окончаніи химическаго курса, совсѣмъ отказалъ имъ въ деньгахъ. Ломоносовъ сталъ искать случая воротиться въ Россію и уѣхалъ. Оставшіеся товарищи прожили тамъ еще три года, изъ-за долговъ, пока выкупила ихъ Горная Коллегія [32]).

Надѣюсь увидѣться съ вами лѣтомъ. Подалъ просьбу объ отпускѣ и ожидаю разрѣшенія. Меня посылаютъ врачи на Рейнъ,— да и отдохнуть мнѣ очень нужно [33]).

Радуюсь отъ души со всѣми вашими почитателями облегченію вашей болѣзни и желаю совершеннаго исцѣленія.

Мнѣ прислалъ кто-то два ваши стихотворенія: „Масляница“ и „8 января“. „Масляницу“ пропустила цензура сполна. Но я по-

---

*) Не найдется ли чего въ бумагахъ этого Генкеля? *М. П.*

опасся напечатать, подумавъ, что еслибъ вы хотѣли ее напечатать въ *Москвитянинѣ*, то прислали бы прямо ко мнѣ. Благоволите рѣшить, а о „8 января“ графъ Блудовъ присовѣтывалъ подождать также вашего рѣшенія [34]). Усерднѣйше вамъ кланяемся.

Преданный М. Погодинъ.

Для исторіи литературы нашей въ послѣднее время сдѣлано много, даже очень много. Явилось человѣкъ пять охотниковъ, изъ молодыхъ, которые принялись за дѣло основательно. Да и документовъ нашлось очень много о Ломоносовѣ, Тредьяковскомъ, Богдановичѣ... Я начинаю собирать портреты [35]).

(1853).

22.

Спѣшу поздравить достойнѣйшаго князя Петра Андреевича съ новымъ званіемъ. Такъ обрадовался я, что и выразить не могу, за любезное всѣмъ намъ дѣло, отечественное просвѣщеніе! Вы можете сдѣлать много добра! Въ благонамѣренности Норова я не сомнѣвался, а недостающее вы теперь восполните. Мною располагайте, какъ угодно. Все, относящееся до этого управленія, я знаю, какъ свои пять пальцевъ, и людей, и вещи, совершенно свободенъ и готовъ работать для васъ подъ какимъ бы то ни было заглавіемъ, хоть и безъ заглавія [36]). Очень желалъ бы видѣться съ вами, о чемъ говорилъ и гр. А. Д. (Блудовой), но въ Петербургъ ѣхать мнѣ не хочется. Не загляните ли въ Москву денька на три. Право—пріѣхали бы вы не даромъ.

Отъ души желаю вамъ крѣпости, силы, здоровья. Благослови васъ Богъ! Во имя Карамзина!

Преданный М. Погодинъ.

2 августа 1855.

Съ мѣсяцъ назадъ я посылалъ къ Норову нѣсколько записокъ краткихъ по ученой части. При случаѣ спросите ихъ посмотрѣть, а, можетъ быть, онъ и самъ скажетъ вамъ объ нихъ. Записки впрочемъ эти мелкія и частныя.

Прошу васъ покорно прислать мнѣ книгу, изданную вами въ Брюсселѣ, которой здѣсь я найти не могу [37]).

23.

18 августа 1855. Москва.

Искренно, отъ души, благодарю васъ за ваше письмо. Оно обрадовало меня много и за себя, и за дѣло! Я увидѣлъ въ немъ опять того же князя Вяземскаго, который въ 1825 году прослушивалъ съ снисхожденіемъ первыя мои повѣсти, выпросилъ стиховъ у Пушкина для моего альманаха, хлопоталъ въ 1830-ть которомъ-то году о напечатаніи перевода „Славянской Грамматики“ Добровскаго, негодовалъ на меня за Арцыбышева [38]) и въ 1845 году принялъ съ радушіемъ мое оправданіе въ „Похвальномъ Словѣ Карамзину“, и проч., и проч., по скорѣе къ нашему настоящему, любезному, дорогому дѣлу, святому дѣлу, завѣщанному тѣмъ же Карамзинымъ, который вамъ братъ, а мнѣ отецъ.

Вы пишете о трудностяхъ, о сомнѣніяхъ, о невозможностяхъ...

Вздоръ, вздоръ, общія мѣста! Бросьте ихъ, оставьте ихъ у тѣхъ Суворовскихъ немогузнаекъ, которые не способны къ труду, не имѣютъ убѣжденій и не видятъ цѣли.

Нѣтъ въ мірѣ царства толь пространна,
Гдѣ бъ можно было столь добра творить,

сказалъ нашъ Державинъ. А Дмитріевъ (еще любезное и незабвенное имя) написалъ басню „Два Пастуха“, которую прочтите теперь вслухъ для себя и для Абрама Сергѣевича. Одинъ пастухъ бѣгалъ съ утра до вечера, метался по всѣмъ угламъ, работалъ изъ всѣхъ силъ, а стадо было въ разстройствѣ: то корову зарѣзалъ волкъ, то овца пропала; другой пастухъ лежалъ себѣ подъ кустомъ и потѣшался, а стадо у него было любо посмотрѣть, цѣлехонько и веселенько. Отчего такъ, кто-то спросилъ его.

Я выбралъ добрыхъ псовъ,

отвѣчалъ онъ [39]). Вотъ вамъ отгадка мудренаго явленія! Вотъ вамъ рецептъ вѣрный для управленія.

Да гдѣ взять людей? Вотъ жалоба, которая раздается теперь вездѣ. Это есть нелѣпость, которую даже противно уже стало слушать. Тотъ можетъ сказать, что людей нѣтъ, кто самъ не человѣкъ. А человѣкъ найдетъ и людей. Qui se ressemblent s'assemblent. А

посредственность ищетъ и находитъ посредственности, пошлость—пошлости, дуракъ—дураковъ, какъ тиранъ—подлецовъ.

Укажите мнѣ теперь въ управленіи министерства просвѣщенія одного человѣка съ любовію къ просвѣщенію, къ наукѣ (я говорю объ управленіи, къ которому профессора не принадлежатъ). Если же вы не укажете мнѣ ни одного, такъ какъ же хотите, чтобы просвѣщеніе или наука шла хорошо. Оно идетъ какъ случится, по заведенному порядку и по вставляемымъ случайно безпорядкамъ. А вспомните—ну, хоть Александрово время. Первымъ попечителемъ Московскаго университета назначенъ былъ Муравьевъ. Вы знаете, что̀ за человѣкъ былъ Михаилъ Никитичъ. Въ Харьковъ былъ посланъ Потоцкій—также образованный человѣкъ. Въ Дерптъ—Клингеръ, пріятель Гете и проч., въ Казань академикъ Румовскій. Самъ Новосильцовъ смолоду, какъ я слышалъ, другъ просвѣщенія. Ну—вотъ и пошло дѣло вездѣ. Тотчасъ всѣ они нашли профессоровъ, а профессоровъ искать потруднѣе было, чѣмъ теперь. Явились въ Москвѣ Страховъ и Мерзляковъ, и Тимковскій, и Мудровъ, и Цвѣтаевъ, кромѣ нѣмцевъ. Явился въ Харьковѣ Осиповскій, образовался въ Казани Лобачевскій, Симоновъ. А съ идіотами, которые выбирались какъ на-подборъ на всѣ мѣста управленія въ департаменты и канцеляріи и по городамъ, разумѣется, все трудно, сомнительно, не возможно! Но кто же виноватъ? Скажите мнѣ, кто любитъ науку въ семи округахъ и принимаетъ участіе въ ея судьбѣ? Молодцы смѣшиваютъ аневризмъ съ гекзаметромъ—просвѣщеніе, разумѣется, не процвѣтаетъ при содѣйствіи такихъ меценатовъ.

Виноватъ—проспалъ, а хочется отправить письмо нынѣ съ окказіею, г. Княжевичемъ. Остановлюсь пока... Посылаю вамъ два письма, изъ послѣднихъ, кои, по прочтеніи, съ окказіею благоволите возвратить. Письма 8, 9, 10 и 11 находятся у великой княгини Елены Павловны, отъ которой и выручите ихъ, за что я буду даже благодаренъ.

Съ Тютчевымъ толковали мы много объ изданіи политическихъ статей для вразумленія публики. Я хотѣлъ было написать вамъ о томъ, но теперь некогда. До другого раза. Нѣкоторыя письма

можно переработать. Тамъ помѣстить бы и ваши изъ книги. Что же вы не прислали мнѣ вашей книги?

Съ Богомъ, добрый, любезный мой князь Петръ Андреевичъ! На меня не сердитесь только, если я напишу иногда, не соблюдая приличія. Это старый грѣхъ. Помните приключенія 1828-хъ годовъ. Кого я люблю и уважаю, съ тѣмъ не могу я церемониться, и пишу, что̀ и какъ приходитъ въ голову. А говорить—такъ мямлю.

Въ литературѣ одно имя ваше произвело дѣйствіе. Литераторы дышутъ свободнѣе, перо пошло ходить свободнѣе—это уже важно. Но опять я заговорюсь, то-есть, запишусь, а письмо надо посылать съ Дѣвичьяго поля.

Усердно кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

Слышалъ вчера о наборѣ съ духовенства. Онъ и справедливъ, и необходимъ [40]). Еще на прошлой недѣлѣ я писалъ о томъ къ Иннокентію (вотъ человѣкъ),—но надо его объявить умѣючи, чтобъ произвелъ удовольствіе, а глупостью испортится дѣло. Такъ бы и разорвался я вездѣ!

24.

Усерднѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за доставленіе письма Титова. Прошу васъ покорнѣйше доправить до него и отвѣтъ.

Щепкина отца я видѣлъ вчера. Здоровье сына безпрестанно колеблется. Зиму онъ намѣренъ провести по совѣту врачей въ Малагѣ, а лѣто жилъ въ Парижѣ и по временамъ работалъ [41]).

Мы огорчены жестоко неудачею подъ Карсомъ. Или Богъ, прогнѣвавшись на насъ, оставилъ наши знамена! Преложи гнѣвъ Твой на милость! [42])

Вчера я былъ у Ермолова. Такъ свѣжъ и такъ ясно судитъ и о Кавказѣ, и о Крымѣ, и объ Европѣ, какъ человѣкъ во всѣхъ силахъ. Не въ этой ли бѣлой головѣ надо искать спасенія?

Ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ въ Москву — побесѣдовать, погоревать.

Схоронили Грановскаго. Это потеря для университета: могъ онъ дѣлать болѣе, нежели дѣлалъ! [43])

Прошу васъ объ ускореніи отвѣта на мои оффиціальныя просьбы.

Г. Куприяновъ, учитель Новгородской гимназіи, человѣкъ отличный и знающій, судя по его трудамъ, извѣстенъ мнѣ въ продолженіе 10 лѣтъ. Онъ заинтересовалъ меня такъ, что я сталъ объ немъ навѣдываться и получалъ отзывы самые благопріятные. Много находокъ его историческихъ оглашено въ *Журналѣ Министерства*, въ *Москвитянинѣ*, въ *Трудахъ Географическаго Общества*, въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Его знаетъ, кажется, лично г. Коркуновъ [44]). Рекомендую вамъ его на открывшееся мѣсто инспектора Новгородской гимназіи. Доставивъ оное, вы принесете пользу общему дѣлу.

Прошу васъ только не говорить въ министерствѣ о моей рекомендаціи. Я держалъ себя всегда въ сторонѣ отъ дѣлъ этого рода *), а къ вамъ обращаюсь по моей увѣренности, что вы въ моей рекомендаціи увидите общее, а не частное.

Усерднѣйше вамъ кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

Политическому прибавленію къ *Москвитянину* я желалъ бы дать особое имя—„Московскій дьякъ“.

Въ Ярославлѣ министръ, по моимъ свѣдѣніямъ, произвелъ очень хорошее дѣйствіе.

(Октябрь 1855 г.).

25.

Просьба о возобновленіи *Москвитянина* отъ имени Аполлона Григорьева пошла въ Петербургъ на дняхъ. Кланяемся о ходатайствѣ разрѣшенія, совершенно удобнаго и законнаго, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, ибо *Москвитянинъ* не уничтожался, а только прерывался на неопредѣленное время, какъ и было заявлено.

Покорнѣйшій М. Погодинъ.

Поспѣшите.

17 окт. (1855).

26.

Университетское начальство представляетъ на мѣсто редактора *Вѣдомостей*, очищающееся увольненіемъ г. Каткова (изданіе жур-

*) О персоналѣ министерства я вообще былъ не хорошаго мнѣнія. *М. П.*

пала и газеты найдено несовмѣстнымъ для одного лица) — профессора Лешкова, представляю его съ своей стороны вашему покровительству. Это человѣкъ отличный, и газета не потеряетъ, а выиграетъ съ его назначеніемъ. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ прекраснымъ цензоромъ, преподавалъ долго европейское право — слѣдовательно, соединяетъ всѣ качества, нужныя для редакціи. Много работалъ и печаталъ. До сихъ же поръ наша газета *) (вмѣстѣ съ *Петербургскими*) была отдѣленіемъ *Отечественныхъ Записокъ*, что̀ прежнему бдительному начальству и въ домекъ не приходило.

Увольненіе графа Клейнмихеля произвело восторгъ въ Москвѣ. Въ клубахъ пьютъ шампанское, на улицахъ обнимаются. И даже рескриптъ „Со святыми упокой“ не причинилъ неудовольствія [45]).

Мы схоронили достойнаго Раича. Семейство осталось въ нуждѣ [46]). Нельзя ли Академіи хоть бы чѣмъ-нибудь ему помочь въ память о полезномъ литераторѣ, которому при жизни она вполнѣ оказала свою несправедливость.

Въ Москвѣ есть еще бѣдствующій труженикъ, Дубенскій, издатель „Правды“ и „Слова о полку Игоревѣ“. Ему хоть бы бездѣлицу дать, такъ онъ возблагодарилъ бы Бога. Къ большему несчастію носъ у него жестоко разросся, такъ что давать уроки съ своей фигурой не можетъ.

Я занимаюсь теперь окончаніемъ печатанія своихъ „Изслѣдованій о древней русской исторіи“ (томы 5, 6 и 7), которые, какъ заноза, меня безпокоятъ.

Ожидаемъ васъ въ Москву.

Что еслибъ съ легкой руки графъ Клейнмихель открылъ шествіе своихъ товарищей. Главное — люди!

На горизонтѣ дальнемъ какъ будто брезжетъ миръ? Мудрено.

Усердно вамъ кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

29 окт. (1855).

27.

21 декабря, а я до сихъ поръ не получаю никакого отвѣта изъ министерства, и потому не могъ сдѣлать объявленія о подпискѣ, и долженъ, кажется, уничтожить *Москвитянинъ*. Вы скажете,

*) То-есть, *Московскія Вѣдомости*.

зачѣмъ же я, бывъ въ Петербургѣ, не справился, гдѣ слѣдуетъ, и не двинулъ дѣла. Языкъ не поворотился: до такой степени мнѣ противны всякія канцеляріи. Объ чемъ мнѣ просить, подумалъ я. Позволено помѣщать политическія разсужденія всѣмъ: какимъ же образомъ, за что, я буду исключенъ? Времени прошло больше двухъ мѣсяцевъ — срокъ подписки извѣстенъ: вѣрно, послано въ Москву извѣстіе. Не тутъ-то было! Сдѣлайте милость, велите навести справку!

Священникъ Лука Ефремовъ мнѣ очень понравился—и пришла мысль поручить собраніе о типахъ этого рода по всѣмъ городамъ: лучшіе русскіе люди... [47]).

Путешествіе Ростопчина я представляю для императрицы [48]). Ѣду на святки въ деревню, чтобъ заняться на просторѣ.

Получили ль отъ Абрама Сергѣевича рѣчь Хрулеву?

Желаю вамъ встрѣтить праздники въ радости.

Я не успѣлъ сказать комплимента княгинѣ *), впрочемъ безъ лести: я нашелъ ее лучше, чѣмъ когда видѣлъ съ Гоголемъ въ Остафьевѣ. Желаю продолженіе...

Въ Москвѣ ходятъ въ рукописи множество примѣчательныхъ записокъ.

Новыя назначенія всѣ нравятся. Но кого дадите вы намъ попечителемъ? Страхъ обнялъ московскія сердца при вѣсти о Пушкинѣ **). Усерднѣйше кланяюсь.

Преданный М. Погодинъ.

(21 дек. 1855).

28.

Нѣсколько разъ закаивался я говорить и писать о общихъ дѣлахъ, видя, что это напрасный трудъ, и что непрошенными заботами становишься смѣшенъ даже въ собственныхъ глазахъ, но привычка, или ужь такая натура, беретъ свое, и мысли просятся на бумагу [49]). Посылаю вамъ, достойнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, одно письмо политическое о мирѣ ***) (которое прошу пере-

*) Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской. *П. Б.*

**) Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ. *П. Б.*

***) Услышалъ, что завтра возвратится Хомяковъ, и подожду его извѣстій.

дать Тютчеву), другую записку о должности инспектора [50]) студентовъ, по поводу слуха о выходѣ нынѣшняго московскаго инспектора. Въ пять-шесть лѣтъ послѣ Уварова столько напакощено въ ученомъ вѣдомствѣ, что ужасъ! А накостили всѣ добрые люди! Хотѣлъ было написать для великаго князя Константина Николаевича объ экзаменахъ, которые составили у насъ вездѣ ужаснѣйшую систему и сѣть обмановъ и лжи, но... но боюсь, чтобъ гусей не раздразнить, потому что здѣсь надо бы коснуться и военныхъ, и духовныхъ... Мы всѣ еще такъ подлы или лучше, то-есть, хуже, оподлились подъ... подъ обстоятельствами. Притомъ этотъ вопросъ потребовалъ бы много времени, а я теперь весь погруженъ въ исторію и окапчиваю 5 и 7 томы „Изслѣдованій“ объ удѣльномъ періодѣ (6 выданъ) Такъ счастливъ, такъ счастливъ, какъ только можно вообразить себя въ мірѣ отвлеченномъ, чувствуя всякой день приближеніе къ цѣли. Авось, Богъ дастъ, кончу къ марту. 7 томъ самый важный, о внутреннемъ устройствѣ: о княжеской власти, о дани, о доходахъ, о боярахъ, городахъ и проч.—Не нарадуюсь на расположеніе свое къ труду [51]).

И *Москвитянинъ* продолжать убѣждаетъ меня молодая редакція *). Кажется, рѣшусь. Жалко оставить ихъ безъ дѣла. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* другая партія, ученая, образованная, но, кажется, безъ жизни. А въ Петербургѣ у васъ литературное мошенничество и безсовѣстность продолжаются. Въ захламащенныхъ строчкахъ вамъ его не увидать, а мы его здѣсь видимъ и примѣчаемъ, то-есть, есть досужіе люди, которые читаютъ все и другимъ показываютъ.

За нѣкоторыя изъ послѣднихъ вашихъ стихотвореній многіе возстали противъ васъ жестоко. Жаль, что не могъ поговорить съ вами о нихъ въ Петербургѣ. Недавно, ночью, я написалъ объ нихъ нѣсколько словъ, но еще не клалъ на бумагу. Надѣюсь удовлетворить ими обѣ стороны [52]).

Будьте здоровы и веселы.

Преданный М. Погодинъ.

22 янв. (1856).

Читали ль вы „Странствія инока Парѳенія“? Прекрасная книга!

---

*) А изъ министерства все еще не имѣю никакого отвѣта.

А книга Аксакова старика? Это пріобрѣтеніе литературѣ и противоядіе повѣстямъ, ее наводнившимъ!

Описаніе рукописей синодальныхъ Горскаго достойный трудъ! Звоните, кричите, шумите—объ этихъ книгахъ. Разумѣется, обществу теперь не до книгъ, но все-таки оно должно слышать о движеніи мысли.

29.

29 янв. (1856).

Посылаю вамъ письмо о мирѣ. Благоволите по прочтеніи передать Тютчеву, и, если сочтете полезнымъ, пустить въ ходъ; если нѣтъ, положить подъ красное или хоть темное сукно [53]).

Хомякова я не видалъ, но судя по слухамъ, нельзя кажется болѣе повредить себѣ и своему дѣлу, и своему образу мыслей, чѣмъ повредилъ онъ. А между тѣмъ это одинъ изъ умнѣйшихъ людей не только у насъ, но даже и на планетѣ. Вотъ и толкуйте, что́ такое умъ [54]). Извините, пишу второпяхъ.

30.

Марта 15 1856.

Посылаю вамъ и еще „Рѣчь“, произведшую много толковъ... Говоримъ,

> и со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
> А ни себѣ, ни имъ, нигдѣ похвалъ не слышимъ.

Нѣтъ, похвалы слышимъ, но дѣло не въ похвалахъ, а въ дѣлѣ... Примѣчается движеніе въ общемъ мнѣніи... Что-то Богъ дастъ! Дай Богъ лучшаго и лучшаго!

Андреевскій кавалеръ и заслуженный графъ отвѣчалъ передъ 200 человѣкъ, чего не выговаривалось прежде и втроемъ. Это уже прогрессъ, то-есть, успѣхъ! [55]).

Кстати объ Академіи. Мнѣ сдаются тамъ скорыя ваканціи. Не забудьте, что первое право имѣетъ Павскій. Холопство наше не смѣло представить его прежде [56]). Второе право, по моему мнѣнію, Даль, собиратель „Словаря“ и „Пословицъ“. Третье—какъ вы думаете, Гречъ: „Грамматика“ и 50 лѣтъ писанія правильнаго по русски, право, заслуживаютъ этого отличія. Четвертое—Макси-

мовичъ и пятое—Глинка *). О первыхъ трехъ я подавалъ, кажется, когда-то оффиціальное мнѣніе, но не знаю, записано ли оно въ протоколы, а желалъ бы, чтобъ не имѣть на литературной совѣсти грѣха.

Теперь просьба, убѣдительная и настоятельная: мнѣ хочется укомплектовать какъ можно скорѣе свою портретную галлерею, а вашего портрета у меня нѣтъ. Скажите, гдѣ есть лучшій живописный вашъ портретъ? Неужели вы не дѣлали его въ чужихъ краяхъ? Если, паче чаянія, нѣтъ, велите снять фотографію, а съ фотографіи напишетъ легче художникъ, присоединивъ колоритъ съ натуры.

Этого мало—васъ я прошу, и столь же убѣдительно, о портретахъ:

Грибоѣдова.

Дениса Давыдова.

Баратынскаго.

Дельвига.

Козлова.

Гнѣдича.

Озерова.

Шаховскаго.

Увѣдомьте, у кого они находятся.

Если не знаете о нѣкоторыхъ, поручите кому-нибудь изъ вашихъ чиновниковъ. Вы имѣете всѣ средства.

Нѣтъ ли чего у старика Красовскаго?

Надо отыскать наслѣдниковъ Языкова, Дм. Ив., Соколова, Мартынова, Кошанскаго, Лобанова.

Объ этихъ не безпокойтесь—я поручаю ходоку.

Прежде всего нужно собрать свѣдѣнія, гдѣ что есть, а послѣ можно будетъ искать средства пріобрѣсти или позволенія снять копіи. Это я уже сдѣлаю самъ. Во имя нашихъ отцевъ умоляю васъ обратить вниманіе на эту мою убѣдительную просьбу.

Нѣтъ портрета и графа Дмитрія Николаевича **).

Заставьте Тютчева снять съ себя фотографію.

---

*) Ѳедоръ Николаевичъ.

**) Блудова.

Пришли на память Тургеневы *). — Не найдется ли случай открыть путь старику умереть въ отечествѣ! Подумайте, добрый князь!

У покойнаго Андрея Николаевича Карамзина осталась моя копія съ венеціанскаго портрета Карамзина. Сдѣлайте милость, выручите мнѣ ее отъ вдовы.

Вы меня простите, что я такъ смѣло васъ атакую о портретахъ,—но это вѣдь общее дѣло, а общему дѣлу вы старый воинъ и воевода.

Озерова вы помните ли? Въ Кадетскомъ 1 корпусѣ есть его портретъ: надо бы спросить графа Блудова, похожъ ли?

Бумаги осталось, и я напишу, что по округу происходятъ глупости: назначенъ во 2 гимназію директоромъ инспекторъ изъ 4, человѣкъ хорошій, это правда, но и во 2 инспекторъ человѣкъ хорошій столько же, если не болѣе, и притомъ гораздо старшій, исправлявшій часто и долго директорскую должность. За что же онъ обиженъ, получая себѣ на голову младшаго и не болѣе имѣющаго правъ? Я не видалъ и не слыхалъ, какъ это сдѣлалось, а узналъ нечаянно изъ газетъ.

Вообще въ Университетѣ ученье идетъ очень плохо, между тѣмъ какъ первая нужда намъ, профессорамъ и студентамъ, учиться, учиться и учиться. Ваши министерскіе осмотры ничего не значатъ: евреямъ соблазнъ, а еллинамъ безуміе, — ибо вы не знаете и не можете знать настоящихъ пунктовъ нападенія. Кому какъ не мнѣ всѣ лисьи штуки знать! Грустно мнѣ, и подъ старость, видѣть это запустѣніе на мѣстѣ святѣ. Учености много, знанія много, но жизни нѣтъ и нѣтъ ученія. А Московскій университетъ лучшій. Въ прочихъ— ужасы,—не смотря на достоинства профессоровъ. Что прикажете дѣлать: русскому человѣку необходимо разумное побужденіе и надзираніе извнѣ. Ну, вотъ, страница и вся, а на оборотъ не переѣду. Надѣюсь — вы видите, что я пишу къ вамъ хоть и вчернѣ, но прямо набѣло.

Преданный М. Погодинъ.

О портретахъ, о портретахъ слезно молюся!

---

*) Николай и Александръ Ивановичи.

31.

Благодарю васъ до земли, и до воды, то-есть, до Кронштадта и за Кронштадтомъ. — Паспортъ ходитъ еще по мытарствамъ, но вѣроятно, примется въ конторѣ и не въ срокъ, благодаря значительнымъ злоупотребленіямъ. Желаю вамъ всякаго блага!

Преданный отъ души М. Погодинъ.

Суббота (16 іюня 1856).

32.

Милостивый государь, князь Петръ Андреевичъ!

Не получивъ, увы, отвѣта на послѣднее письмо мое съ статейкой объ Иннокентіи, я докучаю вамъ вторымъ.

Прошлаго года, въ чужихъ краяхъ, я закупилъ нѣсколько книгъ и таблицъ (для великихъ князей, въ дополненіе къ доставленнымъ имъ прежде). Г. Головнинъ обѣщалъ перевезть ихъ на казенномъ пароходѣ, на имя великаго князя, но книги мои не поспѣли къ заключенію навигаціи въ Штетинъ.

Смѣю просить васъ о позволеніи доставить ихъ на ваше имя вмѣстѣ съ академическими книгами. Коммиссіонеръ мой тотъ же, что и академическій—Фоссъ.

Ожидаю благосклоннаго рѣшенія въ одной строкѣ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ коимъ пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

17 іюля 1857.

Неужели статейка объ Иннокентіи не пропускается и въ Главномъ правленіи цензуры? Воля ваша — я пошлю копію къ Пушкину и Карамзину, и пожалуюсь! Но нѣтъ, не можетъ быть [58]).

33.

Августа 3. 1857.

Усердно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за любезное письмо ваше отъ 30 іюля. Пріятно услышать человѣческіе звуки среди дикаго хора. Спѣшу оправдаться:

О винахъ. Къ Б. *) я послалъ оттискъ частнымъ образомъ, какъ бы къ душеприкащику Иннокентія, прося его быть ходатаемъ, все-таки частнымъ, предъ Главнымъ правленіемъ цензуры, если-бъ она затруднилась. А онъ (подвертывается слово неприличное) вмѣсто содѣйствія послужилъ помѣхою! Я вовсе не думалъ о духовной цензурѣ! Я былъ увѣренъ, что, получивъ мое письмо, онъ приметъ къ сердцу и проч Онъ писалъ ко мнѣ: „Вы оцѣнили его (Иннокентія) достойно и праведно, но едва-ли...“

Смерть Иннокентія меня поразила. Только что предъ этимъ роковымъ извѣстіемъ согласились мы вмѣстѣ ѣхать въ Іерусалимъ въ слѣдующемъ году. И вдругъ услышать, что его нѣтъ на свѣтѣ! Слишкомъ коротко я зналъ его... До сихъ поръ не могу опомниться. Промолчать мнѣ показалось преступно. Больной, именно среди страданій, я написалъ свои строки... Въ это время пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ знакомый **) и ругаетъ Иннокентія на чемъ свѣтъ стоитъ. Я прослушалъ его молча, хоть и съ разбитымъ сердцемъ, и присоединилъ слова о недостаткахъ и порокахъ, *если* были какіе. Впрочемъ, безусловныя похвалы всегда подозрительны.

О несправедливости. Никогда не думалъ я говорить, чтобъ смертію Иннокентія Россія вовсе обнищала. Нѣтъ, я говорилъ, что Россія прежде обнищала, умалилась, упала (доказательство во всякомъ нумерѣ газетъ иностранныхъ и русскихъ). „За что же Ты, Господи, лишаешь насъ послѣднихъ свѣточей, которые оставались“ и проч. Вотъ моя мысль. Это совсѣмъ другое.

„Незамѣченный“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ и славный Пушкинъ былъ не замѣченъ. Это сказано также ясно. Пушкинъ произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры, Иннокентій по очереди въ епископы,—развѣ это замѣченность? Точно такъ замѣченъ ли, напримѣръ, Хомяковъ, съ котораго беретъ подписку оберъ-полицмейстеръ, которому запрещаетъ цензуроваться обыкновеннымъ порядкомъ министерство, котораго одна женщина спасаетъ чрезъ другую женщину отъ Вятки, которому предоставляется право только собакъ гонять въ полѣ, чему тотъ впрочемъ и радъ. Иннокентія Менщиковъ прогналъ со сраженія изъ Севастополя. Даже „Жизнь Іисуса

*) Къ протопресвитеру Василію Борисовичу Бажанову. *Н. Б.*

**) Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. *Н. Б.*

Христа“ его двадцать лѣтъ подвергалась запрещенію, а прочія подозрѣнія и обвиненія?

Оправдался ли я предъ вами?

„Пропусти ее и все на васъ“. — Да кто же? Помилуйте. — Это все такая слабость, пошлость и ограниченность, что нечего ея и опасаться! Она и не поняла бы иного смысла — и что ей за дѣло до монаховъ.

Прежнее время, прежнее направленіе, давало силу ихъ воплямъ, а теперь, слава Богу хоть за это, они сотрясаютъ только воздухъ. Ну пусть иные поругаютъ, что жь изъ этого!

Отправляя оттиски въ Петербургъ, я отправилъ одинъ въ *Одесскій Вѣстникъ*, впрочемъ, предупредивъ, что это оттискъ корректурный, слѣдовательно, подлежащій цензурѣ,— не проскочитъ ли статья тамъ? Вотъ было бы любо, какъ говорилъ Пушкинъ. Еще, посыпавъ перцемъ, для монаховъ, послалъ я ее въ Брюссель.

Повторяю просьбу о позволеніи Фоссу прислать изъ Лейпцига мои книги на ваше имя вмѣстѣ съ академическими и жду вашего благосклоннаго рѣшенія.

Примите увѣреніе въ моемъ совершеннѣйшемъ почтеніи. Преданный М. Погодинъ.

Вотъ такія вещи у насъ можно печатать, даже безъ всякаго затрудненія: „*есть*—нѣтъ, не стану говорить, и оторву написанное: вѣдь вы начальникъ цензуры. Простите меня и извините, что не переписываю [59]).

34.

Августа 6 1857.

Третій заяцъ выручилъ... Я получилъ изъ Одессы вчера благодарственный адресъ за статью. Нынѣ услышалъ здѣсь, что она напечатана, но не знаю—съ пропусками или сполна, также—кто разрѣшилъ, генералъ-губернаторъ или цензоръ [60]). Если послѣдній, то смилуйтесь надъ благодѣтелемъ. Разумѣется, вы сдѣлаете ему выговоръ, но по крайней мѣрѣ помягче, поснисходительнѣе. Будьте добры по старой памяти, и рѣшите мою просьбу о пересылкѣ книгъ на ваше имя отъ Фосса съ академическими.

Получилъ статью и изъ Петербурга — изъ нея вышло Богъ

знаетъ что: поправлявшимъ это не видать, ибо они смотрѣли на фразы порознь, но посторонній читатель изумится надъ такою пестротою: оставится въ oeuvres posthumes ined.

Усерднѣйше кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

35.

Августа 12 1857.

Беру большой листъ, потому что вы задѣли Москву,—а у меня кстати антрактъ между двумя главами изслѣдованій.

Но сперва о Фоссѣ. Фоссъ живетъ въ Лейпцигѣ. Это коммиссіонеръ Академіи, продаетъ и покупаетъ ей книги. Я напишу ему, чтобы онъ собранныя для меня книги прислалъ въ ящикѣ академическомъ, а въ Академію напишу, чтобъ она, разбирая свой ящикъ, связку съ вашимъ именемъ, препроводила къ вамъ. Такъ ли?

Чего можно ожидать отъ NN., или SS., или MM., или XX., не можетъ быть и разногласія. Хоть и взялъ я большой листъ, но чувствую — писать неловко. Ограничусь дѣломъ просвѣщенія: въ Кіевъ посланъ начальникомъ изъ Кяхты, въ Харьковъ изъ Аѳинъ, въ Москву съ Урала, въ Вильну инвалидъ, отказывавшійся отъ управленія корпусомъ за болѣзнями, въ Казань атаманъ казачій [61]), —а помощники: битые, сѣченые и чающіе движенія воды. Какъ же вы хотите, чтобъ ученіе шло хорошо, чтобъ молодые люди, при нынѣшнемъ духѣ времени, съ нынѣшнимъ вліяніемъ изъ-за границы были содержаны въ порядкѣ. Положимъ—всѣ эти начальники прекрасные люди, но дѣло ученое есть дѣло мудреное и сложное. Пріѣхавъ въ чужой городъ и 60-членный университетъ, онъ долженъ провести два года молча, въ однихъ наблюденіяхъ, чтобъ познакомиться съ персоналомъ, а въ два года много воды утечетъ. Князь Шихматовъ *) былъ очень добрый, благонамѣренный, дѣятельный человѣкъ, но онъ столько сдѣлалъ зла въ четыре-пять лѣтъ для просвѣщенія, что его въ пятнадцать лѣтъ не исправишь, на двухъ ногахъ, не только на одной, а на одной, съ тѣми же качествами, развѣ назадъ уйдешь. Онъ пріѣхалъ, напримѣръ, ревизовать, слушаетъ лекцію богословія и разсыпается въ похвалахъ.

*) Министръ народнаго просвѣщенія князь Платонъ Александровичъ.

А первая забота у Ширинскаго и Норова объ религіи (въ искупленіе миѳологіи Уварова). Въ Петербургѣ, говорятъ, такой же индивидуумъ. И никто этого не видитъ. Ну—а кто смотритъ, какъ вообще идетъ ученіе въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и проч. Я получаю письма — просто волосъ дыбомъ становится. Къ тому же петербургскія взятки и пр.

Въ газетахъ, имѣющихъ 15 т. читателей, пишутъ съ сожалѣніемъ: вѣдь у насъ еще много людей, которые пробавляются Исторіей Карамзина, а наука ушла далеко впередъ. Сукины вы дѣти! Да если-бъ вы пробавлялись Исторіей Карамзина, такъ не были бы такими невѣжами, скотами и подлецами, какими вы есте въ вашемъ далекомъ уходѣ, которое есть только заблужденіе, замѣшательство, путаница. Я взбѣсился, прочитавъ эти строки, и началъ большую статью, которую удосужась и кончу. Вотъ вредныя строки, а сказать или выразить искреннее сожалѣніе о нашихъ недостаткахъ есть не вредъ, а польза, — и третій заяцъ, je reviens à mes moutons, то-есть, къ зайцамъ, имѣетъ право на спасибо. Истинно мы ходимъ въ сѣни смертной, и облегаетъ насъ тьма и одна надежда на столбъ огненный, если Русскій Богъ низпошлетъ его на спасеніе блуждающихъ.

Вы пишете мнѣ: вы, ваши журналы и проч. Помилуйте, я веду жизнь затворническую — зиму сидѣлъ даже съ отпущенною бородою [62]), именно чтобъ имѣть предлогъ отказываться отъ всякаго выѣзда,—весною выѣхалъ и упалъ,—и легъ на три мѣсяца. Въ журналахъ никакихъ не принималъ никакого участія, и досадую на нихъ часто не меньше вашего. Прошу же меня исключить изъ замкнутаго субъективнаго кружка. Притомъ въ Москвѣ 99 кружковъ—одинъ я люблю больше другихъ и нахожу въ немъ много хорошаго и дѣльнаго; нѣкоторыя крайности можно извинить и простить по многимъ причинамъ.

А что въ Петербургѣ гораздо болѣе, несравненно болѣе, есть какой-то несчастный морокъ—въ этомъ я убѣжденъ и убѣжденъ, что хоть на время преполезно было бы государю переѣхать куда-нибудь въ Кіевъ, въ Нижній, въ Москву, въ Варшаву, въ Вильну, въ Одессу, въ Крымъ. Воздухъ у васъ испорченъ, египетская болѣзнь глазъ и проч.

14 декабря описано и вмѣсто 25 экз. напечатано въ тысячахъ, изъ-за границы книжицы пріѣзжаютъ тысячами, за границею читаются безъ отдыха, число типографій тамъ увеличивается: Помилуйте—характеръ нашей цензуры непремѣнно долженъ быть измѣненъ. Иначе все будетъ печататься за границею, посыпанное горчицею и перцомъ. Выигрышъ плохой. Притомъ — печать у насъ пока не имѣетъ вовсе того значенія, какъ на Западѣ. У нихъ статья—дѣло, событіе; у насъ предметъ для вечерней бесѣды, и то между немногими. Кричатъ о „Губернскихъ Очеркахъ". Да что въ нихъ больше „Недоросля" или „Ябеды"? Вѣдь это мы уже отвыкли такъ отъ всякаго чуть-чуть слышнаго слова, что удивляемся и проч. А съ другой стороны, какой вредъ они приносятъ? Никакого, точно какъ и пользы положительной никакой. Такова странная русская натура. Слѣдовательно, опасности нѣтъ. Кричали о Гоголѣ и Пушкинѣ. Нужно было 36 протекцій и трижды 365 дней, чтобъ исходатайствовать позволеніе ихъ напечатать. Напечатали, и вотъ уже ни слова объ нихъ не слышится. Повторю—печать не наша болѣзнь, слѣдовательно, будьте снисходительны и милосерды, и третьему зайцу пишите выговоръ, такую де статью вамъ не слѣдовало пропустить, а слѣдовало спросить, и т. п., и когда со стороны услышится ату! вы отвѣтите, что заяцъ за ухо выдранъ; а мое дѣло сторона: я послалъ три оттиска *): въ Петербургъ, въ Москву и Одессу. Одесса показала свое усердіе, готовность и участіе, поблагодарила меня, и я благодаренъ ей въ свою очередь. Усерднѣйше вамъ кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

Скажу вамъ и попріятнѣе кое-что: Хомяковъ собирается печатать свои историческіе этюды. Здѣсь бездна парадоксовъ, но задирательныхъ, новыхъ, блестящихъ,—и множество оригинальнаго, проницательнаго.

Старикъ Аксаковъ написалъ вторую часть хроники.

Иванъ Аксаковъ, Самаринъ, Черкасскій готовятъ также кое-что.

Бѣляевъ—„Администрація Московскаго Государства", я явлюсь съ томомъ „Изслѣдованій".

---

*) Статьи объ Иннокентіи. *И. Б.*

36.

Окт. 31 с. с. (1858).

Привѣтъ страннику на чужой сторонѣ! Какъ вы поживаете, многоуважаемый нашъ князь Петръ Андреевичъ, гдѣ путешествуете, чѣмъ занимаетесь? Мы проводили васъ въ самыхъ пріятныхъ надеждахъ: такъ вы были свѣжи, веселы, молоды, скинувъ служебныя вериги [63]). Путешествіе возстановитъ васъ окончательно, и воротясь вы издадите полное собраніе вашихъ сочиненій, которое требуемъ мы настоятельно. А покамѣсть украсьте новый московскій альманахъ *Утро* [64]) какою-нибудь піескою вашею въ стихахъ или прозѣ. Вспомните ваше теплое участіе въ *Уранiи* 1826 года. Новый альманахъ хоть издаю не я, но принимаю въ немъ участіе. Усердно кланяюсь.

Преданный М. Погодинъ.

Бѣдная графиня Ростопчина больна отчаянно [65]).

Пишутъ у насъ много, но все дѣловое—или бездѣльное. Литература на заднемъ планѣ. Альманахъ намѣревается заговорить объ ней и начать реставрацію, ревизію и инспекторскій смотръ.

37.

Долженъ извиниться передъ вами, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ: за хлопотами и справками для диспута [66]) никакъ не могу явиться нынѣ къ вамъ вечеромъ, къ крайнему своему прискорбію. Усерднѣйше вамъ кланяюсь.

Преданный М. Погодинъ.

Пятница (мартъ 1860).

38.

29 марта 1860.

Я такъ развлеченъ былъ въ Петербургѣ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, что не успѣлъ переговорить о самомъ нужномъ.

1. Семейство Нащокина въ крайности: сейчасъ была у меня оттуда старуха, которая сказывала, что вчера купили они на пять коп. картофеля, а хлѣба не было. Нельзя ли обратиться къ Обще-

ству для пособія неимущимъ литераторамъ, по связи его съ Пушкинымъ и прочимъ отношеніямъ къ сочиненіямъ Пушкина?

Если вы находитесь въ непосредственной связи съ Обществомъ, то благоволите передать это предложеніе П. В. Анненкову, какъ издателю Пушкина. Или напишите бумагу въ Общество. Или напишемъ бумагу въ Общество втроемъ: вы, Анненковъ и я. Лапская *), казалось бы, должна войти въ положеніе несчастнаго семейства.

2. Вашъ бюстъ, бюстъ—сдѣлайте милость, достаньте и пришлите на мое имя чрезъ домъ Кокорева [67]).

Преданнѣйшій М. Погодинъ.

Письма Карамзина и проч. издать — употребите все ваше вліяніе, настойте.

39.

27 апрѣля (1860).

Все тотъ же, все добрый, любезный, милостивый князь Петръ Андреевичъ. Храни васъ Богъ долго, долго, на утѣху и пользу всѣмъ нуждающимся въ вашей скорой помощи, всѣмъ желающимъ слышать вашъ родной, знакомый, сладкій голосъ!

Сейчасъ отправляюсь на Кавказъ, прямо изъ церкви [68]) въ тарантасъ и на пароходъ.

Посылаю вамъ свои послѣднія брошюры, для васъ и для графа Блудова.

Воротясь, думаю опять приняться за живое дѣло. Надо возвысить голосъ нашему поколѣнію и возстановить связь, прерванную сорванцами, забіяками и всякою сволочью,—съ чистой струей русской словесности, порѣшить съ анархіей.

Усердно вамъ кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

40.

А о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1. Глубочайшая благодарность за ходатайство.

На дняхъ пойдетъ просьба отъ Алмазова о газетѣ-журналѣ *Дума*.

---

*) Наталія Николаевна, вдова Пушкина. *Н. Б.*

2. Посылаю вамъ подлинную рукопись А. И. Тургенева, переданную имъ мнѣ, съ письмами, записками и пр. Карамзина. Часть я напечаталъ въ *Москвитянинѣ*.

II. Копіи съ писемъ Карамзина къ брату В. М. (Карамзину).

Г. Ниротворцевъ отдалъ мнѣ все собраніе, лѣтъ тому 20. Потомъ пожелалъ имѣть половину назадъ. Моя половина поступила въ хранилище въ Публичную Библіотеку и напечатана, кажется, отрывками въ *Атенеѣ*. Эти копіи. Эти копіи, посылаемыя, сняты ль съ нея или съ возвращенной Ниротворцеву, не помню. Кажется, впрочемъ, что у меня найдется копія и со второй половины. Если она понадобится, я пришлю.

III. Предисловія къ Юлію Цезарю и Эмилію Галотти.

3. У меня есть еще много писемъ: къ Калайдовичу, Шаликову, не напечатанныхъ. Напечатаны въ *Москвитянинѣ*: къ Муравьеву нѣсколько,—и къ разнымъ другимъ лицамъ. Если угодно, я соберу *Москвитянинъ* всѣхъ лѣтъ и пришлю къ вамъ или Владиміру Николаевичу. Тамъ есть много матеріаловъ о Н. М. (Карамзинѣ). Есть у меня описаніе болѣзни Н. М. (Карамзина), писанное изо дня въ день Александромъ Ивановичемъ.

4. Посылаю корректуру статьи Стурдзы о Н. М. Карамзинѣ и нѣсколькихъ писемъ Тургенева, кои могутъ пригодится при печатаніи.

5. Къ М. А. (Дмитріеву) началъ писать, да и остановился. Не прибавить ли нѣсколько словъ, вотъ какихъ:... Просятъ васъ прислать для провѣрки подлинныя письма. Разумѣется, они оттиснутъ особо для васъ сколько угодно экземпляровъ, также доставятъ нѣсколько и полныхъ экземпляровъ. — Мнѣ кажется, что такое предложеніе побудитъ исполнить скорѣе желаніе ваше; ибо письма составляютъ все-таки отчасти собственность, и разстаться съ ними, можетъ быть, будетъ жалко.

Такъ или не такъ, черкните мнѣ два слова, и я въ ихъ смыслѣ и буду тотчасъ писать [69]).

6. Знаете ли, что Нассау-Зигенъ давитъ меня какъ домовой цѣлое лѣто. Помню, что у меня давно была какая-то тетрадка съ этимъ именемъ въ заглавіи, и часто попадалась она мнѣ на глаза, и наскучила мнѣ страшно: куда-то я и засунулъ ее. Вдругъ

вы спрашиваете у меня весною чего-нибудь о Нассау-Зигенѣ. Бросился искать, искать, нѣтъ нигдѣ, и занозилась заноза [70]).

7. Посылаю статью о Хомяковѣ въ корректурномъ оттискѣ: благоволите дать ее для прочтенія графинѣ Блудовой, которая очень любила Хомякова, Тютчеву и кому разсудите. Цензура пообрѣзала ее. Оттискъ, по минованіи надобности, прошу возвратить [71]).

Не имѣю понятія о вашемъ изданіи, и потому не знаю, что̀ вамъ нужно. Радъ служить всѣмъ, чѣмъ могу, съ условіемъ, чтобъ вы непремѣнно написали предисловіе, вступленіе или воспоминаніе.

Да хранитъ васъ Богъ!

Примите увѣреніе въ моей совершенной готовности къ вашимъ услугамъ. М. Погодинъ.

24 ноября 1860.

Боюсь вотъ чего: если издатели предположатъ большой планъ, то исполненіе его потребуетъ много времени и дѣло попадетъ въ долгій ящикъ. Мы, издатели, знаемъ это по опыту. Лучше издать сначала только то, что̀ есть подъ рукою. Продолженіе впредь, по мѣрѣ собранія матеріаловъ. Чрезъ нѣсколько времени второе изданіе можно расположить уже иначе. Одни письма къ Дмитріеву займутъ большой томъ. Такъ и издать бы его особо, вслѣдъ за настоящимъ собраніемъ (статьи, высочайшая переписка и пр.) [72]).

41.

Не получая такъ долго отвѣта и останавливаясь безъ него писать къ Дмитріеву, я прошу васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ, вывесть меня скорѣе изъ недоразумѣнія. Получили ль вы мою посылку большую? У меня пашлась и другая кипа копій съ писемъ къ Вас. Мих. Карамзину, которая будетъ ждать также вашего распоряженія.

Статью о Хомяковѣ благоволите послать къ Кокореву для прочтенія и отправленія ко мнѣ.

Бывшій профессоръ Ордынскій подалъ просьбу о разрѣшеніи газеты: *Часы*. Поручаемъ вашему покровительству.

Усерднѣйше кланяюсь. Вамъ преданный М. Погодинъ.

Бюстъ вашъ, если вы мнѣ его отдаете въ потомственное вла-

дѣніе, благоволите послать къ Кокореву для доставленія ко мнѣ. Если же вы можете дать мнѣ его только для снятія копіи, то благоволите отдать его тому формовщику, котораго я выберу и пришлю къ вамъ [73]).

А что скажете о восклицаніи одной газеты по поводу извѣстія о памятникѣ Пушкину. А Бѣлинскому, а Грановскому восклицаетъ она [74]).

А другая говоритъ: Этого ничто не можетъ быть выше, благороднѣе, гуманнѣе, бѣлинсковнѣе!!! О, Господи! Согрѣшили мы.

42.

Письмо ваше получилъ и успокоился. Къ Дмитріеву написалъ немедленно и просилъ о скорѣйшей высылкѣ писемъ оригинальныхъ. Есть часть ихъ и у меня. Вторую найденную половину при семъ прилагаю послѣ съ окказіей.

Алмазова *Дума* позадумалась, а пошли Ордынскаго *Часы*.

Замѣчаніе графини Блудовой о православіи Хомякова совершенно справедливо. Мнѣ казалось, что я выразилъ эту мысль въ параграфѣ о богословіи, но теперь вижу, что это недостаточно.

О симпатичности—что прикажете дѣлать съ нашими невѣжами и невѣждами... Вотъ почему и хочется мнѣ, чтобъ основалась газета дѣльная, принимающая къ сердцу интересы литературные, а не подлое, глупое барышничество.

Прилагаю переводъ письма изъ Галаца о тамошней рѣзнѣ. Боже мой—что это такое! Неужели правительство не вступится? Покажите письмо кому разсудите, и потомъ прошу васъ, отдайте напечатать въ какую-нибудь газету.

Есть въ Петербургѣ знаменитое собраніе Петровскихъ изданій и старопечатныхъ книгъ. Британскій музей, или берлинскій книгопродавецъ Ашеръ даетъ за него 9 тыс. р. с. Подвигните землю и адъ, чтобъ это собраніе было удержано въ Россіи. Поспѣшите. Нельзя ли чрезъ Демидову, Ольденбургскаго, Елену Павловну, Давыдова-Орлова и т. п.

Я могъ бы убѣдить Кокорева, но онъ находится теперь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и мнѣ совѣстно тревожить его.

Свѣдѣнія сообщитъ вамъ академикъ Куникъ, за которымъ вы можете послать. Усерднѣйше кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

11 дек. (1860).

43.

Января 10 (1861).

Я медлилъ отвѣтомъ вамъ, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, въ ожиданіи рѣшенія отъ М. А. Дмитріева, но не дождавшись до сихъ поръ, рѣшаюсь писать самъ.

1) Посылаю найденную мною вторую половину писемъ Н. М. (Карамзина) къ брату.

2) Письмо Нассау-Зигена.

3) Чистый оттискъ Рѣчи о Хомяковѣ. Признаюсь, мнѣ не хотѣлось посылать его, потому что я нѣсколько сердитъ на ту даму, для коей вы его спрашивали, равно какъ и на ея супруга, за ихъ неблагодарность ко мнѣ и несправедливость.

Покорнѣйшая просьба: мои политическія письма, говорятъ, напечатаны за границею, по русски, нѣмецки и французски. *Сдѣлайте милость*, достаньте мнѣ экземплярецъ хоть на недѣлю. Нѣтъ ли у графини Блудовой или Тютчева? Я боюсь, чтобъ не было какого подлога.

Бюстъ вожделѣнный благоволите послать просто къ Кокореву, для доставленія ко мнѣ вмѣстѣ съ корректурнымъ оттискомъ. Хотѣлось бы мнѣ написать о настоящемъ моментѣ, въ Европѣ и у насъ, да для чего, если не только не хотятъ слушать, но еще питаютъ подозрѣнія или ругаютъ. А какъ легко бы А. Н. занять первое мѣсто повыше и Виктора Еммануила, и Гарибальди, не только что Лудовика-Наполеона. Въ мѣсяцъ поставилъ бы я его на пьедесталъ. Нѣтъ охоты догадаться за дѣло просто взяться. Но ничто такъ не мудрено, видно, какъ простое!

Преданный М. Погодинъ.

Корректурный прежній листъ прошу возвратить.

44.

(1861).

Сію минуту видѣлъ *Пчелу* и взбѣсился. Эти дураки ничего не знаютъ и не понимаютъ.

Всю голову у меня занимаютъ теперь поляки и крестьяне. Стыдно теперь думать о чемъ-нибудь другомъ, но нельзя оставить безъ вниманія этого наглаго вранья. Прошу васъ прислать мнѣ ваше предисловіе къ Дмитріеву или Озерову. Я очень помню, что вы именно 30 лѣтъ назадъ выразились тоже о большомъ свѣтѣ, вѣря, что они теперь (за исключеніемъ таланта) провозглашаютъ. Я уткну имъ это въ носъ и заставлю напечатать у себя. Должны то же сдѣлать и другіе, если они порядочные люди, Майковъ, Гончаровъ и проч. [75]).

Преданный М. Погодинъ.

Сейчасъ былъ у Буткова—принялъ весьма, кажется, радушно. Я ему сказалъ, что съ его отцомъ я ходилъ въ походъ противъ скептической школы, и не ожидаю отъ него ничего противъ благонамѣренной гласности. Онъ выразилъ готовность пропускать все, что только можетъ, и объяснять, почему то или другое не возможно, если встрѣтится. Посмотримъ, что будетъ. Но нужно общее содѣйствіе — пусть всѣ, у кого есть голосъ, заступаются, говорятъ громко и проч. [76]).

Вторникъ.

Пришлите мнѣ поскорѣе предисловіе ваше (мнѣ недавно еще показывалъ его Лонгиновъ). Я напишу нынѣ же ночью, чтъбъ статейка могла явиться послѣ завтра.

45.

Вторникъ.

Я слегъ въ постель съ того дня, какъ видѣлъ васъ. Не спалъ ночь. Жду Смѣльскаго. И потому едва ли попаду завтра къ Владиміру Николаевичу. Вотъ что скажетъ докторъ.

Статьи прочелъ сейчасъ корректуру. *Сѣверная Пчела* благодаритъ за свѣдѣнія, коихъ не знала.

До свиданія. Преданный М. Погодинъ.

46.

Апрѣля 24 1861.

Христосъ Воскресе, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ! Написана статья большая, подробная и сильная противъ петер-

бургскихъ мародеровъ, съ обозрѣніемъ всей вашей литературной дѣятельности. Въ четвергъ я увижу ее. Мы сдѣлаемъ публичное засѣданіе въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности и прочтемъ ее торжественно, если она окажется удовлетворительною. Надѣюсь, что нѣкоторые изъ молодыхъ литераторовъ, почестнѣе, подадутъ свой голосъ. Но что же петербургскіе, вызванные, молчатъ? Напримѣръ, Майковъ, Гончаровъ [77]).

Усердно вамъ кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

P. S. Разсердилъ меня еще Павловъ своими чопорными выходками объ Ермоловѣ, а *Московскія Вѣдомости* есть просто какая-то отвратительная тля, моль, и слѣпое начальство допускаетъ подобное безобразіе въ университетской газетѣ [78]).

47.

Мая 4 (1861).

Статья оказалась не столь значительною, какъ предполагалось сначала. Ее написалъ Лонгиновъ. Впрочемъ хорошая и полезная. Начало ея журнальное и напечатается въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, а вторая половина, обозрѣніе вашихъ сочиненій, прочтемъ въ воскресенье, въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности.

Мы трепещемъ предъ грозою, которая собирается, говорятъ, надъ просвѣщеніемъ.

Университеты въ упадкѣ, но кто же виноватъ, поручая ихъ военнымъ генераламъ, которые не понимаютъ даже, что̀ такое лекція, не только что не могутъ судить объ ней.

Побуждайте графа Блудова защищать просвѣщеніе и не смѣшивать его съ негодными орудіями. На васъ наша надежда [79]).

Преданный М. Погодинъ.

48.

8 мая (1861).

Прекрасно! Вмѣсто первой половины статьи Лонгиновъ прочелъ краткое вступленіе, которое вышло очень хорошо: и рѣзко, и эффектно! Было выслушано съ большимъ сочувствіемъ, а стихи ваши, приведенные во второй половинѣ, всѣ были покрыты руко-

плесканіями: „Первый сѣгъ“, „Волга“, „Палестина“ и „Посланіе къ Северину“. Въ послѣднемъ, я боялся, чтобы упоминовеніе о Бѣлинскомъ не вызвало знаковъ неудовольствія отъ молодежи-студентовъ, которыхъ было въ засѣданіи до 50, но нѣтъ: „Посланіе“ все сполна было принято отлично. Статья кончена была стихами Тютчева: противъ фельетонной оцѣнки представили оцѣнку поэта поэтомъ, и финалъ нашъ удался какъ нельзя лучше. Хочется теперь вступленіе пропустить чрезъ *Московскія Вѣдомости*, но трудно: онѣ въ компаніи съ издателями Бѣлинскаго. Если неудастся, то пришлемъ въ *Петербургскія Вѣдомости*. Я очень радъ. Что ни говорятъ, а въ Москвѣ все-таки любятъ словесность чище, чѣмъ въ Петербургѣ.

Въ „Посланіи“ я желалъ бы, чтобъ двусмысленности о Гарибальди было меньше [80]).

Преданный М. Погодинъ.

Меня осыпаютъ письмами и посѣщенія крестьянъ. Это бы еще ничего, но приносятъ на поклонъ разныя разности, отъ которыхъ долженъ отбиваться съ обидою для приносителей. Какъ ни старался умѣститься на той страничкѣ, а долженъ перелѣзть на эту: Грамотки мои надо бы разсыпать по всей Россіи, а наши тупыя власти не умѣютъ распорядиться, чтобъ онѣ были перепечатаны хоть въ казенныхъ газетахъ [81]). Собраніе было у насъ премноголюдное. За билетами не было отбою.

49.

Іюня 26 (1861).

На бѣднаго Макара шишки валятся. Мнѣ хотѣлось заявить, что я убѣгаю отъ текущихъ вопросовъ, и той самой статейкой, въ коей эта мысль послужила вступленіемъ и вмѣстѣ поводомъ, накликалъ страшную грозу.

Точно такъ же при назначеніи министромъ Норова разразилась надо мною гроза. Отставкою двухъ цензоровъ, пользовавшихся сильнѣйшей протекціей: Похвиснева и Ржевскаго. За что? За какую-то повѣсть, забытую да и не читанную никѣмъ, напечатанную лѣтомъ во время моего отсутствія въ *Москвитянинѣ* [82]).

Воля ваша—это странно! Есть какая-то партія и лицо, ко-

торое дѣйствуетъ противъ меня, придирается періодически, и проч., пользуясь всякимъ случаемъ малѣйшей неосторожности.

Прошу васъ прочесть внимательно эту несчастную статейку: „Три вечера“, написанную чрезъ два мѣсяца послѣ нихъ, чтобъ отплатить журналисту, который прислалъ мнѣ свой журналъ даромъ, а по его программѣ мнѣ ничего нельзя было написать кромѣ экономическаго.

Смыслъ перваго вечера: наша русская экономическая жизнь развилась иначе, чѣмъ на западѣ, слѣдовательно, западныхъ правилъ къ намъ прикладывать безусловно нельзя.

Смыслъ второго вечера: затруднительныя обстоятельства, въ коихъ находятся наши лучшіе, сильнѣйшіе дѣятели, указываютъ на причины общія, а не частныя, и вмѣстѣ вызываютъ пособіе правительства (а они-то, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и разсердились на меня).

Смыслъ третьяго вечера: бережливость—вотъ главное, безспорное лекарство, а за все прочее я не стою, потому что не понимаю, передавая голосъ общій.

Я привыкъ къ напраслинамъ, кои составляютъ, кажется, основаніе моего креста. Но мнѣ больно, очень больно, если изъ меня должны потерпѣть и пострадать другіе, напримѣръ, цензоръ.

Сдѣлайте милость, употребите ваше стараніе, чтобъ дѣло обошлось какъ можно легче для цензора. Сообщите это и Ѳедору Ивановичу *). Пусть наказаніе падаетъ на одного меня, если такое важное преступленіе требуетъ непремѣнно наказанія. Прошу убѣдительно! Я очень встревоженъ и, смѣявшись до сихъ поръ, готовъ хоть плакать.

Вамъ преданный М. Погодинъ.

Говорятъ, что Кокоревъ на меня жаловался, а у меня есть собственноручное письмо его, въ которомъ онъ говоритъ совершенно противное [83]).

50.

Августа 16 (1861).

Ей Богу, есть что-то роковое въ писаніяхъ. Habent sua fata libelli. Особенно это случается со мною. Посылаю вамъ брошюрку, произведшую гвалтъ. Соломенки подломить не предполагалъ я, а говорилъ спроста. Вижу, что не умѣю говорить въ данныхъ об-

*) Тютчеву. *Н. Б.*

стоятельствахъ, и умолкаю, обрекаю себя на проклятую ссылку, въ Муромъ, чтобъ избѣгнуть зла. Прилагаю статейку, которую написалъ было въ объясненіе, но рѣшился не печатать, прочитавъ такія ругательства на себя, какимъ не подвергался, кажется, никто. И отъ кого же? Отъ человѣка, который нѣсколько лѣтъ являлся ко мнѣ съ знаками уваженія, сочувствія и дружбы. Я заступался за него и передъ вами, объясняя его выраженіе о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ рядомъ неосмотрительностію или что-то въ этомъ родѣ. Его глаза мнѣ нравились, ну вотъ онъ и разодолжилъ меня. И за что же? Развѣ есть уголовное преступленіе въ мысляхъ, объявленныхъ безъ притязанія. Ну да Богъ съ ними! Въ деревню, въ глушь, въ Саратовъ! Я ли не былъ терпѣливъ, но и я выведенъ изъ терпѣнія. Надо переждать это странное время.

А что дѣлается? Девяти губерніямъ угрожается осаднымъ положеніемъ. Вѣдь это—торжество Польшѣ. Помилуйте—да неужели нельзя было справиться съ виновными безъ такой огласки на всю Европу, которая увидитъ здѣсь солидарность 9 губерній по Днѣпръ съ Польшею, а въ этихъ губерніяхъ народъ Русскій и мятутся только помѣщики. Мятетесь вы, недовольны, ну и ступайте въ Польшу!

Атаманъ Черноморскихъ казаковъ назначенъ попечителемъ университета [84]).

Грустно, тяжко!

У меня есть къ вамъ просьба—нельзя ли похлопотать предъ принцемъ Ольденбургскимъ, съ которымъ вы находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ, о помѣщеніи моихъ двухъ племянниковъ-сиротъ въ Училище правовѣдѣнія на казенный счетъ.

Я приготовилъ записку къ вашему пріѣзду.

Преданный М. Погодинъ.

Статейку возвратите. Что печатаютъ—а мы молчи, какъ неблагонамѣренные. Господи Боже мой!

51.

Іюня 9 1865.

Какъ я обрадовался, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, услышавъ отъ Владиміра Николаевича *) о вашемъ совершенномъ

*) Карамзина. *И. Б.*

выздоровленіи. Живите, живите долго и давайте намъ слушать звуки, какіе уже не слышутся отъ новаго поколѣнія. Будемъ надѣяться, что это поколѣніе поврежденное есть антрактное, переходное, и смѣнится скоро другимъ, поумнѣе, подобрѣе и подѣльнѣе.

Между тѣмъ я и посѣтовалъ на васъ въ послѣднее время, не получивъ отъ васъ ни единаго слова о моей работѣ надъ Карамзинымъ. Мнѣ нужно бы и назиданіе, и ободреніе. Не знаю, передано ли вамъ, что эта работа есть еще корректурная. Мнѣ хотѣлось пройти прежде всю дорогу, чтобъ получить объясненія, дополненія, примѣчанія. Теперь я принимаюсь исправлять и жду вашего наставленія.

Обращаюсь къ вамъ еще съ покорнѣйшею просьбою. Я собралъ всѣ свои статьи, писанныя о Польскомъ вопросѣ, въ продолженіе 30 слишкомъ лѣтъ. Мысль моя прошла чрезъ всѣ фазы,— и пришла, наконецъ, къ заключенію объ исторической, географической, политической необходимости соединенія Польши съ Россіею. Такому заключенію для умной цензуры даютъ особенную силу прежнія гуманныя предположенія автора: если самый доброжелательный человѣкъ, который имѣлъ нѣкогда такія-то мысли, пришелъ къ такому заключенію, то значитъ, оно неизбѣжно и тому под.

Я не имѣлъ ни малѣйшаго опасенія, чтобъ цензура нашла затрудненіе, обращая вниманіе на духъ и смыслъ всего сочиненія, а вышло напротивъ. Въ 1863 году цензоръ, полякъ, забраковалъ двѣ статьи изъ 20, и представилъ въ Комитетъ. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. Цее, пропускавшаго въ то же время извѣстную ужасную статью, согласился съ нимъ. Черезъ годъ я представилъ сборникъ въ московскую цензуру. Та не осмѣливалась поступить вопреки петербургской, не смотря на ея нелѣпость разсуждать о двухъ статьяхъ отдѣльно отъ 20 и не обращать вниманія на цѣлое. Прошу васъ покорно прочесть мой сборникъ и, убѣдясь въ его праведности, довести до свѣдѣнія г. министра, чтобъ онъ велѣлъ разрѣшить печатаніе. Сборникъ этотъ надо бы перевести на всѣ европейскіе языки, и онъ, я твердо увѣренъ, оказалъ бы полезное вліяніе на общественное мнѣніе Европы [85]).

Совѣстно мнѣ обезпокоивать васъ, но къ кому же можно обратиться мнѣ и намъ вообще? Святая Русь клиномъ сошлась.

Преданный М. Погодинъ.

Если прочитываніе и ходатайство почему-нибудь для васъ неудобно, то прошу васъ сказать мнѣ то безъ всякихъ околичностей: я столько увѣренъ въ вашей готовности помогать, что ни мало не посѣтую и на совершенный отказъ, и буду ждать новаго устава.

Я не вижу нигдѣ по газетамъ объ юбилеѣ Карамзина. Неужели его не будетъ? Вѣдь это было бы оскорбленіемъ памяти. Вамъ всего приличнѣе подать голосъ во 2 Отдѣленіи, или, если оно закрыло свои засѣданія, написать письмо къ Литке *), растолковать ему необходимость. А графиня Блудова, Тютчевъ, должны пустить въ ходъ мысль при Дворѣ.

Будете ли вы въ Остафьево? Тамъ, вѣрно, найдется у васъ много матеріаловъ.

Мы затѣваемъ журналъ съ Сологубомъ, который сбирается работать: *Старовѣръ* [86]). Вѣдь грустно смотрѣть на нынѣшнее пренебреженіе литературы. Надо возстановить преданіе.

Цою, дондеже есмь!

52.

Октября 20 1865. Москва.

Скрѣпя сердце выѣхалъ я изъ Петербурга. Не повидавшись съ вами, мой старый, добрый, много-искренно-уважаемый благопоспѣшникъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ! Я побоялся остаться теперь, въ такое непастье, въ Петербургѣ, чтобъ не потерять плодовъ лѣтняго леченья, чтобъ не утомиться слишкомъ визитами, которыхъ предстояло нѣсколько по необходимости: я же пробылъ полторы недѣли въ Варшавѣ и долженъ былъ ожидать разныхъ разспросовъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ, послѣ отдыха, сажусь я теперь за свой письменный столъ и принимаюсь за біографію. Примите мою искреннюю благодарность за всѣ ваши замѣчанія, которыми не премину воспользоваться. Ожидаю ихъ больше и больше. Я разставилъ пока только вѣхи, чтобъ получить указанія, объясненія и дополненія отъ знающихъ. При томъ вспомните о заглавіи: „Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“. Я въ сторонѣ, за кулисами. На сценѣ только они. Сужденіе

*) Графъ Ѳедоръ Петровичъ, президентъ Академіи Наукъ. *Н. Б.*

автора есть только дополненіе: это совсѣмъ другое сочиненіе. Надо бы напечатать все это корректурно въ журналахъ, чтобъ пріобщить къ сочиненію и публику, но гдѣ взять такихъ журналовъ [87]). Сборникъ свой однакоже, кажется, я начинаю печатать, и онъ, посвящаемый именамъ Ломоносова и Карамзина, начнется первою главою біографіи. Ожидаю вашего вклада. Содержаніе первой книги, совершенно готовой, слѣдующее:

Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина.

Нигилистъ, поэма Сологуба.

Восточный вопросъ, разсужденіе пр. Лавровскаго.

Ваша благостыня.

О національности и народности въ поэзіи, Дмитріева.

Письма Каподистріи къ Карамзину и отвѣты.

Письмо Карамзина къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ по кончинѣ императора Александра.

Три дня на Италіанскихъ озерахъ, Колошина.

Московская городская дума.

О Всероссійской выставкѣ, Григоровича и проч.

Нѣтъ ли чего-нибудь у Тютчева? Напишу къ Майкову. Общее участіе достойныхъ, заслуженныхъ литераторовъ возбудитъ участіе публики къ изданію. Реакція началась. Надо соединенными силами воспользоваться ею [88]). Надѣюсь въ концѣ ноября пріѣхать въ Петербургъ, чтобъ поговорить окончательно о томъ съ другими. Надо заявить и хорошенько мотивировать отложеніе юбилейнаго празднованія *) до слѣдующаго года, если вы такъ рѣшите. Буду ждать извѣщенія. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь кончить въ ноябрѣ начатыя чтенія въ Москвѣ и повторить ихъ въ Петербургѣ.

Благослови васъ Богъ на многія лѣта!

Неизмѣнно преданный М. Погодинъ.

Что вы скажете объ Остафьевскихъ вашихъ бумагахъ? Какъ бы разобрать ихъ? Я собирался разобрать бумаги Н. И. Тургенева, но отъ холеры не попалъ въ Парижъ.

Вы писали, что одной статьи о Польскомъ вопросѣ неловко печатать теперь. Мнѣ кажется напротивъ: человѣкъ, который ду-

*) Карамзина.

малъ такъ-то, теперь убѣжденъ такъ-то, — это второе убѣжденіе получаетъ большую силу и довѣріе послѣ перваго [89]).

Благоволите прислать корректуры съ окончательнымъ вашимъ мнѣніемъ. Въ предисловіи можно оговориться еще крѣпче.

53.

Дек. 21 (1865).

Благодарю, усердно благодарю неизмѣнно благосклоннаго ко мнѣ, добраго, любезнаго, многоуважаемаго князя Петра Андреевича. Стихотворенія получены. Перечелъ,—при воспоминаніи о Карамзинѣ и Жуковскомъ навернулись слезы, а надъ „Крахмаломъ“, и „Не клеятся“ насмѣялся досыта. Напечатаю 18, а остальные приберегу до второй книги, которая, вѣроятно, послѣдуетъ за первою. Отъ цензуры я самъ бы не прочь, но у насъ, на послѣдяхъ, такіе экземпляры ея, что топнитъ при одной мысли имѣть съ ними самое простое дѣло. Впрочемъ, смѣю думать, что самъ не пропущу ничего сомнительнаго [90]). Сборникъ мнѣ хочется посвятить памяти Ломоносова, Карамзина и Пушкина, но никакъ не могу еще согласиться съ собою, можно ли посвящать по русски памяти (à la memoire — въ память?). Основаніе же сомнѣнія положено самимъ Карамзинымъ. Когда я имѣлъ счастіе быть у него, 26 дек. 1825, и говорить съ нимъ, онъ сказалъ о Корниловичѣ: Каковъ господинъ, вздумалъ переписываться съ памятью Петра I! (Корниловичъ посвящалъ свою „Русскую Старину“ памяти Петра I).

Между тѣмъ выраженіе: и сотвори ему вѣчную память,— какъ будто даетъ право представлять себѣ память чѣмъ-то, говоря по модѣ, конкретнымъ. Какъ вы думаете?

Радуюсь вашей цѣлой книгѣ,—а когда же собраніе-то выйдетъ?

Хочется мнѣ добраться до вашего Остафьева. Чудится мнѣ, что тамъ найдется многое. Можно ли васъ ждать въ Москву лѣтомъ?

Благослови васъ Богъ!

Преданный М. Погодинъ.

А Дмитріевъ *) ругательски разругалъ меня за 1766 годъ **), и вспомнилъ я ваши стихи времени оно: „Студенческая кровь“!

*) Михаилъ Александровичъ. *Н. Б.*

**) Годъ рожденія Карамзина. *Н. Б.*

Замѣтьте, что 40 лѣтъ я находился съ нимъ въ лучшихъ отношеніяхъ, письмо полученное отъ К. С. Сербиновича о 1766 годѣ, тотчасъ переслалъ къ нему, и проч. Я знаю наизусть всѣ происшествія и могъ бы уничтожить его показанія, но остановился, чтобъ не подать повода къ насмѣшкѣ нашихъ забіякъ.

54.

(1866).

Усердно васъ благодарю. Для успокоенія вашего, столь мнѣ дорогого, посылаю корректуры соблазняющихъ васъ писемъ: на 66 году неужели я могу напечатать что-нибудь запретное! Печатается *Утро* въ четырехъ типографіяхъ, ибо первая, обязавшаяся, оказалась несостоятельною. Заваленъ корректурами. Спѣшу. Извините. Пользуюсь окказіей. Вслѣдствіе полученія статьи о любезномъ П. А. (Плетневѣ) [91]) я долженъ былъ вынуть изъ листа нѣсколько стихотвореній, а начать прозою и посланіемъ, за коими могли умѣститься только фотографіи и замѣтки. Прочее пойдетъ во 2 книгу, которая, кажется, будетъ, потому что охотниковъ на 1 встрѣчается много. Выйдетъ она чрезъ недѣлю.

Преданный М. Погодинъ.

Наблюдите за бумагами Жуковскаго, во имя русской словесности.

Усердно кланяюсь и радуюсь вашей свѣжести, крѣпости и живости.

53.

Марта 19 (1866).

Je reviens toujours à mes moutons de Молчановка. „Двора“ вмѣсто „царя“, стоитъ въ вашемъ оригиналѣ, который при семъ препровождается вмѣстѣ съ прочими напечатанными стихотвореніями. „Опшбки“ поправилъ корректоръ, который хотѣлъ поумничать.

А „Страстью“ увлекся юноша-переписчикъ, которому грусть надоѣла!

И вотъ всѣ мои труды и подвиги пошли подъ ноги: какъ я смотрѣлъ и свѣрялъ, и какъ хотѣлось напечатать исправно!

Когда Бартеневъ сообщилъ мнѣ ваше неудовольствіе, меня

просто варомъ обварило, а къ тому же послышался голосъ Шевырева *), крикнувшаго съ того свѣта за опечатки.

Еслибъ вы знали, что сдѣлала со мною типографія въ Молчановкѣ. Взялась напечатать книгу къ 1 января, съ страшными неустойками, за недѣлю еще подтверждала обязательство, и вдругъ я увидѣлъ только семь листовъ. Я такъ и ахнулъ, роздалъ оригиналъ по четыремъ типографіямъ: надо было подгонять статьи, слаживать нумерацію, — а живу я на Дѣвичьемъ полѣ, и секретари запили! Бѣдный Іорикъ! Благодарить Бога, что и такъ вышло!

Распространяйте *Утро* въ вашемъ кругу, заводя разговоры и тому под. Матеріаловъ у меня собрано много хорошихъ, а печатать не могу, если не окупится книга, до чего еще далеко!

Бодянскій отмякъ, вѣроятно, вслѣдствіе моего благопріятнаго отзыва о *Чтеніяхъ*, и сказалъ мнѣ, что книги посылать готовъ, если вы пришлете адресъ, а то ему возвратили четыре.

Наблюдите за бумагами Жуковскаго, чтобъ ихъ не растаскали. Вѣрить, увы, можно немногимъ. Если понадобится, я готовъ пріѣхать нарочно къ вамъ на помощь, по дорогѣ въ Парижъ, гдѣ мнѣ хочется разобрать бумаги Тургенева.

Меня просятъ многіе о журналѣ и газетѣ. И журналъ, и газета новые въ Москвѣ необходимы. Распространяйте эту мысль. Честные, благонамѣренные, толерантные и русскіе. Могу принять на себя только главное наблюденіе и послѣднюю корректуру, кромѣ сотрудничества.

Цензурою министръ внутреннихъ дѣлъ управлять не умѣетъ, и, вообще, безъ знакомства съ литературою управленіе не мыслимо. Наконецъ усердно кланяюсь.

Не отдать ли „Тоску по запоздаломъ“ Каткову или Бартеневу? [92]).

Кончилъ вчера чтенія о Карамзинѣ, а нынче я субботствую и пишу письма.

Многіе плакали, слушая письма Жуковскаго, которыми я заключилъ чтеніе.

Послѣдняя тетрадь съ Телешевымъ въ концѣ вамъ попалась

*) Скончался въ Парижѣ 8 мая 1864 года. *Н. Б.*

перепутанная — я не успѣлъ пересмотрѣть ее хорошенько передъ отъѣздомъ за границу въ прошломъ году.

Преданный М. Погодинъ.

Есть привѣсокъ.

Я писалъ, кажется, къ вамъ, чтобы вы настояли въ Академіи о порученіи мнѣ оффиціальномъ—написать біографію Карамзина, собрать матеріалы. Пристаньте къ Литке, котораго кругомъ обманываютъ. Ломоносову воздана честь, на Державина употреблены многія тысячи, а о Карамзинѣ ни слова. Вѣдь это посмертное оскорбленіе!

Максимовичу непремѣнно надобно помочь отъ Академіи. Онъ крайне нуждается.

Достаньте стихотворенія новыя Дмитріева. Вы найдете тамъ чего не ожидали. Я удивился [93]). Много прекраснаго. А разругалъ онъ меня ругательски за 1766 годъ вмѣсто 1765!!

Что значатъ слова въ „Запискѣ“ Карамзина, с. 12: „Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи“.

56.

Понедѣльникъ (1866).

Спѣшу передать вамъ общее впечатлѣніе засѣданія—превосходное! Статья Сологуба очень хороша. Прочелъ онъ ее прекрасно. Выборъ стихотвореній счастливый! „Тропинка“, „Ночь на Босфорѣ“, „Ямщики“ и пр. производили восторгъ. Усердно поздравляю. Я внутренно радовался—среди различныхъ своихъ непріятностей. Своей статьи я приготовить за справками не успѣлъ, да она и была бы лишнею [94]).

Преданный М. Погодинъ.

Жаль мнѣ Сологуба. У него и талантъ, и умъ, и образованіе, и доброе сердце—а тратитъ жизнь въ пустякахъ. Самое *Утро* я вздумалъ издавать, чтобъ привлечь его къ работѣ,—да и остался одинъ, а онъ укатилъ. Надо бы учинить надъ нимъ опеку литературную, да не изъ кого. Въ Москвѣ я одинъ донкишотствую, а прочіе—каждый норовитъ подъ своею смоковницею. Надо ждать добра отъ слѣдующихъ поколѣній.

Что же вы не сказали мнѣ ни слова объ *Утрѣ*?

57.

Апрѣля 5 1866.

Многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ! Вы москвичъ прирожденный—имѣю честь представить вамъ издателя Москвы, описанной и расписанной, Ал. Ал. Мартынова. Онъ повезъ экземпляры царской фамиліи—надо, чтобъ они были приняты и, сколько-нибудь, вознаграждены. Изданіе стоило слишкомъ дорого, какъ вы сами усмотрѣть можете. Похлопочите елико возможно предъ г. Валуевымъ, чрезъ котораго пойдетъ, кажется, поднесеніе, также предъ г. Перовскимъ, предъ собою и прочими, силу и власть имѣющими. Текстъ къ описанію Москвы составленъ г. Снегиревымъ вмѣстѣ съ издателемъ. Въ главѣ объ урочищахъ много новаго и любопытнаго.

Обстоятельства мудреныя! Война между Австріей и Пруссіей немыслима. Не морочатъ ли насъ? Господи помилуй,—а у насъ всѣ партіи сражаются съ вѣтреными мельницами! Сказалъ бы я то и другое, но гдѣ прикажете печатать? *Утро* еще не окупилось, а втораго не могу начать прежде, чѣмъ окупится первое.

Страшное, невѣроятное паденіе курса. Это другая война, которую задаютъ намъ на другомъ полѣ, и отъ которой наши финансисты оборониться не умѣютъ, а, можетъ быть, и не хотятъ. Курсъ нашъ хуже всѣхъ, слѣдовательно, дѣла наши хуже всѣхъ и опаснѣе?

Боюсь зарапортоваться и повторяю просьбу о покровительствѣ Мартынову. Преданный М. Погодинъ.

P. S. Пріятное извѣстіе объ обращеніи Джунковскаго. Ему бы теперь воздѣйствовать на Гагарина, Печерина и проч. У насъ въ Москвѣ еще важнѣе обращеніе раскольничьихъ архіереевъ, котораго рутинисты наши цѣнить не умѣютъ, а это великое орудіе Богъ подалъ намъ въ руки!

Усердно кланяюсь.

58.

Ко мнѣ является всякой людъ. Пришелъ липецкій купецъ *)—депутатъ отъ города. Крыши у нихъ $^{9}/_{10}$ покрыты соломою, а на-

*) Тамбовской губерніи, города Липецка, купецъ 2-й гильдіи Василій Васильевъ Быхановъ.

чальство велитъ ихъ раскрывать, и уже раскрываютъ. Исполнитель, говорятъ, полякъ. Въ городѣ плачъ и стонъ. Они написали просьбу государю и просили меня посмотрѣть. Я подалъ совѣтъ показать ее прежде г. министру, и обращаюсь къ вамъ, многоуважаемый и многолюбимый князь Петръ Андреевичъ, не будете ли вы такъ добры, чтобъ старику доставить доступъ къ г. Валуеву? [95]). Усердно кланяюсь. Преданный М. Погодинъ.

16 апрѣля (1866).

59.

21 апрѣля 1866.

А я все къ вамъ, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ! Распря *Московскихъ Вѣдомостей* съ цензурнымъ управленіемъ можетъ произвести скандалъ.

Я придумалъ средство прекратить его, сохраняя достоинство закона и щадя самолюбіе редакціи, которая заняла ловкое положеніе. Лично я не люблю ея, но заслуги ея несомнѣнны. Средство, придуманное мною вы можете прочесть на 11 страницѣ прилагаемаго корректурнаго 2 листка, въ отвѣтъ на приписку какого-то переяславскаго мѣщанина. Одобрите ли пустить въ ходъ это средство. Тогда я напечатаю его въ 3 листкѣ. Вы можете отъ себя спросить согласіе у г. Валуева (котораго я также не долюбливаю за его грубѣйшее оскорбленіе, — но въ этомъ дѣлѣ я — внѣ частностей и личностей). Если вы разсудите сдѣлать какое измѣненіе, то пришлите мнѣ совѣтъ. Если думаете, что это ни къ чему не поведетъ, то я уничтожу Дон-Кишотскую выходку.

Такъ было хорошо я настроился къ исторической своей работѣ, какъ вдругъ послѣднія событія совершенно меня растревожили.

Прилагаю и первый листокъ, если вы его не видали. Тамъ также есть любопытныя вещи. Меня осыпаютъ различными заявленіями и письмами и разстраиваютъ мои занятія [96]). Благослови васъ Богъ. Преданный М. Погодинъ.

Малороссійскому бутузу *) потрудитесь сами написать двѣ строки, которыхъ онъ, видно, дожидается:

„Князь Вяземскій проситъ г. Секретаря переслать ему труды

*) Осипу Максимовичу Бодянскому. *И. Б.*

Общества, въ Петербургъ, въ гостинницу Демута". Другой причины я не вижу. На мои слова онъ отвѣчалъ мнѣ самымъ почтительнымъ тономъ: „Я не знаю адреса, и получилъ назадъ три-четыре раза книги, посланныя на имя князя Вяземскаго въ Петербургъ. Какъ можно, чтобы я не доставилъ князю Вяземскому и пр.". Я думалъ, что онъ вамъ тотчасъ тогда же и отправилъ все слѣдующее.

60.

2 мая (1866).

Получили ль вы мой корректурный листъ, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ? Прошу васъ покорно возвратить его мнѣ: я отдумалъ самъ не пускать его въ ходъ—Богъ съ ними со всѣми. Такъ все запутано, сложно,—что лучше оставаться въ сторонѣ, да не грѣшно ли граждански? Вотъ этотъ вопросъ часто смущаетъ меня, и я отъ Ярополковъ и Мстиславовъ обращаюсь къ злобѣ дня [97]).

Сбираюсь летучіе листки распространить по содержанію и издавать тетрадки не о томъ же, но обо всемъ! Что скажете? Преданный М. Погодинъ.

Скажите графинѣ Блудовой, что я перестану писать къ ней вовсе, а у меня есть и Острожская Библія.

61.

10 мая (1866).

Я такъ отяжелѣлъ, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, что затрудняюсь выѣхать иногда съ Дѣвичьяго поля на Тверскую или на Покровку, а о Петербургѣ и думать не смѣю, развѣ по какой необходимости! Притомъ — не люблю Петербурга. Всякое предложеніе, мысль, совѣтъ, представляется тамъ просьбою, исканіемъ, предполагаютъ заднія мысли и пр. Богъ съ ними! Я же не умѣю обходиться съ такими индивидуумами [98]).

Можете сказать отъ себя (но отнюдь не отъ моего имени), что 1 декабря въ торжественномъ собраніи прочесть бы мое „Похвальное слово", измѣнивъ его соотвѣтственно дню произнесенія, да стихи Языкова, если вы не напишете новыхъ, которыхъ, признаться, я давно ожидалъ. Передъ 1 декабря прочесть публично обозрѣніе его жизни (то-есть, сокращеніе моей біографіи), въ Академіи же,

что могутъ поручить мнѣ. Касательно обѣда Ломоносовскій комитетъ дѣйствовалъ, кажется, хорошо. Можно поручить ему это дѣло.

Карамзину надо бы поставить памятникъ въ Москвѣ, которую онъ прославилъ, описалъ, гдѣ жилъ и образовался и дѣйствовалъ, и поставить бы противъ Пожарскаго и Минина, а если это покажется несоотвѣтственнымъ, то въ Александровскомъ саду, или около стѣнъ Кремля, на берегу Москвы рѣки.

Касательно содѣйствія—пусть назначатъ какую-нибудь сумму. Я не говорю о своемъ трудѣ, но переписка *), почта, поиски, собраніе изданій, справки, чего мнѣ стоятъ въ продолженіе двухъ лѣтъ! Объ этомъ должна бы Академія сама догадаться, а напоминать непріятно.

Катковъ и Леонтьевъ зазнались, а что они оказали важныя услуги—это безспорно. То-то и бѣда, что русскіе люди не умѣютъ оставаться въ границахъ, а всякой хочетъ по своему! Недостатокъ воспитанія!

Экземпляръ прошу доставить Наслѣднику, которому и посвящаю я біографію Карамзина, графинѣ Блудовой, г. Сербиновичу, Карамзинымъ.

Не выдавать ли разныя разности тетрадками, въ 2, 3 листа. Ко мнѣ шлютъ множество любопытнаго. Есть въ Италіи хорошій корреспондентъ. Надо, чтобы всякая тетрадка производила эффектъ для нашихъ черепокожныхъ! О, противныя созданія!

Преданный М. Погодинъ.

62.

Мая 14 (1866).

Помилуйте—что уже это дѣлается въ Петербургѣ? Вы знаете, что я лично не расположенъ къ издателямъ *Московскихъ Вѣдомостей*, но онѣ сдѣлались, положимъ даже, — безъ достаточныхъ причинъ, тожественными съ русскимъ дѣломъ, съ русскими интересами, оппозиціею полякамъ, какъ же можно зажать имъ ротъ? Какое впечатлѣніе для большинства? Какое ободреніе для искреннихъ мнѣній? Что скажутъ русскіе дѣятели въ Вильнѣ, Кіевѣ, Варшавѣ? Вѣдь у всѣхъ опустятся руки. А враги, имъ же имя легіонъ,

*) У меня вѣдь было 4 редакціи, а теперь идетъ пятая.

восторжествуютъ! Мѣра въ высшей степени не политическая и во всѣхъ отношеніяхъ вредная! Надо было придумать другой исходъ! Не позаботились даже, чтобы газета на другой день вышла въ другой редакціи! Теперь мы безъ газеты, чего въ продолженіе ста лѣтъ, не случалось, кромѣ мѣсяца при французахъ. Сообщаю вамъ, какъ русскому человѣку и послѣднему изъ той незабвенной среды, принимающему живое участіе въ судьбахъ отечества, что впечатлѣніе въ Москвѣ тягостное [99]). Пакетъ пошлите въ домъ Кокорева, на Бассейной, для доставленія ко мнѣ. У него часто оккази.

Преданный М. Погодинъ.

63.

Мая 16 (1866).

Мучить, такъ мучить васъ, достойный князь Петръ Андреевичъ!

Просьба убѣдительная, преклоните колѣна: сынъ мой Дмитрій, (названный такъ въ память о Димитріѣ Веневитиновѣ) служитъ 4 года судебнымъ слѣдователемъ въ Подольскѣ. Вдругъ, вопреки представленію непосредственнаго начальника прокурора Ровинскаго *), къ которому я имѣю полную довѣренность, переводится въ Михайловъ, Рязанской губерніи. Это разстроиваетъ и его съ семействомъ (у него трое дѣтей), и меня. Еслибъ за вину, я не сказалъ бы ни слова; но меня увѣряютъ люди, вполнѣ заслуживающіе мою довѣренность, что это дѣло интриги: онъ имѣлъ неосторожность рѣзкимъ языкомъ раздражить нѣкоторыхъ грандовъ, въ угоду которымъ и начались противъ него дѣйствія, пущены слухи. Точно—я самъ былъ недоволенъ его поведеніемъ сначала, но теперь онъ поправился. Это я знаю навѣрное. Служба жъ его шла всегда исправно. Пусть спросятъ мужиковъ Подольскаго уѣзда,— я разспрашивалъ,— и тогда пусть осуждаютъ его.

Я знаю—вы не поскучаете этими подробностями и пособите молодому человѣку, и вмѣстѣ старому.

Оставить судебнаго слѣдователя Погодина въ Подольскѣ до сентября мѣсяца.

---

*) Дмитрій Александровичъ. *Н. Б.*

Сдѣлайте милость—похлопочите у министра юстиціи, если вы его знаете, или у кого другого, поскорѣе...

Преданный М. Погодинъ.

P. S. Столько у меня было тревогъ въ послѣднее время, что, право, на свѣтъ Божій не глядѣлъ бы!

Изъ Академіи пишутъ мнѣ, что тамъ „препятствія нѣтъ напечатать біографію Карамзина на счетъ отдѣленія, но надо прислать рукопись и пріѣхать". Слуга покорный! У меня, впрочемъ, и въ мысли никогда не было печатать въ Петербургѣ на счетъ отдѣленія! Богъ съ ними! Я отпраздную юбилей Карамзина у себя въ кабинетѣ, и тѣнь его снизойдетъ ко мнѣ, я надѣюсь, а не въ Академію и не въ Университетъ.

64.

28 іюня (1866).

Благодарю усердно и за себя, и за будущаго Бартенева [100]). Неужели не увижу я васъ — скажите, когда пріѣхать къ вамъ, чтобъ потолковать о біографіи Карамзина? Какъ я благодаренъ княгинѣ Мещерской *). Отъ нея несется электричество! Надо бы поговорить и о литературѣ. Изданіе необходимо живого журнала спокойнаго, благонамѣреннаго и вѣротерпящаго, и газеты.

О Нащокинѣ буду приставать къ попечителю и пр.

Низко кланяюсь. Подкрѣпляй Богъ ваши силы.

Преданный М. Погодинъ.

Я слышалъ о вашихъ новыхъ выстрѣлахъ и шуткахъ—пришлите потѣшиться.

До Каткова лично я не охотникъ, какъ и писалъ къ вамъ, но дѣло противъ него поведено было неловко, и подано было ему оружіе, которымъ онъ ловко воспользовался. Письма вашего я не прочелъ еще, опасаясь задержать посланнаго, а пишу это по старому впечатлѣнію.

---

*) Екатерина Николаевна, дочь исторіографа Карамзина. *Н. Б.*

65.

2 іюля (1866).

1) Посылаю копію съ вашего письма *).

2) Три стихотворенія новыя (нѣкоторые стихи требуютъ исправленія).

3) Стихотворенія прежнія пришлю въ Петербургъ, списавъ на всякій случай копіи (Надо бы издать второе *Утро* помудренѣе, да не на что).

4) Одна *княгиня Щепина-Ростовская*, старуха *80* лѣтъ, слѣпая, глухая, нищая подала просьбу Императрицѣ: нельзя ли похлопотать о пособіи. А всего бы лучше помѣстить во вдовій домъ. Мои знакомые содержатъ ее, кто даетъ въ мѣсяцъ рубль, кто два!

5) Двѣ старыя дѣвы Потоцкія просятъ о половинной или маленькой пенсіи ихъ отца и матери (просьбы у г. секретаря должны быть).

Я отказывать никому не умѣю, а вы еще менѣе: потому я вамъ и докучаю, и докучать смѣло буду.

6) О Катковѣ $^3/_4$ вашей правды, а $^1/_4$ нѣтъ. Талантъ писать, или играть на шарманкѣ онъ имѣетъ, пользу принесъ значительную,—нельзя не похвалить его и за нѣкоторую смѣлость, въ нашихъ обстоятельствахъ имѣющую свое значеніе.

7) Третій листокъ мой возвратите. Если покажете Валуеву, то отъ себя, а я отнюдь не жалуюсь (чортъ ихъ возьми) и печатать не хочу, — да и теперь уже и вышелъ бы онъ горчицею послѣ ужина **).

Къ 6. Дѣло о пожарахъ замято. Смерть Жданова замята. Это общій голосъ, смѣло сказать можно, всей Россіи. Есть много подобныхъ событій—вотъ что *Московскія Вѣдомости* и называли измѣною, согласно съ мнѣніемъ большинства. Правительство само подало поводъ, не постаравшись разъяснить событія. *Московскимъ Вѣдомостямъ* вмѣняется въ заслугу, что онѣ смѣло заявляютъ общее негодованіе.

Усердно желаю вамъ всякаго благополучія — здоровья, спокойствія!

---

*) То-есть, письма отъ 28 апрѣля 1866 года. *Н. Б.*

**) Разумѣется *Летучій Листокъ*.

Да когда же начнете вы печатаніемъ свои сочиненія? Хоть бы Императрица, если не Академія, рѣшила бы приняться скорѣе за изданіе. Это было бы приношеніе въ юбилейный годъ Карамзина на алтарь музъ, какъ говорили прежде!

Если о Карамзинѣ что вспомните, напишите къ преданному М. Погодину.

66.

Января 18 (1867).

Насилу собрался писать вамъ, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, и такъ много накопилось всякой всячины, что не знаю съ чего начать.

Начну съ послѣдняго событія: я послалъ просьбу о разрѣшеніи мнѣ издавать по листу въ недѣлю газеты *Земецъ* Такъ подписался подъ одной статьей противъ меня какой-то рецензентъ *) (въ *Атенеѣ*); онъ, *Атеней*, попался на глаза, я и вспомнилъ объ этомъ имени, а прежде думалъ было назвать газету *Часовымъ*. Какъ вы думаете? [101]) Литература будетъ занимать главную часть. При газетѣ, когда наберется матеріаловъ, можно издавать и сборникъ въ родѣ *Утра*. Прошу о помощи и содѣйствіи.

Для біографіи Карамзина набирается уже третья часть. Не позволите ли приложить къ ней всѣ ваши три статьи, то есть, перепечатать? Онѣ дополняютъ значительно біографію.

Въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности съ удовольствіемъ прослушалъ ваши замѣчанія о стихахъ Карамзина. Какъ это все молодо, свѣжо, любопытно. И потому, поздравляя васъ съ новымъ годомъ, не желаю даже вамъ новыхъ силъ, по обыкновенію, а желаю только, чтобъ сохранились старыя какъ можно дольше. Какъ я былъ радъ одному извѣстію, что Карамзинъ читалъ начало „Онѣгина“. Заключеніе статьи попадало не въ бровь, а прямо въ глазъ новымъ забіякамъ, вкравшимся въ Общество Любителей Россійской Словесности. – Они не допускали было чтенія статьи съ заключеніемъ, и недѣля прошла въ неизвѣстности, но старики Сологубъ и Лонгиновъ объявили, что не будутъ читать половины, и чтеніе полное не состоялось.

*) Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. *Н. Б.*

Кстати сообщу вамъ и другія подробности. Засѣданіе открылось годичнымъ отчетомъ секретаря, который обругалъ прежнюю дѣятельность Общества и похвалился, идучи на рать. (Теперь онъ уже отказался опять отъ секретарства). Я хотѣлъ уйти и сказать, что мнѣ дѣлается дурно, и что я рѣчь свою прочту въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ. Но потомъ я подумалъ, что выставляя Карамзина идеаломъ писателя, я долженъ и слѣдовать его примѣру кротости и терпѣнія, а не дѣлать скандалу. Смирился, и только взглядами и удареніями на нѣкоторыхъ словахъ изъ Карамзинскихъ писемъ постегалъ секретаря, сидѣвшаго со мною рядомъ. Ваша статья послужила впрочемъ самымъ блистательнымъ ему отвѣтомъ.

Это засѣданіе рѣшило меня и издавать газету. Общество, то-есть, публика показываетъ расположеніе къ исправленію къ прежнему образу мыслей. Надо ковать желѣзо, пока горячо... Хоть мнѣ жаль своихъ Святославовъ и Мстиславовъ, но я измѣню имъ не по долгу, по дню одному въ недѣлю. Время таково, что липній, честный и независимый голосъ можетъ оказать пользу.

Я посвятилъ свою книгу *) сыну. Ни мать, ни отецъ, не прочли, кажется, и посвятительнаго письма. Признаюсь—это меня огорчило, и третьей части едва ли я представить рѣшусь. Богъ съ ними!

Если можете прислать мнѣ копіи, или оттиски своихъ статей о Карамзинѣ, то благоволите, — и съ какими-нибудь новинками для газеты.

Преданный М. Погодинъ.

67.

(1867).

Рѣшился и я поклониться Гробу Господню и всплакнуть о грѣхахъ на святомъ мѣстѣ, досточтимый князь Петръ Андреевичъ, и прошу васъ покорно прислать мнѣ наставленіе.

Планъ мой таковъ: мѣсяцъ въ Карлсбадѣ, оттуда на недѣлю въ Парижъ взглянуть на послѣдніе плоды цивилизаціи. Изъ Парижа хотѣлъ я ѣхать на Женеву, въ Геную,—и оттуда на пароходѣ. Но не лучше ли на Марсель, откуда сообщеніе опредѣленнѣе?

*) *Н. М. Карамзинъ.*

И такъ вопросъ: должно ли брать мѣсто до Константинополя, съ правомъ остановиться въ Аѳинахъ, Александріи, Іерусалимѣ,— или только до Аѳинъ?

Сколько времени продолжается плаваніе?

Вы въ какомъ мѣсяцѣ совершали его?

Я думаю быть въ Марсели или Генуѣ 1-го августа.

Если Богъ дастъ, выну часть за ваше здоровье, а теперь только желаю его вамъ отъ души.

Преданный М. Погодинъ.

Позвольте напечатать ваши стихотворенія, что̀ у Бартенева.

68.

Ноября 29 1867.

Русскій выступаетъ опять на сцену. *Утро* занимается. Издатель обращается къ вамъ, какъ прирожденному благодѣтелю, о богатой милости. Давно не имѣлъ я отъ васъ никакого извѣстія, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, и не знаю, какъ васъ Богъ милуетъ. Я совершилъ свое путешествіе благополучно, и такъ радъ, что и сказать не могу. Теперь занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ дорожныхъ записокъ, сижу взаперти и никого не вижу. Вы меня одолжите и утѣшите много, приложивъ нѣсколько строкъ о себѣ къ той посылкѣ, на которую я возлагаю крѣпкую надежду.

Преданный М. Погодинъ.

69.

Не изъ Москвы только идутъ къ вамъ просьбы и моленія, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, а вотъ и изъ Петербурга въ Петербургъ. Еслибы я не былъ такъ документально убѣжденъ въ вашемъ и пр., въ вашей и пр., то, разумѣется, остановился бы иногда докучать. Но скорѣе къ дѣлу. Податель Владиміръ Адамовичъ Брокеръ, о которомъ прошено было уже прежде, ищетъ мѣста экзекутора въ Московскомъ почтамтѣ Почтдиректоръ самъ не хочетъ представлять никого, и помѣщеніе зависитъ отъ генерала Веліо. Вы помѣстили уже дочерей г. Брокера, слѣдовательно, кормилецъ его до усовъ, покормите же до бороды—

говорятъ, что мѣсто зависитъ отъ одного вашего слова г-ну Веліо, вы же готовы всегда сказать и дѣлать для добраго дѣла, слѣдовательно, и проч.

Его отецъ сдѣлалъ добро моему отцу, и я считаю долгомъ признательности хлопотать объ немъ [102]).

Пишу на докладной запискѣ его г-ну Инсарскому *), изъ которой увидите обстоятельства дѣла.

Преданный М. Погодинъ.

29 декабря (1868).

Только надо *скорѣе* сказать или хоть написать это слово.

Угостила Академія **). Я хотѣлъ отозваться головною болью. Утомивъ вниманіе, можно ли требовать его вновь. Читалъ раздраженный, пропускалъ и сочинялъ Еслибъ зналъ, ни за что на свѣтѣ не пріѣхалъ бы за семьсотъ верстъ киселя Ѣсть [103]).

70.

Съ новымъ годомъ поздравляю отъ души нашего многоуважаемаго и достолюбимаго князя Петра Андреевича. Храни васъ Богъ долго, долго, на пользу и радость нашу, посылай вамъ силы новыя и новыя, съ сохраненіемъ всѣхъ старыхъ окладовъ.

Графиня Толстая ***) просила у меня эпилога ****). Послѣ я обдумалъ и разсудилъ, что лучше бы устроить тамъ на верху полное чтеніе, сколько пожелаютъ. Одинъ эпилогъ прочесть странно, да онъ же и въ тетради, и перемаранъ. Чтеніе было бы и полезно для меня въ другомъ отношеніи, о которомъ объяснюсь при свиданіи. Какъ вы думаете? Если это возможно, то не соблаговолите ли вы предложить Государынѣ, которая читывала *Русскаго* и относилась ко мнѣ всегда съ благоволеніемъ? Устройте-ка это, добрый князь, въ дополненіе ко всѣмъ тѣмъ одолженіямъ и любезностямъ,

*) Василій Антоновичъ, московскій почтъ-директоръ и авторъ извѣстныхъ Записокъ. *Н. Б.*

**) Продолжительнымъ чтеніемъ отчета. *Н. Б.*

***) Александра Андреевна. *Н. Б.*

****) Къ *Древней Русской Исторіи*. *Н. Б.*

которыя получалъ отъ васъ, 1825—1869, съ чувствами неизмѣнно благодарными вамъ.

Преданный М. П. Погодинъ.

2 января (1869).

Прилагаю на новый годъ и приношеніе: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

71.

7 апрѣля (1869).

Посылаю вамъ, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ, „Воспоминаніе о Шевыревѣ". Онъ былъ вамъ преданъ искренно, любилъ васъ и уважалъ. Я написалъ статью на память, при первомъ извѣстіи, но до сихъ поръ негдѣ было напечатать ее. Таково еще у насъ время. Это только корректура. На досугѣ я дополню и исправлю ее *).

Изъ Петербурга, съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ оттуда, нѣтъ ни слуху, ни духу! Прискорбно это и обидно! Не понимаю и не спрашиваю. Я хотѣлъ (и хочу) посвятить себя, то-есть, остатокъ своей жизни одному труду. Мои опыты предъ глазами, и приготовительныя работы извѣстны также. Какое же препятствіе?

Я не сталъ бы говорить, еслибъ несчастное стеченіе обстоятельствъ не разстроило моихъ дѣлъ, и не стало мнѣ трудно жить и писать исторію безъ помощи, но довольно!

Прочелъ вчера статью Тургенева о Бѣлинскомъ. Онъ съ Бурбонами, кажется, ничего не узналъ и ничего не забылъ, заматорѣвши въ лѣтахъ зрѣлыхъ! Надо непремѣнно возразить ему. Сколько разъ заказывался я вступать въ полемику журнальную,—но, воля ваша, такихъ вещей нельзя оставлять безъ протеста, особенно теперь!

У меня вертится въ головѣ большая статья. Должны бы подать голосъ и другіе, но такъ тяжелы они на подъемъ! Впрочемъ, это будетъ моя послѣдняя литературная статья: уѣду въ глушь куда-нибудь и перестану читать газеты, не только журналы.

Нынѣ 40 день по Одоевскомъ! За четыре дня до смерти мы были съ нимъ вмѣстѣ на лекціи физики. Очень жаль его. Онъ

*) *Воспоминаніе о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ.* С.-Пб. 1869.

былъ преданъ также отъ души святому дѣлу просвѣщенія и любилъ словесность [104]).

Есть и утѣшительное для васъ извѣстіе. Нынѣ я былъ на публичной лекціи... Какъ бы вы думали о чемъ? О Духѣ. Молодой ученый, Аксаковъ (однофамилецъ московскому), выступаетъ на сцену. Онъ жилъ и учился въ Германіи лѣтъ 5. Главный предметъ его богословіе! Ему лѣтъ 25! Прекрасное направленіе. Много мыслей новыхъ и сопоставленій. Языкъ и планъ хороши. Я былъ обрадованъ. Святая Русь не клиномъ сошлась [105]). Здравствуйте!

Преданный М. Погодинъ.

Я спрошу Тургенева: всякое древо отъ плодовъ его познается. Какіе же плоды Бѣлинскаго? Дымъ!

72.

Мая 3 (1869).

Виноватъ, и не безъ вины, а съ виною, и даже съ двумя виноватъ, многоуважаемый князь Петръ Андреевичъ! Теперь только я вспомнилъ, что имѣлъ ужь нѣкоторыя изъ вашихъ замѣчаній по поводу напечатаннаго прежде отрывка изъ „Воспоминаній о Шевыревѣ“ въ *Архивѣ*,—я тогда отложилъ ихъ или даже исправилъ по нимъ отрывокъ,—а послѣ и забылъ, не перенесъ исправленій въ тетрадь, заключавшую все воспоминаніе, которое поступило въ *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія*.

Вообще оно лежало у меня долго подъ спудомъ, какъ корректура: я ждалъ бумагъ отъ вдовы (которая до сихъ поръ по своей мнительности ихъ мнѣ не доставила) и хотѣлъ заодно исправить и дополнить. Отдалъ же неисправленное, обрадовавшись случаю, который неожиданно представился, по пословицѣ: куй желѣзо пока горячо. Въ другихъ журналахъ — никто вѣдь еще и не приметъ. (Такъ не примутъ и статью о Бѣлинскомъ, за которую теперь однакожъ непремѣнно примусь, по вашему ободренію. Развѣ собрать *Утро* четвертое?).

Возвращаясь къ „Воспоминанію“ скажу, что я самъ очень недоволенъ имъ, замѣтивъ теперь многіе пропуски,—между прочимъ отношенія къ вамъ Шевырева, который васъ очень любилъ и уважалъ. Это все исправлю, а вы, увидя, можетъ быть, когда Шевы-

реву у графини Протасовой, толкните ее, чтобъ она не задерживала нужныхъ мнѣ бумагъ. Между нами — она очень безтолкова, чего-то опасается, — иначе не могу я объяснить ея задержки, — какъ будто-бъ я не пойму, что̀ можно сказать и что̀ должно умолчать. Да я самъ, вѣроятно, знаю вообще больше ея всякихъ подробностей. Мнѣ предосадно на нее. Безъ меня ни у кого и ключа нѣтъ ко многому. Безъ меня кто и примется разбирать бумаги Шевырева ненавистнаго и противнаго нынѣшней сволочи!

Напоминаніе ваше, чтобъ рубить съ плеча считаю излишнимъ, и даже обиднымъ: развѣ не ясно выражаю я свое мнѣніе о нынѣшней сволочи? Прочли ли вы мое посланіе къ нигилистамъ, по поводу суда о статьѣ Кирѣевскаго? *)

Тургенева даже жаль мнѣ стало: какія пошлости написалъ онъ о романсахъ М-me Віардо (въ письмѣ къ Анненкову), которые рекомендуются русской публикѣ, и объявляетъ, что герцогъ Саксенъ-Веймарскій заказалъ ей даже оперу.

Герценъ, съ которымъ я встрѣтился въ Швейцаріи въ 1867 г., отвѣчалъ мнѣ на мои слова, зачѣмъ онъ не печатаетъ свои „Былое и Думы“: „Для кого мнѣ печатать! Никто уже не читаетъ, развѣ для короля Прусскаго!“ А Тургеневъ взялся видно за умъ и обратился къ королевѣ Прусской.

Отвѣчаю на нѣкоторыя ваши замѣчанія:

„Зачѣмъ вы на себя клеплете, что ваше поколѣніе воспитано на стихахъ Ломоносова, Хераскова...“

Я говорилъ это въ отношеніи къ лекціямъ Мерзлякова, который, вы знаете, смотрѣлъ на Жуковскаго свысока. На лекціяхъ мы не слыхали о томъ поколѣніи, на которое вы указываете. Въ послѣдній годъ моего курса принесъ Мерзляковъ „Шильонскаго узника“, вамъ посвященнаго, и началъ: Взгляните на меня, я сѣдъ... Кто это говоритъ? Кому говоритъ? Тюрьма разрушила меня... Какъ можетъ тюрьма разрушать. Вотъ новые поэты? Вотъ какой языкъ у нихъ, и проч. Мы читали внѣ лекцій и Жуковскаго, и Батюшкова, и васъ („Передъ судомъ ума, какъ Каченовскій жалокъ“, и проч.), но я разумѣлъ воспитаніе оффиціальное.

*) *Русскій.* 1868. 2 октября. № 68.

О происхожденіи Пушкина, разумѣется, все такъ, какъ вы пишете и какъ мы всѣ исповѣдуемъ. Повторяю: у меня въ виду была только простота рѣчи Пушкина въ противоположность съ выспренностію прежнихъ одъ.

Въ избѣжаніе недоразумѣнія я вставлю нѣсколько словъ.

„Бориса“ читалъ Пушкинъ, положительно, по утру у Веневитиновыхъ.

У васъ, положительно, онъ читалъ прежде, дня за четыре, или за пять, до обѣщанія Веневитиновымъ, и я помню, какъ мы тосковали и завидовали, когда услышали объ этомъ чтеніи. Мнѣ разсказывалъ объ немъ, кажется, Корнильевъ.

С. 14 „Я не употребилъ никакого старанія“ и проч.

Вотъ что я называю второю своею виною.—Точно—это выраженіе неприлично и дико. Чувствую и понимаю теперь, и непремѣнно объяснію отсутствіе ваше согласно съ свѣдѣніями, вами теперь сообщенными [106]).

Возвращаю вашъ рисунокъ. Говорятъ, что это долженъ быть портретъ вице-канцлера и оберъ-каммергера князя Александра Михайловича Голицына (род. 1723, ум. 1807) и снятъ съ миніатюрнаго портрета, писаннаго на фарфорѣ или на кости, во время его пребыванія посланникомъ въ Польшѣ или Германіи.

Нѣтъ — пошлю еще портретъ для справки въ Голицынскую галлерею.

Преданный М. Погодинъ.

Мая 6.

73.

4 ноября 1869.

Вчера видѣлъ я васъ во снѣ, добрѣйшій князь Петръ Андреевичъ, а нынче сонъ въ руку, впрочемъ отчасти. Надо, чтобъ завтра или послѣ завтра онъ исполнился вполнѣ.

Разскажу все по порядку, исторически.

Вижу я васъ въ какомъ-то обществѣ. Толкуютъ о ходатайствѣ за кого-то. Вы говорите: я готовъ просить обо всѣхъ, а я вамъ на это: „Такъ похлопочите прежде всего о Максимовичѣ. Вы его знаете. Это человѣкъ почтенный и заслуженный. Онъ находится въ стѣсненномъ положеніи, получая урѣзанную пенсію,

рублей въ 800. Ему нужна бы хоть маленькая аренда... Я видѣлъ его недавно въ Кіевѣ...“ Съ этимъ я проснулся.

Но просить васъ теперь на яву стану не о Максимовичѣ. Объ немъ рѣчь впереди.

Просить буду о Брокерѣ, котораго письмо мнѣ подали, только что всталъ я съ постели. Онъ прислалъ мнѣ копію письма его къ вамъ,—и проситъ о моемъ посредствѣ.

Я писалъ къ вамъ, кажется, прежде, что считаю себя обязаннымъ помогать этому почтенному человѣку, по обстоятельствамъ пришедшему съ большимъ семействомъ почти въ крайность. Его отецъ сдѣлалъ одолженіе моему отцу вскорѣ послѣ разоренія французскаго.

Статскій совѣтникъ Владиміръ Адамовичъ Брокеръ ищетъ мѣста смотрителя въ Александровскомъ училищѣ въ Москвѣ, о чемъ писалъ къ вамъ, но не падѣется получить его, потому что, узналъ онъ послѣ, представленіе зависитъ отъ московскаго начальства, которое имѣетъ въ виду другихъ кандидатовъ.

Узналъ же онъ еще по секрету канцелярскому, что къ новому году откроются мѣста чиновниковъ особыхъ порученій (и окружныхъ надзирателей). Постарайтесь, добрѣйшій князь Петръ Андреевичъ, чтобъ одна изъ открывшихся ваканцій была зачислена за Брокеромъ. Сдѣлайте милость ему и мнѣ. Будетъ Бога молить за васъ многочисленное, хорошее семейство [107]).

Теперь о Максимовичѣ.

О Максимовичѣ я писалъ графу Толстому *) и просилъ его о маленькой арендѣ. Онъ отвѣчалъ чрезъ г. Делянова, что не можетъ дѣлать представленій, ибо три его представленія лежатъ у министра государственныхъ имуществъ безъ движенія. Слѣдовательно, ходатайство надо обратить въ другую сторону. Я собираюсь писать къ князю Дондукову и просить его о представленіи, такъ какъ Максимовичъ работаетъ теперь для Кіева. Если онъ согласится, то приступлю къ г. Россету, который теперь въ Москвѣ, и увѣдомлю васъ о дальнѣйшемъ радѣніи.

Былъ въ Бѣлевѣ и осматривалъ домъ такъ называемый, Жуковскаго. Домъ на краю города, вдали отъ всякаго населенія.

*) Дмитрій Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія. *П. Б.*

Дѣтямъ учиться ходить туда невозможно по грязи и въ гору. Въ домѣ удобнѣе устроить богадѣльню или больницу. При немъ есть и садъ.

Жуковскій впрочемъ въ этомъ домѣ не жилъ, какъ говорила мнѣ Авдотья Петровна *), но выстроилъ его для свой матери, которая умерла вскорѣ въ Москвѣ. Она погребена у насъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, и я видѣлъ ея могилу и камень съ буквою Е (Елизавета), очень давно. Въ послѣднее время не могъ отыскать его.

Жена владѣльца дома просила объ избавленіи отъ платы сына въ Тульской гимназіи. Я не успѣлъ еще распорядиться по возвращеніи изъ Кіева, попрошу попечителя, и если не успѣю, то обращусь къ вамъ.

Пономаревъ **) получилъ золотую булавку отъ Наслѣдника по вашему ходатайству и ликуетъ.

Что наврано въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* о Пушкинѣ и его эпиграммахъ, которыя принадлежатъ вовсе не ему! Пишу замѣтку. Первая эпиграмма принадлежитъ Дмитріеву или Писареву, а вторая вамъ или Давыдову? Черкните мнѣ два слова. Помнится мнѣ, кто-то сказалъ, вы или Давыдовъ, выходя изъ театра послѣ представленія „Руки Всевышняго“: Кто сильный устоитъ противъ сей Десницы. Чуть ли изъ этого не составилась тогда еще эпиграмма.

О Бѣлинскомъ началъ было писать когда-то вечеромъ, но по сцѣпленіи идей пришлось говорить о славянофилахъ, а это повело бы далеко, и я пока оставилъ написанное. Развѣ придумаю другую форму.

Передъ концемъ, видно, я не отхожу отъ письменнаго своего стола и работаю безъ устали.

Будьте здоровы, веселы, пишите и „просите за всѣхъ“, какъ сказали мнѣ во снѣ и какъ дѣлали и дѣлаете наяву.

Преданный М. Погодинъ.

74.

Іюня 1—13 1873. Москва.

Не безъ вины, а съ великою, виноватъ предъ вами, дорогой нашъ князь Петръ Андреевичъ. Получивъ ваше письмо, я тотчасъ,

*) Елагина. *Н. Б.*

**) Степанъ Ивановичъ, библіографъ. *Н. Б.*

или, вѣрнѣе, въ ту же минуту, написалъ вамъ отвѣтъ—въ головѣ,—а послѣ мнѣ представилось, что онъ написанъ былъ на бумагѣ, я и молчалъ. Опомнился и началъ справки о дочери Лажечниковой, разумѣется, заочныя, потому что я сижу дома безвыѣздно,—и не могъ добиться толку очень долго. Наконецъ получилъ отъ нея вопросъ о вашемъ адресѣ, который и послалъ, а между тѣмъ самъ поопасся, не уѣхали ли вы изъ Гамбурга, послалъ за Бартеневымъ — тотъ поманилъ обѣщаніемъ явиться, и только вчера написалъ ко мнѣ, что адресъ вашъ тотъ же, а кстати третьяго дня я подписалъ свое послѣсловіе къ „Простой Рѣчи о мудреныхъ вещахъ“ (гдѣ я дерусь не на животъ, а на смерть, со всѣми нашими нигилистами, позитивистами и всею сволочью петербургскихъ газетъ и журналовъ)—и вотъ я несу къ вамъ повинную свою голову.

Хотѣлъ посылать вамъ корректуры, но секретарикъ мой смотался, и безъ него какъ безъ рукъ для почтовыхъ дѣлъ. Пришлю книгу. Она занимала меня въ послѣднее время больше всего. Газеты съ извѣстіями всякій день объ убійствахъ и самоубійствахъ молодыхъ людей и дѣвушекъ возмущали меня до глубины сердца, и мнѣ хотѣлось излить свою душу. Министерство просвѣщенія съ самодуромъ Толстымъ и его московскими адъютантами, которые совсѣмъ рехнулись, ищетъ спасенія въ латинскихъ склоненіяхъ и греческихъ спряженіяхъ,—не только не мѣшаетъ злу, но увеличиваетъ его, и готовитъ такія явленія, отъ которыхъ никому не поздоровится. Грустно и тяжело!

Не можете себѣ представить, какъ среди этихъ и другихъ мерзостей настоящаго пріятно, сладко, и вмѣстѣ грустно читать вашу записную книжку и встрѣчаться тамъ съ старыми знакомыми, слушать ихъ любезныя рѣчи и остроты. И когда же успѣвали вы записывать всѣ эти прелести! Какъ бы хотѣлось увидѣть васъ и обнять. Дай Богъ вамъ здоровья, силъ и спокойствія! Гдѣ остаетесь вы на лѣто?

Мы думали было отправиться въ Емсъ, но едва ли состоится это путешествіе Кстати — въ Висбаденѣ живетъ дочь Пушкина. У нея, я слышалъ, есть много писемъ отца, писанныя къ матери и проч., которыя продавались (!!) когда-то въ Москвѣ. Нельзя ли вамъ ихъ выручить, или сказать о томъ графу Корфу, который

живетъ въ Висбаденѣ. Пушкина, или герцогиня Нассауская, не имѣетъ теперь вѣдь нужды въ деньгахъ и позволитъ хоть списать ихъ.

Къ Хомякову вы несправедливы крайне! Приравнять его къ хаму — это грѣхъ: онъ искренно любилъ отечество, и вопль его внушенъ былъ любовію, а не какимъ другимъ недостойнымъ чувствомъ. И кто же изъ порядочныхъ русскихъ людей не раздѣлялъ его сѣтованій. Неужели Севастопольская бѣда не давала права сѣтовать, какъ сѣтуютъ и теперь о томъ и другомъ. Не война восточная подлежитъ порицанію, а дерзость бросаться въ воду не спросясь броду. Вы говорите, что Николай Павловичъ увлекся славянофильствомъ и православіемъ. Какое же это славянофильство, когда онъ знать не хотѣлъ славянъ, а видѣлъ только австрійцевъ... Но объ этомъ не письма писать, а развѣ книги, которыя едва ли нужны, ибо исторія идетъ сама по себѣ и подъ тяжелой своей стопою обращаетъ въ прахъ всѣ человѣческія умничанья.

Благодаря запискамъ Мацѣевскаго „интересно“ (любопытно) было для меня узнать изъ него, что св. Іеронимъ былъ славянинъ.

О какой руссификаціи вы говорите, ей Богу, не понимаю. И кто же такіе руссификаторы? Потаповъ, Бергъ? Кого надо русить? Поляковъ? Оборони Богъ—они заѣдятъ насъ вовсе. Шведовъ? На что! Но чтобъ поляки не ополячивали и не католичили русскихъ на западѣ, чтобъ нѣмцы не онѣмечивали латышей и эстовъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, чтобъ шведы не хозяйничали въ Финляндіи и не готовили трехмилліоннаго авангарда на носу,— воля ваша объ этомъ надо подумать, но бѣда въ томъ, что объ этомъ не думаютъ. Скажите, есть ли у насъ какая система? По крайней мѣрѣ бумаги уже нѣтъ, и мнѣ негдѣ даже посмѣяться, представляя себѣ музу въ лицѣ графа Закревскаго.

Храни васъ Богъ на долго, на долго. Люблю и уважаю я васъ крѣпко, хоть и не согласенъ съ мнѣніемъ о Хомяковѣ и причинахъ Крымской войны, искупленной, впрочемъ, смертію Николая Павловича Дай Богъ ему царствія небеснаго.

Преданный М. Погодинъ.

75.

Іюля 9, послано 20 іюля, с. с. (1873).

Странное физіолого-психологическое письмо получите вы отъ меня теперь, дорогой нашъ князь Петръ Андреевичъ! Получивъ ваше предпослѣднее, я хотѣлъ тотчасъ написать вамъ отвѣтъ и начать тѣмъ, какъ всегда бываю радъ увидѣть вашъ почеркъ, и съ какимъ удовольствіемъ разбираю ваши каракульки, — сѣлъ за письменный столъ, но меня что-то отвлекло, и я долженъ былъ остановиться и приняться за другое дѣло... Помню, что хотѣлъ сказать два слова о Хомяковѣ, что онъ не рисовался никогда съ умысломъ, а искренно услаждался своими разсказами, воображеніями, выдумками, какъ другой услаждается пищею или питьемъ. Потомъ хотѣлъ повторить о русѣніи нѣмцевъ и поляковъ, о которомъ никто изъ порядочныхъ людей не думаетъ.

Черезъ день, въ 4 часу ночи, во снѣ или просонкахъ я вспомнилъ о задуманномъ отвѣтѣ и остановился на словѣ каракульки. Нѣтъ, оно нехорошо. Чѣмъ замѣнить его? Кривульки? Но черты въ почеркѣ князя Вяземскаго не кривыя, а прямыя,— ну такъ назвать ихъ прямульками. Онъ сердится за русѣнье. Нѣтъ, мы не русимъ, а развѣ хотимъ латынить и гречить. Но не гречимъ, а только грѣшимъ. Кстати — сообщу князю свою старую остроту. Въ началѣ управленія Уварова мы не имѣли къ нему большой довѣренности. Кто-то замѣтилъ: Уваровъ знаетъ древніе языки съ грѣхомъ пополамъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я, а развѣ съ Грефомъ. Профессоръ Грефе былъ его учителемъ. Отъ Уварова мысль перешла къ Строганову. Строгановъ хотѣлъ быть эрою въ Московскомъ университетѣ, а сдѣлался только еромъ, по крайней мѣрѣ, не херомъ... *). Этотъ эпизодъ, очень любопытный, разскажу при свиданіи: боюсь повѣрить его письму, чтобы не усилить вражды, еслибъ онъ случайно какъ-нибудь огласился и дошелъ до упомянутаго лица. Пуганая ворона куста боится.

Помните, что все это происходитъ во снѣ.

Князь Вяземскій записалъ, что Карамзинъ въ отвѣтъ, что у насъ дѣлаютъ, отвѣчалъ весьма вѣрно — крадутъ. Нынѣ, однако,

*) Здѣсь въ письмѣ Погодина совершенно зачеркнуто семнадцать строкъ.

глагола красть недостаетъ для обозванія всѣхъ подвиговъ этого рода. Взятъ въ заемъ у „Словаря“ еще другой глаголъ воровать, которому придано значеніе кражи, а прежде онъ значилъ только плутовать. Плутни, впрочемъ, остались, и Александръ Павловичъ Шиповъ написалъ даже разсужденіе объ основаніяхъ плутократіи, то-есть, богатства,—ну да можно придавать ей и это значеніе. А. П. Шиповъ напомнилъ брата Сергѣя Павловича (почтенный старикъ очень боленъ). По кончинѣ императора Николая Павловича въ одномъ обществѣ разсуждали, что дѣлать съ старыми министрами и членами государственнаго совѣта? Учредить изъ нихъ комиссію, сказалъ Хомяковъ, и поручить имъ разсмотрѣніе проектовъ Сергѣя Павловича. Надо бы собрать остроты князя Меншикова, князя Вяземскаго, фантазіи и продѣлки императора Павла Петровича. Нынѣ некому записывать, да и нечего. Далѣе послѣдовала какая-то сказка въ лицахъ о лошади и сѣнѣ, которыя надо было перевозить черезъ рѣку (въ родѣ сказки о волкѣ, козѣ и капустѣ), и было какъ-то украдено. Въ серединѣ пришло на умъ имя Максимовича, какъ будто разсказывавшаго прежде эту сказку небывалую. (Кстати ему пожалована маленькая земля, а о Пономаревѣ давно не слышу ничего. Онъ собирался на Аѳонъ, по послѣднему его письму ко мнѣ, писать что-то по порученію монаховъ). Наконецъ представилась еще какая-то цѣлая исторія, очень связная, но теперь я позабылъ ее, не успѣвъ записать тотчасъ, какъ проснулся. Проснувшись, первая мысль была замѣтить вамъ: пятьдесятъ лѣтъ назадъ были у насъ: Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій,—далеко ли мы ушли впередъ въ продолженіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ послѣ нихъ? Увы! Если не назадъ, то въ сторону!

Въ поясненіе сна долженъ еще прибавить, что въ эти дни я читалъ и писалъ по поводу толковъ Кавелина и Сѣченова о предѣлахъ психологіи и физіологіи.

Харузинъ перекрестился, получивъ отъ меня извѣстіе о вашей милостыни, впрочемъ еще не полученной *). Вы отозвались изъ Франкфурта, а въ Москвѣ вызвался Василій Андреевичъ Дашковъ

*) Не получена и теперь, 20 числа

напечатать его книгу, но вотъ прошло двѣ недѣли, ничего не слыхать отъ него. Жаль очень бѣдняка, совершенно разореннаго новымъ судомъ и погибающаго со всѣмъ семействомъ, если не получитъ помощи.

Мнѣ хочется обнять васъ въ эту минуту, нашъ добрый князь Петръ Андреевичъ. Позвольте! Много лѣтъ я пользуюсь вашимъ добрымъ расположеніемъ всегда одинаково. Спасибо вамъ за себя и за всѣхъ многихъ.

Преданный М. Погодинъ.

Скончался Ѳ. И. Тютчевъ послѣ нѣсколькихъ ударовъ! *).

76.

15 января 1874.

Съ новымъ годомъ поздравляю отъ души дорогаго нашего князя Петра Андреевича. Желаю ему, чтобы все его старое—прекрасное сохранилось въ цѣлости и свѣжести. Никакого новаго не нужно—тѣмъ болѣе, что всякое новое вездѣ, сказать кстати или некстати, что-то выходитъ неладно. Боюсь я крѣпко за наши новыя распоряженія по министерствамъ народнаго просвѣщенія и военному. Но возвратимся къ старому, старый годъ проводилъ я за *Русскимъ Архивомъ* и наслаждался бесѣдою съ вами. Затѣмъ прочелъ всю книжку. Удивило меня посѣщеніе Сперанскаго въ деревнѣ покойнымъ Александромъ Павловичемъ. Какъ же согласить съ нимъ холодный пріемъ Сперанскаго въ Петербургѣ? Предъ возвращеніемъ государя, кажется, изъ Лайбаха, въ Царскомъ Селѣ съѣхались вмѣстѣ Ермоловъ, Каподистрія, Закревскій, Сперанскій, еще кто то. Они обыкновенно прогуливались вмѣстѣ по саду въ извѣстномъ часу. Такъ продолжали они, когда и пріѣхалъ государь. На первыхъ же порахъ фрейлина Саблукова дала знать, съ половины императрицы Елисаветы Алексѣевны, что государю непріятны такія совокупныя прогулки, и онѣ прекратились. Это я слышалъ отъ Ермолова, а также и отъ Закревскаго. Еще—Александръ Павловичъ отозвался очень жестоко о Сперанскомъ, на указаніе его Карамзинымъ, провожавшимъ государя до заставы въ Царскомъ Селѣ. Вообще послѣднее пребываніе Сперанскаго въ Петербургѣ при Александрѣ

*) Въ Царскомъ Селѣ, 15 іюля 1873 года. *Н. Б.*

Павловичѣ не значило ничего. Или и здѣсь является грекъ византійскій (какимъ, воля ваша, онъ былъ на мои глаза въ нѣкоторыхъ случаяхъ при всемъ своемъ благодушіи) *).

Отъ Сперанскаго обращаюсь къ Карамзину, о которомъ началъ было писать, разбирая Пыпина, но долженъ былъ отвлечься вторымъ изданіемъ „Простой Рѣчи“ (получили ли вы ее, посланную чрезъ Барсукова?). Нѣтъ ли чего о немъ въ вашей драгоцѣнной „Записной Книжкѣ“? Сосситесь съ вашей почтенной памятью. Въ 1816 году вы ѣздили съ нимъ въ Петербургъ изъ Москвы и пробыли тамъ шесть недѣль (великій постъ его) вмѣстѣ. Припомните всѣ подробности и напишите. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ могъ украсить и подтвердить ими мою филиппику или Пыпину! Ахъ, какъ для меня отвратительны эти господа, а они владѣютъ главными каланчами и кричатъ на всю Россію. Грустно, грустно!

Опять о Сперанскомъ. Вы говорите, что онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ. По моему — до 1812 года онъ былъ государственный человѣкъ — теоретикъ, что впрочемъ въ этомъ отношеніи немного отдѣляется отъ вашего воззрѣнія. Нѣкоторыя мѣры однакожъ по устройству духовныхъ училищъ, по учебной части, по финансамъ, оказали благое дѣйствіе и на практикѣ.

Въ 1812 г. весь его организмъ былъ пораженъ, надломленъ, парализованъ. Съ креселъ царскаго кабинета промчаться на ямской тройкѣ съ полицейскимъ чиновникомъ. Слышать подъ своими окнами крики: измѣнникъ, встрѣтить въ соборѣ грозные взгляды обличающаго архіерея **), помаяться столько времени въ Нижнемъ и Перми, — чувствуя себя невиннымъ (невинность его по извѣстнымъ обвиненіямъ очевидна въ пермскомъ письмѣ), воля ваша, мудрено не ослабнуть, и въ Сибири я вижу уже другого Сперанскаго. Потому, напуганный, являлся онъ къ Карамзину, уже завернувшійся въ себя, какъ улитка.

И Петръ былъ сначала, на первыхъ взмахахъ, теоретикъ, но потомъ съ теоріей, то-есть, предвзятой мыслію о преобразованіи,

---

*) Можетъ быть, нѣкоторыя дѣйствія этого рода объясняются ихъ особою оптикою.

**) Преосвященнымъ Нижегородскимъ былъ въ то время Моисей. Ему принадлежитъ слово о *Патріотизмѣ*. М. 1807.

соединилась и чудесная практика.—(Я теперь занимаюсь имъ, но псари не даютъ средствъ, обѣщанныхъ почти, заявленныхъ Царемъ); Что это была за натура Петрова, кажется, единственная въ исторіи! Объяснять его должна бы много физіологія. Въ нѣкоторыя минуты онъ страшенъ.

Перебѣгаю отъ предмета къ предмету.

Почему бы, казалось, не употребить было Сперанскаго по возвращеніи? Точно такъ при Николаѣ Павловичѣ не употребленъ былъ 20 лѣтъ, что я говорю—чуть ли не сорокъ лѣтъ, Ермоловъ! Вотъ это былъ государственный человѣкъ, самородокъ русскій. А какія мелочи входили въ кругъ его соображеній!

Вы замолвили доброе слово за Магницкаго. Спасибо вамъ. Магницкій, безъ сомнѣнія, надѣлалъ много дурнаго, и, можетъ быть, долженъ быть осужденъ строго, но степень этой строгости можно опредѣлить только по тщательномъ спокойномъ изслѣдованіи, котораго еще не было.

Передъ смертію его Стурдза прислалъ мнѣ двѣ его думы: „Мірозданіе“. Въ нихъ много и мыслей, и поэзіи. Одна напечатана въ *Москвитянинѣ*, а другая въ *Утрѣ*.

Насмѣялся я примѣчанію Бартенева объ артеляхъ, которымъ сочувствовалъ Лагарпъ. Ну какъ онѣ пришли ему въ голову!

Кланяюсь княгинѣ.

Преданный М. Погодинъ.

Прошу замѣтокъ о Карамзинѣ и суда надъ „Рѣчью“.

77.

Апрѣля 20, с. с., 1874.

Какой же вы могучій, свѣжій и юный, дорогой нашъ князь Петръ Андреевичъ!

Сейчасъ только прочелъ ваши стихи въ „Складчинѣ“. Рѣдкій праздникъ въ наше глухо-нѣмое время! Да когда же начнется изданіе полнаго собранія вашихъ сочиненій? Лонгиновъ, вѣрно, будетъ радъ приложить все стараніе. Бартеневъ на подмогу. А тамъ еще Барсуковъ. Непремѣнно надо приступить и поскорѣе.

Мертвенна наша Академія: ей бы надо было выразить громогласно общее требованіе *).

Объ Екатерининскомъ Словѣ Карамзина еще не прочелъ. Но радъ былъ встрѣтиться мыслію съ вами: я подавалъ въ Думу торжественное заявленіе, чтобъ прочесть отрывки изъ „Слова“ 24 ноября послѣ панихиды, объясняя, что ничего лучше сказать мы не можемъ но апатія не согласилась, и я, чтобъ не молча разошлось собраніе, сказалъ пять словъ предъ портретомъ.

Жду письма отъ васъ и не дождусь.

За „Простую Рѣчь“ свою получаю безпрестанно отъ простыхъ людей со всѣхъ концовъ живѣйшія благодарности и утѣшаюсь.

Хотѣлось писать о многомъ, но все перезабылъ, разбитый домашней скорбію.

Храни васъ Богъ!

Преданный М. Погодинъ.

Мая 13.

Написавъ письмо, долженъ былъ съѣздить въ деревню.— Вчера воротился, и все-таки ничего не нашелъ отъ васъ. Недоумѣваю и огорчаюсь.

Съ вами живетъ, слышалъ я, г. Чаплинъ. Прошу его покорнѣйше написать мнѣ имя г-жи Чаплиной, дочери Великопольскаго и внуки Мудрова, вмѣстѣ съ ея адресомъ.

Началъ писать о Пыпинѣ и Бѣлинскомъ, по поводу главы перваго о Карамзинѣ, но такъ увлекся, что написалъ много, а конца еще не видать.

---

*) Въ настоящее время это общее и давнее желаніе исполнено графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Шереметевымъ. Имъ издано двѣнадцать томовъ *Полнаго Собранія Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* (С.-Петербургъ. 1878—1896). *Н. Б.*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) „Уранія, карманная книжка на 1826 годъ для любительницъ и любителей Русской Словесности Изданная М. Погодинымъ. Москва. Въ типографіи Селивановскаго".

2) Послѣ смерти Пушкина, *Современникъ* началъ издаваться въ пользу его семейства. Друзья покойнаго: В. А. Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ѳ. Одоевскій, П. А. Плетневъ приняли на себя завѣдываніе изданіемъ; къ нимъ примкнулъ и А. А. Краевскій.

3) См. ниже, примѣчаніе 16-е.

4) Гусевъ, одинъ изъ университетскихъ товарищей Погодина; онъ, между прочимъ, совѣтовалъ послѣднему продолжать „Исторію Государства Россійскаго" *Карамзина*; въ одномъ изъ своихъ писемъ (1828 г.) онъ писалъ Погодину: „Что молчитъ вашъ Вяземскій? Не приготовляетъ ли чего-либо важнаго для нашей литературы?" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1889. II, стр. 259).

5) *Старина и Новизна* подъ такимъ заглавіемъ князь Вяземскій предполагалъ издавать историко-литературный сборникъ, который Пушкинъ совѣтовалъ назвать *Старина и Новина*, а не *Новизна*; но И. И. Дмитріевъ стоялъ за *Новизну*, „какъ слово, освященное уже давностями, и вѣроятно академическимъ Словаремъ", а *Новиною*, писалъ онъ, „сколько помню я, наши низовыя только старухи называли новые холсты, льняные и посконные" (*Старина и Новизна*. С.-Пб. 1898. II, стр. 195—196, 259, 261).

6) „Какъ въ основаніи *Московскаго Вѣстника*", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „принималъ непосредственное участіе Пушкинъ, такъ *Москвитянинъ* обязанъ почти своимъ существованіемъ Жуковскому. 2 ноября 1837 года, въ Москвѣ, на обѣдѣ у князя Д. В. Голицына рѣшено было изданіе; но выходить онъ началъ только съ 1841 года (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. V, стр. 108—112).

7) Въ 1841 году вышло въ свѣтъ сочиненіе Д. П. Бутурлина, подъ заглавіемъ „Исторія смутнаго времени въ началѣ XVII вѣка“. Погодинъ написалъ на нее критику, на которую въ свою очередь Бутурлинъ написалъ *Замѣчанія*, и между ними возгорѣлась полемика, въ которой примирительное участіе принималъ князь П. А. Вяземскій. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. VI, стр. 119—122).

8) Въ первый день новаго 1841 года вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ *Москвитянина*. Въ Петербургѣ Погодинъ былъ обрадованъ успѣхомъ перваго нумера и объ этомъ писалъ Шевыреву: „Такой эффектъ произведенъ въ высшемъ кругу, что чудо; всѣ въ восхищеніи и читаютъ нанерерывъ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. VI, стр. 5—28).

9) „Русскіе Проселки“ впервыя напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1842 (№ 2. Изящная Словесность, стр. 347—349).

Послѣ стиха: „Родъ человѣческій всегда ѣзжалъ въ дормёзахъ“ два стиха были пропущены и замѣнены точками. Послѣ пропущенныхъ идетъ стихъ: „Счастливцы (какъ бы къ вамъ завербоваться въ акту?)“; въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго* (С.-Пб. 1880. IV, стр. 256) эти два стиха возстановлены:

И что, пожалуй, нашъ родоначальникъ самъ
Не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный Макъ-Адамъ.

10) Попечителемъ Московскаго учебнаго округа съ 24 января 1803 по 1807 годъ, былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, впослѣдствіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія. 26 іюля 1854 года Шевыревъ писалъ Погодину: „Въ воздаяніе мы напечатаемъ біографію Муравьева въ 1-й книжкѣ *Москвитянина* со включеніемъ всѣхъ писемъ профессорскихъ, въ урокъ всѣмъ попечителямъ, какъ надобно вести себя съ профессорами...“

11) Министромъ народнаго просвѣщенія съ 21 марта 1833 года по 27 января 1850 былъ Сергій Семеновичъ (впослѣдствіи графъ) Уваровъ.

12) Счастливый случай доставилъ Погодину рукописную книгу, заключавшую въ себѣ сочиненіе извѣстнаго Посошкова, крестьянина, жившаго въ царствованіе Петра Великаго, *О скудости и о богатствѣ, сіе есть изъясненіе, отчего приключается скудость, и отъ чего гобзовитое богатство умножается*. Эта драгоцѣнная рукопись досталась Погодину въ числѣ прочихъ, купленныхъ Т. Ѳ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ въ 1840 году послѣ покойнаго Лаптева. По свидѣтельству Погодина, драгоцѣнное открытіе его „встрѣчено было сомнѣніями, отрицаніями и насмѣшками. Самое существованіе Посошкова было заподозрѣно“. Враги Погодина, завидуя его открытію и вслѣдствіе „старой

литературной вражды", распустили слухъ, что Посошкова никогда не существовало и этотъ слухъ довели и до министра (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1892. VI, стр. 314—323).

13) Въ 1842 году Погодинъ, чтобы отдохнуть, освѣжиться и полѣчиться, задумалъ совершить заграничное путешествіе. Въ это время онъ посѣтилъ Австрію, Германію, Данію, Бельгію и Францію (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1893. VII, стр. 1—62).

14) Въ своей „Автобіографіи" князь П. А. Вяземскій повѣствуетъ: „Надъ Москвою въ 1831 году грянула холера... Появленіе холеры въ столицѣ застало меня въ подмосковной, въ селѣ Остафьевѣ. Часть семейства моего въ немъ жила... Для развлеченія моего пришла мнѣ счастливая мысль. Давно задумалъ я заняться біографіею Фонъ-Визина... Матеріаловъ подъ рукою было довольно. Вспомнилъ я о нихъ, принялся за работу, и она закипѣла. Подъ бокомъ у меня была библіотека обширная, иностранная и русская... Много историческихъ сочиненій перебралъ я по поводу Фонъ-Визина, прочиталъ я, или пробѣжалъ, почти всю старую русскую словесность, между прочимъ едва ли не всего Сумарокова. Прочиталъ я даже болѣе половины многотомнаго собранія *Россійскаго Ѳеатра*... Тредьяковскій и Фридерикъ Великій, въ своихъ историческихъ запискахъ, были мнѣ равно полезны... Никогда письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, какъ настоящая, на которую навела меня холера... Уже при послѣднихъ изліяніяхъ холеры навѣстилъ меня въ Остафьевѣ Пушкинъ. Разумѣется, не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написаннаго мною... Скромный работникъ, получилъ я отъ мастера-хозяина одобреніе, то-есть, лучшую награду за свой трудъ. Книга, написанная мною, долго пролежала у меня..." (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1878. I, стр. XLIX—LI). Книга подъ заглавіемъ: *Фонъ-Визинъ* вышла въ свѣтъ только въ 1848 году, тоже во время холеры.

15) 3 декабря 1845 года скончался въ Москвѣ А. И. Тургеневъ. На другой день послѣ похоронъ Тургенева въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья Погодина въ память объ Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1894. VIII, стр. 244—251).

16) Въ послѣдніе годы своей жизни И. И. Дмитріевъ часто говорилъ Погодину объ обязанности его написать похвальное слово Карамзину и взялъ даже съ него *честное слово* исполнить это. Погодинъ сдержалъ свое слово: написалъ „Похвальное Слово Карамзину" и произнесъ его въ Симбирскѣ, 23 августа 1845 года, при открытіи памятника исторіографу (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1892. V, стр. 117; 1894. VIII, стр. 180—224).

17) Погодину до того приходилось плохо отъ московской цензуры, что онъ обратился къ графу С. Г. Строганову съ слѣдующею просьбою: „Снова обращаюсь къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою убѣдить г. Флерова о принятіи цензуры. Разсудите безпристрастно. Листъ изъ типографіи Семена отнесется на Прѣсню и останется тамъ по крайней мѣрѣ день. Цензоръ исключитъ одно слово и отошлетъ листъ назадъ. Другой день. На третій день отнесется опять къ нему этотъ листъ и подпишется на четвертый! Если цензоръ поставитъ знакъ вопроса, за которымъ надо прійти ко мнѣ—еще три дня. И повѣрьте—что здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія. Каково же содѣйствіе литературѣ. Что я вытерпѣлъ и что терплю,—этому не будутъ вѣрить дѣти, не только внуки!.. По крайней мѣрѣ г. Флеровъ живетъ близъ типографіи и бываетъ чаще дома, нежели профессоръ, занятый службою, по крайней мѣрѣ онъ не задерживаетъ. Прошу убѣдительно ваше сіятельство, окажите хотя однажды ваше покровительство *Москвитянину*, который виноватъ предъ глазами нѣкоторыхъ судей своихъ, развѣ потому, что заключаетъ въ себѣ много русскаго духа, вѣруетъ въ Христа и любитъ отечество по примѣру предковъ, а не новыхъ воспитанниковъ Запада. Вотъ почему взводятъ на него напраслины, клевещутъ и стараются уничтожить; но истина возметъ свое рано или поздно“.

На это письмо графъ Строгановъ отвѣчалъ Погодину: „Честь имѣю извѣстить васъ, что цензоръ Флеровъ, желая воспользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ не заниматься цензурою *Москвитянина*, не согласился на мое предложеніе; онъ отзывается трудностію этой срочной работы, отъ которой онъ испортилъ глаза свои, и что при всемъ усердіи своемъ онъ не могъ удовлетворять требованіямъ издателей этого журнала“ (*Письмо* отъ 14 янв. 1846).

18) 26 октября 1846 года Погодинъ возвратился въ Москву изъ своего четвертаго путешествія по чужимъ краямъ. Въ то время князь П. А. Вяземскій служилъ вице-директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ.

19) Въ 1847 году Погодинъ, не сойдясь съ славянофилами, тѣмъ не менѣе рѣшился *не прерывать преданія добраго* и въ союзѣ съ Шевыревымъ положилъ продолжать *Москвитянинъ* въ обновленномъ видѣ и въ многомятежный 1848 годъ. Князь П. А. Вяземскій, получивъ программу обновляемаго *Москвитянина*, писалъ Плодину: „Сердечно радуюсь возрожденію *Москвитянина* въ первобытномъ видѣ... Этотъ журналъ полезенъ и нуженъ въ наше время. Должно противодѣйствовать пагубному направленію нынѣшней журналистики. Но для того нужно бодрствовать. Безсрочные журналы никуда не годятся. Русскіе читатели, какъ наши дѣды, знаютъ и любятъ свой *адмиральскій часъ*. Иной успѣетъ уже два раза напиться пьянъ брагою *Отече-*

ственныхъ Записокъ въ ожиданіи вашей православной настойки... Если имя можетъ вамъ пригодиться, то прошу выставить его въ числѣ сотрудниковъ. Это будетъ для меня и пріятно, и лестно". Съ своей стороны и Жуковскій писалъ Хомякову: „Вяземскій пишетъ ко мнѣ, что Шевыревъ подалъ могучую свою руку Погодину. Я этому радуюсь: *Москвитянинъ* всегда былъ честнымъ журналомъ. Теперь онъ будетъ и блистателенъ, и привлекательнѣе прежняго" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1895. IX, стр. 360—361).

20) *П. М. Карамзинъ* (Письма къ редактору *С. Петербургскихъ Вѣдомостей* и къ редактору *Московскаго Городскаго Листка* (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1897. II, стр. 300—303).

21) Надо полагать, что это письмо писано въ 1849 году, предъ отправленіемъ князя П. А. Вяземскаго въ путешествіе на Востокъ.

22) Въ концѣ 1850 года князь П. А. Вяземскій возвратился въ отечество изъ своего путешествія по Востоку. Въ Москвѣ, 21 октября 1850 года, состоялся обѣдъ въ залахъ Училища живописи и ваянія въ честь нашего путешественника (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1897. XI, стр. 151—167).

Въ Остафьевскомъ архивѣ сохранился автографъ нижеслѣдующей рѣчи С. П. Шевырева, произнесенной на этомъ обѣдѣ:

„Мысль и чувство невольно просятся въ слово, при видѣ такого прекраснаго пиршества. Позвольте мнѣ, М. М. Г. Г., отвлечь вниманіе ваше отъ живой, разрозненной бесѣды и сосредоточить его еще разъ на виновникѣ нашего собранія.

Русское смиреніе ваше, князь Петръ Андреевичъ, только увеличиваетъ ваши достоинства, но позвольте же тѣмъ, которые изучаютъ исторію русской словесности, не щадя вашей скромности, выразить, какъ понимаютъ они значеніе ваше литературное въ настоящую минуту нашей жизни.

Въ эту эпоху, когда разрывъ ума и сердца довелъ человѣка до самыхъ тяжкихъ страданій, и такими сильными вздохами отзывается онъ въ лучшихъ твореніяхъ современнаго слова, намъ пріятно радушнымъ привѣтомъ встрѣтить русскаго писателя, который, въ жизни, какъ и въ словѣ, умѣлъ согласовать умъ и сердце. Въ то время, когда литература запуталась въ общественныхъ отношеніяхъ, намъ пріятно отдать справедливость тому, кто всегда благоразумно признавалъ эти отношенія и постигалъ, что словесность должна быть столько же живымъ отголоскомъ общества, сколько и разумнымъ его руководителемъ. Въ это время, когда мыслящіе люди, въ произведеніяхъ современныхъ, нерѣдко съ благороднымъ сокрушеніемъ видятъ жалкую ссору писателя съ человѣкомъ, намъ пріятно поднять кубокъ въ честь того, въ комъ

мы привыкли чтить и любить писателя съ человѣкомъ вмѣстѣ. Наконецъ, въ этомъ кипѣніи текущей жизни, гдѣ поколѣнія бѣгутъ черезъ поколѣнія какъ волны черезъ волны, по праву слѣдуетъ выразить сочувствіе тому, кто простиралъ его дружелюбно на всѣ поколѣнія, начиная отъ старшихъ до самыхъ младшихъ.

„Въ вашемъ „Фонъ-Визинѣ“ вы простерли это сочувствіе на самыхъ древнихъ поэтовъ нашихъ, на этихъ бардовъ Русскаго народа, какъ вы ихъ назвали. Но особенное вниманіе и трудъ посвятили вы изученію того писателя, на дѣятельности котораго, ярче чѣмъ на другихъ, обозначилась любимая мысль ваша—связь русской жизни съ русскимъ словомъ, на Фонъ-Визинѣ, который своею прозою предсказалъ Карамзина. Вы были біографомъ Озерова и Дмитріева. Судьба доставила вамъ счастливый случай—родство съ Карамзинымъ, но васъ соединяло съ нимъ еще болѣе родство духовное нежели кровное. Вамъ досталось быть дружкою и пропѣть счастливую пѣсню на золотой свадьбѣ съ Музою у дѣдушки Крылова. Ваше теплое слово участвовало въ сооруженіи ему памятника.

„Простирая сочувствіе на другихъ, вы сами въ замѣну были предметомъ сочувствія вашихъ современниковъ, старшихъ и младшихъ. Пріятно мнѣ ихъ же словами высказать вамъ его теперь. Вы съ грустью помните, какъ Батюшковъ, заживо умершій, въ порѣ своей и вашей молодости, васъ призывалъ „вѣнчать друзей цвѣтами“. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ вашего литературнаго поприща, вы были другомъ и братомъ названнымъ Жуковскому, по его же слову. Васъ видимъ мы въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ Пушкина, какъ, и на свѣтскомъ балѣ, вы успѣли занять душу его прекрасной Тани. Вамъ посвятилъ свои „Сумерки“ Баратынскій. Васъ искалъ онъ, когда душа его, изъ тѣснаго міра жизни стремилась въ міръ высшій; къ вамъ простиралъ онъ эти слова:

Вы, озарявшіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня.

„Вамъ посылалъ русское *спасибо* болѣзненный страдалецъ Языковъ, когда, на дальней сторонѣ,

Его тоску вы разогнали,
Вы утѣшительно заботились о немъ.

„Живо было всегда сочувствіе къ вамъ въ томъ поколѣніи, которому принадлежу я. Молчу о присутствующихъ: они здѣсь сами лично вамъ его выражаютъ.

„Но какой же былъ источникъ этому сочувствію? Гдѣ оправданіе настоящей минуты? Въ томъ, что чисто поняли вы славу, когда благо-

родный лучъ ея коснулся вашего юнаго сердца и призвалъ васъ на служеніе русскому слову. Скажу вамъ тоже вашими же словами:

И не вотще она вамъ голосъ подала,
Она вдохнула вамъ свободную отвагу,
Святую ненависть къ безчестному зажгла
И чистую любовь къ изящному и благу.

„Что же касается до тѣхъ чувствъ дружбы, которыя связывали васъ съ лучшими нашими поэтами, которыя участвуютъ такъ много въ этомъ пиру, которымъ обязаны мы и этимъ новымъ общественнымъ явленіемъ, что и дамы украшаютъ подобное собраніе, то разгадка ихъ силы и прочности въ вашемъ же словѣ, которое вы умѣли жизнію обратить въ дѣло. Имъ заключу я мое слово. Вы сказали:

Что чувство брошенное скрытно
Залогомъ жизни въ нашу грудь,
Всегда одно и первобытно:
Чѣмъ было, тѣмъ оно и будь".

23) Еще 16 декабря 1849 года М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину, изъ своего Богородскаго: „Вздумалъ написать *Воспоминанія о князѣ П. М. Долгорукомъ и взглядъ на его сочиненія*. Это мнѣ доставляло удовольствіе, потому что, писавши о немъ, я вновь съ этимъ старикомъ пережилъ мою молодость; а между тѣмъ это такой оригинальный характеръ! Но для жизнеописанія здѣсь нѣтъ подъ руками никакихъ пособій (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1896. X, стр. 300—301).

24) Воспоминанія о Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ, написанныя въ 1848 году, напечатаны въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1879. II, стр. 380—394.

25) Письмо князя П. А. Вяземскаго къ М. П. Погодину о найденныхъ статьяхъ Батюшкова: *Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій* и *Воспоминаніе о Петринѣ* (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1879. II, стр. 413—417). Какъ письмо князя Вяземскаго, такъ и статьи Батюшкова произвели освѣжающее впечатлѣніе. На вечерѣ у Погодина А. С. Хомяковъ прочелъ письмо князя Вяземскаго къ редактору *Москвитянина*. За письмомъ послѣдовало чтеніе самихъ статей Батюшкова, въ которыхъ именно услышался, какъ замѣтилъ князь Вяземскій, языкъ другой, нынѣ умолкнувшій, другой порядокъ мыслей, другой взглядъ на вещи. „Обломки работъ Батюшкова драгоцѣнность", писалъ В. Н. Лешковъ къ Погодину (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1897. XI, стр. 342—343).

26) Въ концѣ 1851 года князь П. А. Вяземскій по болѣзни уѣхалъ за границу, гдѣ прожилъ до іюня 1855 года.

27) Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій съ 19 декабря 1850 по 13 сентября 1852 года состоялъ младшимъ секретаремъ миссіи въ Гагѣ; до 20 іюля 1856 года старшимъ секретаремъ миссіи въ Карлсруэ; а съ 20 іюля 1856 года старшимъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ. 28 августа 1856 года князь А. М. Горчаковъ писалъ къ А. С. Норову: „Князь Павелъ Вяземскій произведенъ въ надворные совѣтники 17 апрѣля 1855 года. Если при перемѣщеніи его въ вѣдомство ваше вы удостоитесь Всемилостивѣйшаго Соизволенія Государя Императора къ производству князя Вяземскаго въ слѣдующій чинъ, то это не только мнѣ будетъ весьма пріятно, но я вполнѣ увѣренъ, что предметомъ этой милости царской будетъ весьма достойный чиновникъ въ прошедшемъ и хорошій слуга для будущаго".

28) Гоголь скончался въ Москвѣ, 21 февраля 1852 года.

29) Въ концѣ января 1852 года Погодинъ получилъ предписаніе президента Академіи Наукъ отправиться въ Суздаль для принятія участія въ занятіяхъ временной коммиссіи по освидѣтельствованію открытой на дворѣ Суздальскаго Спасо-Евѳиміевскаго монастыря гробницы, въ которой, по соображеніямъ графа А. С. Уварова, покоится прахъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1898. XII, стр. 44).

30) Посылаемыя Погодинымъ „страницы облитыя слезами" есть его статья о кончинѣ Гоголя, которая едва не причинила ея автору большихъ непріятностей. Дѣло въ томъ, что на статью эту обрушился Булгаринъ и въ своей *Пчелѣ* поставилъ на видъ то, что Погодинъ свою статью окаймилъ траурнымъ бордюромъ. Когда же до Погодина дошелъ слухъ объ арестѣ Тургенева за статью о Гоголѣ, то онъ подъ 19 апрѣля 1852 года записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Слухъ, что Тургеневу не велѣно жить въ столицахъ! Неужели это правда? Думалъ о своей статейкѣ" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1898. XII, стр. 2—7).

31) Во время долговременнаго своего пребыванія въ Константинополѣ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій погрузился тамъ въ изученіе драгоцѣннѣйшаго памятника нашей классической древности, *Слова о полку Игоревѣ*, за которымъ признавалъ онъ всемірное значеніе. Когда изслѣдованіе это было напечатано, отецъ автора писалъ Погодину изъ Парижа (19 марта 1852): „Въ письмѣ моемъ къ Гоголю просилъ я его узнать отъ васъ и Шевырева мнѣніе ваше о работѣ сына моего надъ пѣснью о *полку Игоревѣ*, не зная какъ оцѣнена она въ Россіи свѣдущими людьми, онъ неохотно продолжаетъ работу свою. Придайте ему бодрости, но, впрочемъ, скажите искренно мнѣніе свое". (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1898. XII, стр. 79—80).

32) Въ своей *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 21 апрѣля 1853 года,

князь П. А. Вяземскій отмѣтилъ: „Писалъ Булгакову съ письмомъ Погодину о Ломоносовѣ"; а подъ 21 іюля того же 1853 года отмѣчено: „20-го отправился я съ Видертомъ, въ 7-мъ утра, въ Фрейбургъ за отысканіемъ слѣдовъ Ломоносова. Но и эта моя Франклинская экспедиція, кажется, останется безуспѣшною. Ледяныя горы нѣмецкой флегмы загородили путь къ желаемой цѣли, хотя и обѣщали мнѣ порыться еще въ старыхъ бумагахъ профессора Генкеля, на котораго указалъ мнѣ Погодинъ. Странно, что имя Виноградова, товарища Ломоносова, осталось въ памяти, а слѣды Ломоносова совершенно простыли. Вотъ тебѣ и слава!" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1886. X, 4, стр. 63—69).

33) Передъ самою Восточною войною Погодинъ предпринялъ свое пятое путешествіе по Западной Европѣ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1898. XII, стр. 475—523).

34) Исцѣлившись отъ тяжкой болѣзни, князь П. А. Вяземскій зиму 1853 года проживалъ въ Дрезденѣ. Актомъ исцѣленія его было чудное произведеніе его „Масленица на чужой сторонѣ", произведшее въ Россіи такое ободряющее и освѣжающее впечатлѣніе:

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи... и проч.

(*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1898. XII, стр. 259—260).

35) Страсть къ собиранію не оставила Погодина и по продажѣ своего Древлехранилища. Теперь ему вздумалось составить въ своемъ домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, портретную галлерею русскихъ писателей, и онъ объявляетъ въ *Москвитянинѣ*: „Желая собрать портреты въ подлинникахъ, или хорошихъ копіяхъ, всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей, свѣтскихъ и духовныхъ, я прошу покорнѣйше всѣхъ, кто можетъ, сообщить мнѣ о нихъ свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что я буду радъ пріобрѣсть портреты въ свою собственность, а въ случаѣ невозможности, буду очень благодаренъ и за позволеніе снять копію". Прочитавъ это объявленіе, А. В. Никитенко записалъ, подъ 27 октября 1854 года, въ своемъ *Дневникѣ*: „Погодинъ нынѣ занимается собираніемъ портретовъ русскихъ писателей. Не хочетъ ли онъ потомъ и эту коллекцію продать такъ же выгодно, какъ свое Древлехранилище?" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1898. XII, стр. 415—418).

36) 22 іюля 1855 года министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ вошелъ къ государю съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ; „Въ Бозѣ почивающему Государю Императору Николаю Павловичу благоугодно было Всемилостивѣйше разрѣшить мнѣ войти

съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о назначеніи товарища министра народнаго просвѣщенія, когда представится лицо, достойное занять это мѣсто. Пріемлю смѣлость нынѣ всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о Всемилостивѣйшемъ назначеніи исправляющимъ эту должность находящагося при Высочайшемъ Дворѣ камергера, члена министерства финансовъ и академика дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Вяземскаго. Зная его съ давнихъ лѣтъ и убѣжденный въ его высокихъ душевныхъ достоинствахъ и основательномъ просвѣщеніи, я смѣю надѣяться, Всемилостивѣйшій Государь, что онъ достойно будетъ нести таковое званіе, буде воспослѣдуетъ на то Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе".

Въ тотъ же день государь, въ Петергофѣ, начерталъ карандашемъ: *Согласенъ* (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1900. XIV, стр. 145—146).

37) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, вынужденъ былъ провести въ чужихъ краяхъ 1853, 1854 и 1855 годы,—годы, записанные кровавыми буквами на скрижаляхъ русской исторіи. „Сердце его ныло, душа возмущалась". Онъ писалъ тогда:

Тоска неодолимой силой
Уноситъ насъ изъ здѣшнихъ мѣстъ
Въ священный край Россіи милой,
Гдѣ братьямъ посланъ тяжкій крестъ.
Тамъ грозно свирѣпѣетъ битва,
Тамъ льется намъ родная кровь!
Тамъ наши слезы и молитвы,
Скорбь, упованье и любовь!..

На чужбинѣ писалъ онъ свои знаменитыя *Письма Русскаго Ветерана 1812 года о Восточномъ Вопросѣ* (*Бевейская Рябина.* С.-Пб. 1892, стр. 3). Письма эти были изданы княземъ Вяземскимъ на французскомъ языкѣ, въ 1855 году, въ Лозаннѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Lettres d'un Véteran Russe de l'année 1812 sur la question d'Orient publiées par P. d'Ostafievo.* Въ 1881 году графъ С. Д. Шереметевъ сдѣлалъ второе изданіе этой книги, и она съ переводомъ П. И. Бартенева составила томъ VI-й *Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго.*

38) Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 года, издаваемомъ Погодинымъ, печатались *Замѣчанія* „трудолюбиваго регистратора русской исторіи", какъ самъ Погодинъ называлъ Арцыбашева, на „Исторію Государства Россійскаго" Карамзина. Грубый тонъ этихъ *Замѣчаній* и явное стремленіе подорвать довѣріе къ Карамзину, вызвало благородное негодо-

ваніе и къ критику, и къ издателю его. Негодованіе свое князь П. А. Вяземскій излилъ въ громоносной сатирѣ подъ заглавіемъ *Быль*:

Былъ древній храмъ готическаго зданья,
Обитель совъ, унынья и молчанья, и проч.

„Погодинъ", писалъ И. В. Кирѣевскій къ С. А. Соболевскому,— „теперь весьма несчастливъ. Чортъ дернулъ его напечатать критику Арцыбашева на Карамзина въ своемъ журналѣ. и это сдѣлало ему заклятыхъ враговъ изъ всѣхъ друзей Карамзина. Его бранятъ, дѣлаютъ ему всякого рода непріятности, а онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, потому что самъ несогласенъ съ Арцыбашевымъ; а зачѣмъ напечаталъ? Самъ чортъ не разберетъ".

„Ты спрашиваешь меня", писалъ Погодину В. П. Титовъ,—„о дѣйствіи твоихъ выходокъ на Карамзина въ Петербургѣ. Отвѣчаю: одни ихъ называютъ ложными и дерзкими, другіе справедливыми. но опрометчивыми, всѣ—полными безвкусія" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1889. II, стр. 234—264).

39) Эта примѣчательная басня И. И. Дмитріева носитъ слѣдующее заглавіе: *Царь и два пастуха*:

Чувствительный монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ;
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся;
Лишь бѣдный мечется пастухъ:
. . . . . .
А между тѣмъ ужь волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный пастухъ рветъ волосы, реветъ.
. . . . . .

Царь подходитъ къ другому стаду:

Какую разницу монархъ увидѣлъ тутъ!
. . . . . .
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ...
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Толпятся къ маткинымъ питательнымъ сосцамъ;
А пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
„Не сдобровать, овечки, вамъ!
Царь мыслитъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,

И пастуху свирѣль худая оборона".
А волкъ и подлинно, откуда ни возмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
. . . . . .
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало.
„Возможно-ль? онъ вскричалъ: здѣсь множество волковъ,
А ты одинъ... умѣлъ беречь большое стадо!"
„Царь! отвѣчалъ пастухъ, тутъ хитрости не надо:
Я выбралъ *добрыхъ* псовъ".

(*Стихотворенія И. И. Дмитріева.* С.-Пб. 1823. II, стр. 146—148).

40) Въ 1855 году, Погодинъ писалъ князю В. А. Долгорукову, между прочимъ, слѣдующее: „Люди на военную службу нужны — солдаты и офицеры, а у насъ есть цѣлое сословіе, которое не знаетъ, что дѣлать съ избыткомъ своихъ членовъ — я говорю о сословіи *духовномъ*. Не одинъ полкъ можно составить изъ монастырскихъ здоровыхъ послушниковъ! Очень знаю, что правительство не хотѣло прежде прибѣгать къ этой мѣрѣ, опасаясь ропота, но нынѣ обстоятельства новыя; и если государь посылаетъ подъ ядра трехъ своихъ братьевъ, то у сельскаго дьячка можно безъ зазрѣнія совѣсти спросить на службу лишняго сына, котораго и кормить ему нечѣмъ. Число мѣстъ по духовному вѣдомству уменьшилось, а сословіе расплодилось, къ ущербу своего благосостоянія и нравственности. Открыть ему пути для поступленія въ военную службу, сокративъ ея сроки, предоставивъ нѣкоторыя преимущества, обѣщавъ землю для поселенія по ея окончаніи,—и духовество должно принять такую мѣру за благодѣяніе, а не за притѣсненіе. Но надо повести дѣло *умѣючи*" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1900. XIV, стр. 101, 103—104). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что монастырскіе послушники не принадлежатъ исключительно къ духовному сословію.

41) Въ 1854 году, въ Баденъ-Баденѣ, князь П. А. Вяземскій встрѣтился съ сыномъ М. С. Щепкина и записалъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 3 и 7 августа: „Былъ у профессора Щепкина (сынъ актера). Судя по слухамъ, я нашелъ его, относительно къ здоровью, въ лучшемъ положеніи, нежели полагалъ. Встрѣтилъ у него баронессу Шепингъ... Былъ у Щепкина. Онъ занимается большимъ твореніемъ объ объясненіи всѣхъ нашихъ древностей, миѳическихъ, общежитныхъ, пѣсней, сказокъ, поговорокъ. Боится, что смерть не дастъ ему кончить" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1886. X, стр. 137).

42) По возвращеніи въ Царское Село, въ концѣ 1855 года, государь былъ обрадованъ донесеніемъ Н. Н. Муравьева: „Божіею милостію и благословеніемъ вашимъ совершилось наше дѣло. Карсъ у ногъ вашего величества“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1900. XIV, стр. 143—144).

43) 4 октября 1855 года скончался въ Москвѣ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1900. XIV, стр. 182—198).

44) Членъ Археографической комиссіи Михаилъ Андреевичъ Коркуновъ, который о князѣ Вяземскомъ писалъ Погодину слѣдующее: „Я уважаю его какъ человѣка, какъ писателя, и какъ товарища министра даже“.

45) Внукъ Карамзина, знавшій съ дѣтства графа М. А. Клейнмихеля и привыкшій уважать его по преданіямъ своей благородной семьи; князь В. П. Мещерскій свидѣтельствуетъ: „Новая эпоха либеральныхъ вѣяній признала себя въ правѣ загрязнить память и имя графа Клейнмихеля на столько, что вездѣ утвердилась легенда о подкупности графа Клейнмихеля, и Клейнмихельскіе люди, Клейнмихельское время стали какими-то запятнанными... Это одна изъ гнуснѣйшихъ клеветъ того времени... Эти либеральныя вѣянія искали олицетвореніе немилаго имъ Николаевскаго времени въ какихъ-нибудь образахъ, для удовлетворенія хулою на нихъ своей антипатіи въ минувшей славной эпохѣ Россіи, и обрѣло для этого графа Клейнмихеля, какъ одного изъ любимыхъ и вліятельныхъ сотрудниковъ императора Николая I-го“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1900. XIV, стр. 124—128).

46) Семенъ Егоровичъ Раичъ скончался 26 октября 1855 года.

47) 27 ноября 1855 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Покорнѣйше прошу принять благосклонно вручителя этихъ строкъ, протоіерея изъ Ельца отца Луку Ефремова. Онъ благочестивый пастырь и *добрый* стихотворецъ, — что доказывается тѣмъ, что сочиненныя и изданныя имъ басни продаетъ онъ въ пользу пріюта, который основалъ въ своемъ городѣ. Окажите ему, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, содѣйствіе и помощь въ распродажѣ экземпляровъ, предназначенныхъ для такой благородной и человѣколюбивой цѣли“.

48) 27 ноября 1855 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Я имѣлъ случай говорить императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о напечатанномъ нѣсколько лѣтъ тому журналѣ графа Ростопчина, когда онъ былъ въ Берлинѣ. Она изъявила желаніе прочесть его, но я не нахожу у себя этихъ книжекъ (*Москвитянина*). Не можете ли выдѣлить журнала Ростопчина и прислать мнѣ для представленія ея величеству отъ имени вашего“.

49) Утѣшая Погодина, князь П. А. Вяземскій, 31 января 1856 года,

писалъ ему: „Не унывайте, не налагайте на себя заклятія: гдѣ клятва, тамъ и преступленіе. Пишите, выливайте на бумагу желчь свою, надежды свои, планы смѣты. Не намъ, такъ дѣтямъ пригодится".

50) „Съ нетерпѣніемъ ожидаю", писалъ князь П. А. Вяземскій, 31 января 1856 года,—„Записку о мирѣ". Не надѣюсь, что она принята будетъ въ соображеніе, или какъ говорится нынѣ, въ уваженіе, на Парижскихъ конференціяхъ, но все равно. *Еже писахъ, писахъ.* Вѣроятно, и „Записка" инспекторская примется пока къ свѣдѣнію. Впрочемъ, это не главная предлежащая реформа. Будь инспекторъ человѣкъ порядочный и образованный, не бѣда если онъ и военный. А что касается до юношества, не худо пріучать его къ опрятности и къ наружному порядку. Неряшество внѣ отзывается и на неряшество внутри. Къ тому же никакой инспекторъ не можетъ помѣшать профессорамъ развивать и направлять способности студентовъ, и всякій инспекторъ, будь онъ и разъ-профессоръ, по экзекуторскимъ и фельдфебельскимъ обязанностямъ своимъ, будетъ неминуемо и всегда, какъ вы сами замѣчаете, въ *безпрерывныхъ сношеніяхъ* съ попечителемъ, а *вредить профессорамъ* будетъ онъ тѣмъ болѣе и охотнѣе, что онъ самъ профессоръ. Если уже возвращаться къ прежнему порядку, то по моему, начать съ того, чтобы цензорское званіе возвратить профессорамъ. Это гораздо важнѣе, и по силамъ моимъ буду всегда поддерживать это правило и содѣйствовать ему по возможности".

51) 31 января 1856 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Богъ вамъ въ помочь на историческіе труды. Углубившись въ минувшее, вы благую часть избрали".

52) Очевидно, что къ числу стихотвореній, противъ которыхъ возстали въ Москвѣ, принадлежатъ „Шесть стихотвореній князя Вяземскаго", изданныя въ С.-Петербургѣ въ 1855 году. Но князя П. А. Вяземскаго это не смутило, и 31 января 1856 года онъ писалъ Погодину: „Если мои московскіе *жестокіе нападатели* бранятъ меня за риѳмы и стихосложеніе моихъ послѣднихъ стихотвореній, то отдаю имъ мою повинную голову. Если обвиняютъ они меня за *чувство*, то я о нихъ жалѣю. Рабъ и похвалить не можетъ А я хочу хвалить, именно потому, что я не рабъ,—что я чувствую и знаю, что я не рабъ. Опасаться же прослыть рабомъ въ глазахъ щекотливыхъ судей и жертвовать этому опасенію сочувствіями своими, вотъ это было бы совершенно холопски. И въ самой щекотливости этой, признаюсь, нахожу что-то холопское. Во всякомъ случаѣ, утѣшаюсь тѣмъ, что имѣю на сторонѣ своей Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, которые тоже не стыдились сочувствій своихъ. Многое можно было бы еще къ тому досказать, но времени нѣтъ, да и пользы нѣтъ".

Эти „Шесть стихотвореній": 1) „Мы въ сторонѣ чужой, но сердце

наше дома"; 2) „При ней намъ вѣетъ на чужбинѣ"; 3) „6 декабря"; 4) „Плачъ и утѣшеніе"; 5) „Императоръ умираетъ"; 6) „О матери его", посвященныя императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, вошли въ *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1887. XI, стр. 143—144, 159—163, 200—211.

53) См. Примѣчаніе 50-е.

54) Хомяковъ, очевидно, повредилъ себѣ поѣздкою въ Петербургъ и тамъ образомъ своего дѣйствія. Онъ явился, напримѣръ, на вечеръ къ министру народнаго просвѣщенія въ армякѣ, безъ галстука, въ красной рубашкѣ съ косымъ воротникомъ и съ шапкой подъ мышкой (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1900. XIV, стр. 325—328).

55) Въ ноябрѣ 1855 года князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Поздравляю васъ съ президентомъ Академіи графомъ Блудовымъ. Можете сказать—намъ Богъ въ помощь". Въ засѣданіи Академіи, 23 декабря 1855 года, графъ Блудовъ произнесъ академикамъ вступительное слово (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1900. XIV, стр. 163—168).

56) Законоучитель императора Александра II протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій прославился въ нашей литературѣ своимъ сочиненіемъ: „Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка", которое вышло въ свѣтъ въ 1841 году. Разборомъ этого сочиненія занялся И. И. Давыдовъ, и, 23 февраля 1843 года, писалъ Погодину: „Всю масленицу просидѣлъ надъ статьею: боюсь, чтобы она не отзывалась блинами. Съ протоіереемъ возиться не какъ съ своимъ братомъ Притомъ я только масленицу посидѣлъ надъ этимъ дѣломъ, а онъ, думаю, нѣсколько великихъ постовъ имъ занимался. Пріятно съ такимъ ученымъ было бесѣдовать". Препровождая Погодину конецъ своей статьи, И. И. Давыдовъ (23 апрѣля) писалъ: „Измучилъ отецъ протоіерей; съ нимъ толковать трудновато. Надѣюсь, что завтра мы увидимся на экзаменѣ Буслаева".

Статья И. И. Давыдова была напечатана въ *Москвитянинѣ* 1843 г. М. Н. Катковъ писалъ къ А. Н. Попову: „Съ Буслаевымъ недавно случилась вотъ какая исторія. Онъ былъ у И. И. Давыдова; разговоръ коснулся книги Павскаго. *Что вы о ней думаете?* вопросилъ ученый мужъ. У меня кое-что набросано, отвѣчалъ Буслаевъ. *Принесите мнѣ взглянуть ваши замѣтки.* Буслаевъ ихъ приноситъ—и что же? Недѣли черезъ двѣ имѣетъ удовольствіе читать ихъ четко напечатанными въ *Москвитянинѣ,* въ критической статьѣ, подписанной именемъ И. И. Давыдова" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1893. VII, стр. 186—187). 16 февраля 1856 года тотъ же И. И. Давыдовъ писалъ тому же Погодину: „Напрасно упрекаете вы меня въ невниманіи къ Павскому: и при графѣ С. С. Уваровѣ, и при князѣ П. А. Ширинскомъ-Шихматовѣ отдѣленіе представляло его въ академики; но всякій разъ было отка-

зывано. Теперь графъ Д. Н. Блудовъ разрѣшилъ избраніе—и навѣрное. этотъ ветеранъ русской филологіи будетъ избранъ единогласно".

57) 16 іюня 1856 года Погодинъ, въ Петербургѣ, сѣлъ на пароходъ и поплылъ въ Мемель.

58) Здѣсь рѣчь идетъ о статьѣ Погодина: „Кончина Иннокентія" (Вѣнокъ на могилу Высокопреосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Таврическаго. М. 1867, стр. 67—71).

59) На это князь П. А. Вяземскій, 9 августа 1857 года, писалъ Погодину: „А зачѣмъ не докончили вы цитаты своей? Именно, потому, что вы признаете меня начальникомъ цензуры, то и должны вы предостеречь меня. Это не только личная услуга, но и общая. Вы знаете, что я не употреблю во зло указанія вашего. Я берегу не себя, а оберегаю васъ пишущихъ Я не завистливый серальскій евнухъ, а добросовѣстный дядька. Да, дядька, не прогнѣвайтесь, потому, что между вами, не прогнѣвайтесь, насчитаешь многихъ enfants terribles. Не я замѣчу, такъ замѣтятъ другіе стоглазые, и эта бѣда будетъ горше первой. Сдѣлайте одолженіе, отложите въ сторону фальшивый стыдъ и договорите начатое. Это ваша обязанность какъ честнаго и благонамѣреннаго писателя. Мы всѣ должны служить одной правдѣ и одному царю".

60) „Не смѣю поздравить васъ съ третьимъ зайцемъ", писалъ Погодину князь П. А. Вяземскій, 9 августа 1857 года, „онъ перебѣжалъ дорогу, а это худая примѣта. Едва ли, не изъ тѣхъ онъ зайцевъ, которыхъ не ловятъ, а которые сами вводятъ въ ловушку. Все что̀ могу обѣщать, это, что я не первый крикну: ату́, ату́ его!"

61) Николай Романовичъ *Ребиндеръ* управлялъ Кіевскимъ учебнымъ округомъ съ 12 апрѣля 1856 г. по 18 іюля 1858 г.; а съ 1851 года былъ Кяхтинскимъ градоначальникомъ.

Гавріилъ Антоновичъ *Катакази* управлялъ Харьковскимъ учебнымъ округомъ съ 1856 г. по 28 апрѣля 1857 г. Съ февраля 1835 г. по 16 октября 1843 г. былъ посланникомъ при Греческомъ королѣ.

Евграфъ Петровичъ *Ковалевскій* управлялъ Московскимъ учебнымъ округомъ съ 15 апрѣля 1856 г. по 23 марта 1858 г. Служилъ прежде по горной части.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Егоръ Петровичъ *Врангель* управлялъ Виленскимъ учебнымъ округомъ съ 22 января 1856 г. по 30 августа 1861 г. Съ 4 марта 1849 г. до 22 января 1856 года баронъ Врангель былъ директоромъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса.

Владиміръ Порфирьевичъ *Молоствовъ* управлялъ Казанскимъ учебнымъ округомъ съ 22 мая 1847 г. по 4 мая 1857 г. Съ 1841 года былъ наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска.

62) Изъ чужихъ краевъ въ Москву (въ 1856 г.) Погодинъ пріѣхалъ съ бородою и съ нею отважился посѣщать театры. Въ *Дневникѣ* своемъ 1856 года, подъ 6 декабря, онъ записалъ: „Въ театръ съ бородою, но безъ мысли о возможныхъ непріятностяхъ". Впрочемъ директоръ театровъ А. П. Верстовскій ему писалъ: „Зачѣмъ же борода! А? Такъ де въ Европѣ ходятъ! А зачѣмъ прежде не ходилъ?" Борода Погодина произвела непріятное впечатлѣніе на Шевырева, и онъ писалъ ему: „Ты все-таки не сбрилъ бороды—и даешь балы. Охъ! Не въ бородѣ дѣло" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1900. XIV, стр. 630—631).

63) 23 мая 1858 года князь П. А. Вяземскій вышелъ въ отставку изъ товарищей министра народнаго просвѣщенія и предпринялъ заграничное путешествіе.

64) Изъ Ниццы, 6 декабря 1858 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Пушкинъ сказалъ бы, что отъ заимодавцевъ и альманашниковъ никуда не уйдешь. Впрочемъ, я очень радъ оклику вашему и готовъ отвѣчать на него по силамъ и средствамъ своимъ. Вотъ пока моя скудная лепта, не знаю кому и не знаю куда. Но я вамъ довѣряю и надѣюсь, что вы меня старую и невинную овцу не бросите въ стадо волковъ. Бумагъ моихъ со мною еще пѣтъ, а потому посылаю вамъ, что́ имѣю подъ рукою. Авось здѣшнее небо, море, благораствореніе воздуха, здѣшняя зима, которая идеализировала наше лѣто, отзовутся во мнѣ. Впрочемъ, я намѣреваюсь болѣе привести въ извѣстность и порядокъ свое старое, нежели пускаться въ новое". При этомъ письмѣ князь Вяземскій приложилъ свое стихотвореніе „Желаніе", съ эпиграфомъ изъ Баратынскаго „Не искушай меня безъ нужды", и подписанное: Ницца, ноября 1858.

65) Графиня Евдокія Петровна Ростопчина скончалась 3 декабря 1858 года, на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія (*Московскія Вѣдомости*, 1858, № 146, стр. 1391).

66) 13 марта 1860 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходилъ, надѣлавшій много шума, публичный диспутъ о началѣ Руси между Погодинымъ и Костомаровымъ. Поводомъ къ нему послужила статья Костомарова, напечатанная въ *Современникѣ*. 19 февраля 1860 года Погодинъ написалъ къ Костомарову письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Не думалъ я, чтобъ мнѣ пришлось начинать докучную сказку о норманахъ, которымъ въ концѣ второго тома „Изслѣдованій о Русской Исторіи", въ 1846 году, пропѣлъ я quiescant in pace; но вашей статьи нельзя оставить безъ отвѣта. Пушкинъ сказалъ:

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ.

Чего добраго — толпа закричитъ подъ пѣсню литовской свистопляски, вслѣдъ за ученой редакціей *Современника*: Мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Вотъ мы откуда, вотъ мы каковы!" Письмо свое Погодинъ заключаетъ вызовомъ на поединокъ. „Я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдователемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь: вотъ почему я требую отъ васъ во имя этой науки, полной сатисфакціи, то-есть. торжественнаго отступленія изъ Жмуди, или полнаго отраженія моихъ краткихъ доказательствъ, за коими я готовъ выдвинуть и тяжелую артиллерію. Иначе — бросаю вамъ перчатку и вызываю на дуэль, хоть въ пассажѣ. Секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлецера и Круга, а вы для потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей свистопляски. Безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе, въ Университетѣ, Географическомъ Обществѣ, или Академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ. Хотя я лѣтъ двадцать уже оставилъ его, но посвятилъ ему десять лучшихъ лѣтъ въ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ и готовъ отстаивать его unguibus et rostris". Костомаровъ принялъ вызовъ. Диспутъ Погодинъ заключилъ словами Пушкина:

Да здравствуетъ разумъ,
Да скроется тьма!

Костомаровъ также заключилъ словами Пушкина: „Что Литва, что Русь ли... все равно!"

67) 16 ноября 1860 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Мой бюстъ, рукодѣліе принцессы Ольденбургской, находится теперь у меня къ вашимъ услугамъ".

68) 27 апрѣля 1860 года „дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Петровичъ г. Погодинъ вступилъ во второй законный бракъ съ женою Великобританскаго подданнаго Джона Белль, умершаго въ 1858 году, вдовою Софіею Ивановною Белль, и объявленъ въ Московской, Пречистенскаго сорока, Саввинской, что́ на Саввинской улицѣ, церкви. Въ чемъ, съ приложеніемъ церковной печати, удостовѣряю вѣнчавшій ихъ Пречистенскаго сорока Саввинской, что́ въ Саввинской улицѣ, церкви священникъ Іоаннъ Никольскій".

69) 16 ноября 1860 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Вы знаете, что Владиміръ Карамзинъ собирается издать оставшіяся бумаги и письма отца своего. Между прочимъ и письмо его къ Дмитріеву. Имѣющійся у него списокъ съ нихъ не исправенъ и онъ желаетъ провѣрить его съ подлинниками, которые хранятся у М. А.

Дмитріева. Когда былъ я въ Москвѣ, я искалъ его, но его не было. Не зная, гдѣ онъ теперь находится, прошу васъ спестись съ нимъ и отъ имени Владиміра Николаевича просить его прислать сюда эти письма для провѣрки".

70) 16 ноября 1860 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „По вашему всевѣдѣнію и вашему историческому сконидомству, не можете ли указать мнѣ: гдѣ найду біографическіе матеріалы или свѣдѣнія о принцѣ Нассау-Зигенъ, который былъ адмираломъ во времена Екатерины. Нѣтъ ли чего въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ? Не пронюхали ли чего-нибудь о немъ Лонгиновъ и Бартеневъ?"

71) 20 сентября 1860 года, въ своемъ Рязанскомъ имѣніи (Донковскаго уѣзда) Ивановскомъ, скончался Алексѣй Ивановичъ Хомяковъ. 13 декабря 1860 года, изъ Петербурга, князь П. А Вяземскій писалъ Погодину: „Ваша статья о Хомяковѣ ходитъ по рукамъ, когда уходится, отправлю ее къ Кокореву".

72) Въ 1862 году, въ С.-Петербургѣ, вышли въ свѣтъ „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина", изданныя *В. П. Карамзинымъ*.

О судьбѣ этой книги смотри мою замѣтку, напечатанную въ *Русскомъ Архивѣ* 1899 (№ 2, стр. 265—268).

73) „Разумѣется", отвѣчалъ князь П. А. Вяземскій (13 декабря 1860) Погодину, „бюстъ передается вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе".

74) Въ концѣ 1860 года объявлена подписка на открытіе памятника Пушкина. 13 декабря 1860 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Въ какой газетѣ сказано, что если воздвигать памятникъ Пушкину, то почему и не Бѣлинскому? Впрочемъ профессоръ Вабстъ давно уже въ какой-то статьѣ соединилъ эти два имени".

75) Въ мартѣ 1861 года, въ С.-Петербургѣ, праздновали пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности князя П. А. Вяземскаго. 4-го мая того же года Погодинъ писалъ Шевыреву: „О юбилеѣ князя Вяземскаго ты знаешь; я ѣздилъ туда и говорилъ рѣчь. На Вяземскаго посыпались ругательства. Я почелъ долгомъ вступиться и написалъ статью въ *Сѣверной Пчелѣ* (№ 83), гдѣ сказалъ свое мнѣніе о Бѣлинскомъ, разумѣется, по своему. Теперь поднимутся ругательства на меня, и, говорятъ, уже поднялись".

76) Государственный секретарь Владиміръ Петровичъ Бутковъ, сынъ Петра Григорьевича, академика и автора книги „Оборона Лѣтописи Русской отъ навѣта скептиковъ".

77) 30 апрѣля 1861 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Спасибо добрымъ людямъ, которые ратуютъ за меня опальнаго.

Спасибо и вамъ Агамемнону, или Дмитрію Донскому сей великодушной рати. Очень желалъ бы прочесть, что́ обо мнѣ было писано. Тутъ замѣшана не моя личная суетность, а мое убѣжденіе. Стрѣляютъ не столько въ меня, сколько въ мое знамя, то-есть, въ наше знамя, освященное и прославленное вашими предшественниками, честными и чистыми литераторами. Не намъ, не намъ, а имени́ мъ ихъ. Впрочемъ, тутъ не имена, а исповѣданіе, тутъ дѣло и слово одно и то же".

78) 11 апрѣля 1861 года скончался въ Москвѣ А. П. Ермоловъ. Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* В. Ѳ. Коршъ къ напечатанному имъ некрологу Ермолова сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Мнѣнія о военныхъ и государственныхъ талантахъ покойнаго Ермолова весьма различны. Одни ставятъ эти таланты очень высоко; другіе, напротивъ, не могутъ себѣ дать отчета въ томъ, на сколько таланты Ермолова отвѣчаютъ его полувѣковой славѣ" (№ 86, стр. 690). Редакторъ *Нашего Времени* (№ 14, стр. 242) заключаетъ свою статью объ Ермоловѣ слѣдующими словами: „Мы рады бросить и лишніе лавры на его могилу, хотя грустно подумать, что судъ потомства можетъ не принять въ соображеніе теплоты нашего чувства". Прочитавъ эти статьи, Погодинъ (4 мая 1861 г.) писалъ Шевыреву: „Валентинъ Коршъ и Николай Филиппповичъ написали статью объ Ермоловѣ и замѣчаніе. Просто хочется плюнуть въ рожу". Князь П. А. Вяземскій (30 апрѣля) писалъ Погодину: „Я также очень не одобряю статьи Павлова о Ермоловѣ. Я не ожидалъ этого отъ Павлова".

79) 4-го же мая 1861 года Погодинъ писалъ Шевыреву: „На просвѣщеніе страшное гоненіе... Коммиссія для разсужденія о дѣлахъ просвѣщенія составлена изъ Строганова, Панина, Долгорукаго Говорятъ, будто назначается оброкъ на студентовъ по 200 р., что число ограничится 200 своекоштныхъ и 200 казенныхъ. Неужели это можетъ быть? Господи Боже мой".

80) Въ 1861 году, въ юбилейный свой годъ, князь П. А. Вяземскій написалъ своему старому товарищу Д. П. Сѣверину посланіе, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

Въ сей вѣкъ, свободы вѣкъ, терпимость нетерпима.
Ты Гарибальди чти, а папу вонъ изъ Рима.

(*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1887. XI, стр. 363).

81) Дѣятельность свою по крестьянскому дѣлу Погодинъ проявилъ изданіемъ своего знаменитаго „Краснаго яичка для крестьянъ" (1861).

82) Служащій въ Московскомъ сенатѣ губернскій секретарь В. Лихачевъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* 1854 года свою повѣсть „Мечта-

тель", которая воздвигла на *Москвитянина* цензурную бурю. Не взирая на это, въ *Москвитянинѣ* было напечатано другое литературное произведеніе, которое тоже вызвало цензурную бурю. Это произведеніе, подъ заглавіемъ изъ „Записокъ почтмейстера" принадлежало перу отставного офицера Раевскаго (*Жизнь и труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1899. XIII, стр. 211—219).

83) Статейка эта носитъ заглавіе „Три вечера въ Петербургѣ" (въ Географическомъ Обществѣ, у В. А. Кокорева и на „великосвѣтскомъ блестящемъ раутѣ"). Статейка эта была напечатана.

84) 16 августа 1861 года попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Григорій Ивановичъ Филипсонъ. Съ 1855—1860 годъ онъ былъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска.

85) 16 августа 1865 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Изъ польскихъ бумагъ, вами мнѣ присланныхъ, полагаю, что статья объ отреченіи отъ Царства Польскаго неудобна для печати, особенно послѣ свѣжаго мятежа, который только что присмирѣлъ, а судя по *Московскимъ Вѣдомостямъ*, еще бодрствуетъ и только обернулся на другой ладъ".

86) 5 декабря 1865 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „*Старовѣръ* нехорошо. Но признаюсь не нравится мнѣ *Утро*. Не подарить ли мнѣ васъ заглавіемъ, которое хотѣлъ я придать во время оно предполагаемому мною сборнику? *Старина и новизна*".

87) Возвратясь въ Москву, Погодинъ написалъ слѣдующее письмо къ В. Н. Карамзину: „Вотъ что мнѣ всего нужнѣе знать, многоуважаемый Владиміръ Николаевичъ: о механизмѣ работы Николая Михайловича — какъ онъ велъ ее. Объясняюсь для ясности примѣромъ: ему слѣдуетъ описывать княженіе Дмитрія Донского. Что же—онъ перечитывалъ сначала всѣ свидѣтельства, одно за другимъ, отмѣчалъ въ нихъ главныя черты, дѣлалъ у себя замѣтки, и потомъ сводилъ ихъ, имѣя весь сегментъ передъ своими глазами? Тотчасъ писалъ по прочтеніи и соображеніи? Велики были эти участки? Писалъ—набрасывалъ, или сразу, и потомъ исправлялъ, переписывалъ, сколько разъ переписывалъ? По скольку писалъ, напримѣръ, въ день? Minimum и maximum. Или какъ задастся? Велики были промежутки между писаніями и переписываніемъ? Когда перечитывалъ? Какъ? Про себя, или въ семействѣ, кому-нибудь? Говорилъ о писаніи? Какое принималъ участіе въ другихъ дѣлахъ? Образъ его жизни. Въ которомъ часу онъ вставалъ? Когда принимался за работу? Сколько времени сидѣлъ за работой? Были ль среди работы отдохновенія? Какія? Мнѣ нужно знать весь его день отъ утра до ночи. Сообщите что знаете и что слышали объ его характерѣ, домашнемъ обращеніи съ дѣтьми, съ людьми, съ знакомыми, съ друзьями,

посѣтителями. Точно — многое можетъ сообщить княгиня Мещерская. Попросите ее продиктовать хоть Константину Степановичу, котораго я прошу и объ отвѣтахъ на нѣкоторые вышеприписанные вопросы. Нѣтъ ли у васъ или у нея черновыхъ какихъ листовъ „Исторіи"? Какъ былъ устроенъ его кабинетъ? Какой порядокъ въ немъ? Его вкусы, начиная съ столоваго: какія кушанья онъ любилъ, вина: аппетитъ. Иное, разумѣется, нужно не для описанія, а къ свѣдѣнію—

о спокойствіи или тревожности,
о вспыльчивости,
о терпѣніи,
о желаніяхъ,
о самолюбіи,
о привязанностяхъ, и проч.

Мнѣ хочется писать его собственными словами, изъ его сочиненій, изъ показаній современниковъ, а потомъ передать впечатлѣніе произведенное и производимое имъ на читателей.

Если я скажу вамъ, что слишкомъ 45 лѣтъ уже—едва ли проходитъ одинъ день, когда бъ „Исторія Государства Россійскаго" не была въ моихъ рукахъ, то въ этомъ нѣтъ преувеличенія, и чѣмъ больше я занимаюсь, тѣмъ болѣе удивляюсь сооруженію этой египетской пирамиды въ 12 лѣтъ. Первые 8 томовъ, труднѣйшіе, были написаны 1803—1815. Работая безпрерывно и любя работать, я знаю, сколько времени нужно на то или на другое дѣло, и считаю чудомъ русской исторіи, такимъ же чудомъ, какъ явленіе Ломоносова, какъ развитіе Пушкина, сочиненіе „Исторіи Государства Россійскаго", въ 12 лѣтъ, относительно къ тогдашнему положенію матеріаловъ.

Однажды послѣ бесѣды съ покойнымъ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ мнѣ представилось сравненіе, которое и передамъ вамъ теперь: у Николая Михайловича былъ какой-то внутренній дагерротипъ. Вѣрно, онъ обнималъ, воспринималъ предметъ съ особенной ясностію и легкостью, и удерживалъ въ своемъ воображеніи, имѣлъ такъ сказать передъ своими глазами, въ совершенномъ порядкѣ, такъ что всякое новое свѣдѣніе, гдѣ бы то ни было прочтенное или полученное, тотчасъ находило у него въ воображеніи свое мѣсто, и ему оставалось все цѣлое, такъ физіологически составившееся, перенесть на бумагу. Это свойство ума и можетъ только объяснить спорынью его работы. Изложенное исправить, оживить, иллюстрировать,—это уже не значитъ ничего для опытнаго автора.

Пришлите же мнѣ письма къ Дмитріеву, вашу копію, потому что Михаилъ Александровичъ, хоть мнѣ и очень близкій человѣкъ, бываетъ тяжелъ на подъемъ. Дайте прочесть мое письмо, хоть и очень

спѣшно и нескладно написанное, Константину Степановичу. Дѣло въ дѣлѣ, а пока не въ формѣ.

Въ Петербургѣ я оставался до 9 дня, то-есть, до четверга, и былъ у васъ, но не засталъ. Швейцаръ сказалъ, что вы уѣхали въ театръ.

Все написанное по частямъ буду пересылать къ вамъ".

88) Въ это время Погодинъ былъ занятъ печатаніемъ издаваемаго имъ сборника: *Утро*. Литературный и политическій сборникъ. М. 1866.

89) См. выше, примѣчаніе 85-е.

90) 15 декабря 1865 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Имѣю честь представить вамъ двѣ штуки моего рукодѣлья... Тутъ есть фотографіи Венеціи, другіе отдѣлы. Замѣтки. Далѣе отдѣльныя піесы... Пройдетъ ли сборникъ вашъ чрезъ цензуру, или прокатитесь на вольныхъ? Признаюсь, въ моемъ положеніи, хотя стихи мои и безгрѣшные, но я предпочелъ бы ѣхать по казенной подорожной".

91) *Памяти П. А. Плетнева* (январь 1866 года) и *Посланіе П. А. Плетневу и Ѳ. И. Тютчеву* (*Утро* 1866. М., стр. 145—158).

92) Стихотвореніе *Тоска по Запоздаломъ*, написанное въ 1864 году, впервые напечатано въ *Полномъ Собраніи Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1896. XII, стр. 181—186).

93) Стихотворенія Михаила Александровича Дмитріева, въ двухъ частяхъ, вышли въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1865 году.

94) 26 февраля 1816 года Общество Любителей Русской Словесности избрало въ свои дѣйствительные члены князя П. А. Вяземскаго, Ѳ. Н. Глинку, Н. И. Гнѣдича, К. Н. Батюшкова, И. А. Крылова. 27 февраля 1866 года, въ томъ же Обществѣ, графъ В. А. Сологубъ произнесъ рѣчь *о значеніи князя П. А. Вяземскаго въ россійской словесности* (*Вѣсти въ Обществѣ Россійской Словесности*. М. 1867. I. Отд. II, стр. 17—32).

95) 19 апрѣля 1866 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Полчаса послѣ полученія письма вашего Выхановъ былъ уже въ кабинетѣ министра, и, кажется, получалъ удовлетворительный отвѣтъ. Вы видите, что дѣла, по крайней мѣрѣ, не всегда затягиваются у насъ вдаль".

96) См. *Летучій Листокъ*, издававшійся Погодинымъ по случаю событія 4-го апрѣля 1866 года.

97) См. предыдущее примѣчаніе. Прекращеніе *Московскихъ Вѣдомостей* подъ редакціею М. Н. Каткова вызвало слѣдующій къ нему адресъ: „Устраненіе ваше отъ публичной дѣятельности, хотя, какъ мы надѣемся, временное — побуждаетъ насъ выразить вамъ все сочувствіе наше къ тому направленію, которому она слѣдовала и всю благодарность нашу за высоко-полезное, пройденное вами поприще. Съ того времени, какъ

въ качествѣ издателя *Русскаго Вѣстника*, вы низвергли главу лжеученій, проникшихъ въ наше общество, мы убѣдились, что вы предприняли великій гражданскій подвигъ и имѣете силу для того, чтобы его совершить. До самой послѣдней минуты вы оставались вѣрными дѣлу, вами предпринятому; но обстоятельства прервали довершеніе онаго, — и въ какую минуту! Когда только-что обнаружились новыя проявленія того зла, съ которымъ вы боролись! Когда молодыя поколѣнія не находятъ надежныхъ руководителей, когда систематически потрясается священное право собственности, когда многіе провозглашаютъ единство и цѣлость Россіи странною или вредною мечтою, когда колеблютъ религію, когда простираютъ дерзновенныя покушенія на священную Особу обожаемаго Царя! Словомъ, когда смущенное общество нуждается во всѣхъ заключающихся въ немъ доброкачественныхъ и охранительныхъ силахъ!

„Въ виду такого положенія дѣлъ, въ виду всякаго рода опасности, которыми грозитъ оно нашему отечеству, въ виду тѣхъ затрудненій, которыя мы должны пережить прежде, чѣмъ вступить въ кругъ мирнаго развитія и преуспѣянія, мы торжественно заявляемъ, что устраненіе ваше съ поприща публичной дѣятельности есть событіе прискорбное, приводящее въ уныніе всѣхъ любящихъ общую мать нашу Россію. Мы молимъ Бога, чтобы устранились обстоятельства, препятствующія дальнѣйшему служенію въ качествѣ общественнаго писателя, и увѣрены, что всякій истинный сынъ отечества будетъ, въ мѣрѣ своихъ силъ, къ тому способствовать".

98) Это мѣсто письма Погодина объясняется слѣдующими строками князя П. А. Вяземскаго (отъ 6 мая 1866 года): „За болѣзнію моею отложено засѣданіе Академіи до слѣдующей субботы 14-го. Знаете ли что, вы бы пріѣхали сюда къ этому времени. Мы успѣли бы съ вами условиться, съ Гротомъ и другими, на что рѣшиться.—Если полѣнитесь, напишите мнѣ письмо, которое могъ бы я предъявить и объяснить, какое содѣйствіе ожидаете вы отъ Академіи по дѣлу о біографіи Карамзина, и всѣ мысли ваши касательно отпразднованія столѣтней годовщины".

99) 14-го мая 1866 года воспослѣдовало распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія: „Принимая въ соображеніе, что послѣ пріостановленія на два мѣсяца изданія *Московскихъ Вѣдомостей*, вслѣдствіе объявленныхъ этой газетѣ трехъ предостереженій, — редакцію оной, согласно съ контрактомъ, заключеннымъ между Императорскимъ Московскимъ университетомъ и редакторами-издателями статскими совѣтниками Катковымъ и Леонтьевымъ, правленіе Университета предположило временно поручить ординарному профессору Любимову, и что профессоръ Любимовъ принимаетъ на себя ис-

полненіе редакторскихъ обязанностей по означенной газетѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: разрѣшить правленію Московскаго университета продолженіе изданія газеты *Московскія Вѣдомости*, подъ временною редакціею профессора Любимова, впредь до окончательной передачи этой газеты другимъ арендаторамъ".

100) Здѣсь разумѣется письмо князя П. А. Вяземскаго къ Погодину, отъ 28 апрѣля 1866 года, объ издателяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*. „Пусть оно", писалъ князь П. А. Вяземскій къ Погодину, 27 іюня 1866 года, „сохранится въ копіи на истребленіе будущихъ Бартеневыхъ".

24 іюня 1866 года опальные издатели-редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* объявили всенародно: „Мы возвращаемся къ своей дѣятельности съ новою бодростью, съ новымъ, болѣе чѣмъ когда-либо возвышеннымъ чувствомъ призванія," и проч.

Въ іюлѣ Погодинъ получилъ „почетный" билетъ, въ которомъ прочелъ: „Обѣдъ по случаю возобновленія изданія *Московскихъ Вѣдомостей* подъ редакціею Михаила Никифоровича Каткова и Павла Михайловича Леонтьева имѣетъ быть въ залѣ Московскаго университета въ воскресенье 17-го сего іюля въ 5-ть часовъ пополудни".

Подобное же приглашеніе получилъ и преосвященный Савва, епископъ Можайскій, второй викарій митрополіи Московской. По поводу этого приглашенія преосвященный писалъ къ владыкѣ Московскому Филарету: „Сегодня данъ былъ, по подпискѣ, обществомъ избранныхъ лицъ, въ залѣ университетской, обѣдъ по случаю возобновленія (временно запрещеннаго) изданія *Московскихъ Вѣдомостей* подъ редакціею гг. Каткова и Леонтьева. Распорядители обѣда, въ числѣ четырехъ человѣкъ, еще третьяго дня явились ко мнѣ съ приглашеніемъ и почти настоятельно требовали, чтобы я принялъ участіе въ этомъ торжественномъ обѣдѣ. Не имѣя близкаго знакомства ни съ г. Катковымъ, ни въ особенности съ Леонтьевымъ и смотря на этотъ обѣдъ не иначе какъ на особаго рода демонстрацію, я не рѣшился изъявить согласія на участіе въ этомъ обѣдѣ,— чѣмъ, вѣроятно, оскорбилъ приглашителей. Хорошо или худо поступилъ въ настоящемъ случаѣ, благоволите, высокопреосвященнѣйшій владыко, произнести вашъ справедливый судъ и тѣмъ вывесть меня изъ недоумѣнія". Владыка отвѣчалъ: „Что вы уклонились отъ обѣда въ честь г. Каткова, то, думаю, не излишняя осторожность. Онъ человѣкъ достойный уваженія и сочувствія: но людямъ, по преимуществу церковнымъ, иногда не полезно вдаваться въ явленія политическія, хотя и благонамѣренныя. Пожелаемъ г. Каткову продолженія дѣятельности, не держа во время сего желанія въ рукахъ чаши съ виномъ" (*Письма Филарета митрополита Московскаго къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ*. Тверь. 1888. I, стр. 197—198).

101) 22 января 1867 года князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Воля ваша, а *Земецъ* мнѣ не нравится. Такъ ли у васъ *Земецъ*, или я худо разобралъ. Вопервыхъ—это сбивается на нѣмецъ. Да *Земецъ* значитъ владѣлецъ земли. Какое тутъ отношеніе къ журналу, особенно литературному, скорѣе ужь *Землякъ*, *Москвичъ*". Но Погодинъ назвалъ свою газету *Русскій*.

102) Завѣдующій всѣми имѣніями графа Ѳ. В. Ростопчина, Московскій полиціймейстеръ Брокеръ, въ 1817 году былъ внезапно переведенъ, по Высочайшему повелѣнію, на ту же должность въ Петербургъ. Въ это время графъ Ростопчинъ жилъ въ Парижѣ и Брокеръ писалъ ему (19 ноября 1817 года): „Я взялъ Петра Моисеевича Погодина, котораго знаю тридцать лѣтъ по дому Салтыковыхъ за добраго и честнаго человѣка, и положилъ ему сто рублей въ мѣсяцъ жалованья; онъ будетъ исполнять мои приказанія въ Москвѣ". Съ тѣхъ поръ М. П. Погодинъ до конца своей жизни занимался дѣлами Ростопчина и съ честію оправдалъ рекомендацію Брокера (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1888. I, стр. 99).

103) 29 декабря 1868 года М. П. Погодинъ читалъ въ Академіи Наукъ отрывокъ изъ своей *Древней Русской Исторіи* о татарскомъ
ествіи.

104) 27 февраля 1869 года скончался въ Москвѣ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Въ 1862 году князь Одоевскій былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, и друзья, въ томъ числѣ и Погодинъ, въ небольшомъ обществѣ встрѣтили его обѣдомъ, мая 24, на которомъ за заздравнымъ бокаломъ Погодинъ, между прочимъ, сказалъ: „Старикъ любезный Горацій, воспѣвалъ (въ переводѣ М. А. Дмитріева):

Покоя проситъ у боговъ пловецъ,
Застигнутый въ Егейскомъ бурномъ морѣ.

Нашему доброму другу не однажды случалось испытать бурю: сорокъ почти лѣтъ утлая ладья его носилась, погрязая по страшному Петербургскому болоту, на которомъ бури бушуютъ, однакожь грознѣе равноденственныхъ. Поблагодаримъ же боговъ, которые привели его наконецъ къ родимымъ берегамъ, гдѣ онъ можетъ восклицать съ нами: *къ тихому пристанищу притекохъ*". Въ Москвѣ, на службѣ въ сенатѣ, князь Одоевскій долженъ былъ заняться юриспруденціею и изучать сводъ законовъ. Бывшій въ то время оберъ-прокуроръ сенатскій К. П. Побѣдоносцевъ свидѣтельствуетъ, что онъ работалъ усердно и былъ однимъ изъ внимательныхъ и дѣятельныхъ сенаторовъ.

Кончину князя Одоевскаго искренно оплакалъ Погодинъ. Онъ писалъ: „Прости, нашъ добрый другъ, нашъ любезный товарищъ! Мы любили и любимъ тебя искренно, — не оставляй же насъ своимъ бла-

гимъ назиданіемъ, пока мы здѣсь еще *печемся и молвимъ о многъ службѣ*, забывая, увы, часто, что всякую минуту можемъ умереть, и что *единое есть на потребу*“ (*Въ память о В. Ѳ. Одоевскомъ*. М. 1869, стр. 59— 62, 68).

105) Николай Петровичъ Аксаковъ нынѣ служитъ въ государственномъ контролѣ.

106) Погодинъ въ своемъ *Воспоминаніи о С. П. Шевыревѣ*, излагая причины неуспѣха *Московскаго Вѣстника*, между прочимъ, писалъ: „Я не употребилъ никакого старанія, чтобы привлечь и обезпечить участіе князя Вяземскаго, который перешелъ окончательно къ *Телеграфу*, содѣйствовалъ больше всѣхъ его успѣху“ (стр. 14).

107) См. выше, примѣчаніе 102-е.

II.

ПИСЬМА

С. П. Шевырева къ князю П. А. Вяземскому.

1.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Извините меня, если я васъ обезпокою моею покорнѣйшею просьбою. Княгиня Волконская *) пишетъ ко мнѣ изъ Рима, что еще лѣтомъ отправлены для меня на ваше имя книги: „Продолженіе Ватикана“ и послѣднія тетради латинскаго „Лексикона Форчеллини (Totius Latinitatis Lexicon). Онѣ должны были прибыть на одномъ кораблѣ съ картинами Брюни. Если вы ихъ получили, то прошу васъ покорнѣйше передать ихъ г-ну Невѣрову [1]), который взялся доставить вамъ мое письмо, равно и заплатить издержки, которыхъ стоило доставленіе книгъ изъ Рима. Примите заранѣе мою искреннюю благодарность—и еще разъ великодушно извините меня въ томъ, что васъ, при множествѣ занятій вашихъ, безпокою этимъ дѣломъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашего альманаха **), кото-

*) Зинаида Александровна (рожденная княжна Бѣлозерская-Бѣлосельская). *П. Б.*

**) Предполагаемый, но не осуществленный, княземъ П. А. Вяземскимъ подъ названіемъ *Старины и Новизны. П. Б.*

рый столько завлекателенъ своимъ содержаніемъ. Авось хоть онъ оживитъ нѣсколько нашу сонную литературу. Мы желали бы сказать о немъ въ первой книжкѣ *Наблюдателя* [2]).

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь князь, покорнѣйшимъ слугою. С. Шевыревъ.

Москва. 1837. Января 13 дня.

2.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Препровождаю къ вамъ мою вступительную лекцію, которою открылъ я курсъ исторіи русской словесности въ Московскомъ университетѣ, и прошу васъ принять ее какъ дань моего искренняго къ вамъ уваженія [3]). До сихъ поръ я оставался предъ вами въ долгу за пріятное ваше письмо, полученное мною съ Бенедиктовымъ: виноватъ — и теперь мнѣ остается покаяться и въ этомъ грѣхѣ предъ вами, на послѣдней недѣлѣ поста. Но въ то время были у меня домашнія хлопоты: болѣзнь сына помѣшала мнѣ познакомиться короче съ Бенедиктовымъ [4]) и отвѣчать вамъ. Однако порученіе ваше я исполнилъ — и о бюстѣ П. П. Дмитріева сообщалъ Погодину. Нельзя ли бы узнать — что будетъ стоить исполненіе? Тогда можно бы было всю сумму разложить на литературную братію. Сбирать же подписку, не зная потребной суммы, труднѣе [5]).

А. Я. Булгаковъ обѣщалъ сообщить мнѣ тотъ номеръ *Gazette de France*, въ которомъ напечатана ваша статья о пожарѣ Дворца. Я читалъ ее въ брошюрѣ; но меня ссудили ею на самое короткое время. Жду съ нетерпѣніемъ оригинала, чтобы съ вашей прекрасной картины сдѣлать хотя русскую литохромію для *Московскихъ Вѣдомостей*. Надобно же передать вашъ разсказъ Россіи, которая до сихъ поръ на своемъ языкѣ не прочла ничего замѣчательнаго объ этомъ важномъ событіи. И такой пожаръ не могъ разогрѣть офиціальнаго пера *Сѣверной Пчелы*, подъ которымъ замерзаетъ всякое русское чувство. Вы свои жаркія впечатлѣнія выразили для Европы; но надобно, чтобы это теплое чувство перелилось въ Россію, и потому надобно перевести вашу статью [6]).

Мы всѣ были рады тому, что въ послѣднее время Муза ваша подала такой блистательный голосъ и напомнила намъ лучшее время вашихъ московскихъ досуговъ. Вашъ поэтическій эскизъ въ стилѣ Орловскаго мы повторяемъ наизусть. Это пѣсня—картинка: вы перевели на стихи геніальный карандашъ его [7]). Обо всемъ этомъ слѣдовало бы говорить не въ письмѣ къ вамъ, а передъ публикою, — да что дѣлать? Наши журнальныя предпріятія какъ-то не могутъ обойтись безъ препятствій. Съ Погодинымъ вмѣстѣ мы затѣвали новый журналъ *); но поѣздка моя въ чужіе края, которой требуетъ здоровье жены моей и мое, замедлитъ исполненіе этого дѣла. Къ тому же строгія занятія университета много мѣшаютъ журнальной дѣятельности. Не смотря на то, я не теряю надежды устроить со временемъ изданіе прочное. Только не отказывайтесь намъ содѣйствовать и не наводите на насъ отчаянія.

Примите поздравленіе мое съ наступающимъ праздникомъ и увѣренія въ искреннемъ уваженіи, какое къ вамъ всегда питаетъ душевно вамъ преданный и покорнѣйшій слуга. С. Шевыревъ.

1838. Марта 29 дня. Москва.

3.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Только третьяго дня вечеромъ возвратился я изъ Саратовской губерніи, куда ѣздилъ съ женою и сыномъ, а только вчера, черезъ университетъ, получилъ я оба посланія ваши съ порученіями Тургенева **) для Е. А. Свербеевой. Вотъ причина, почему такъ поздно отвѣчаю. Все будетъ немедленно доставлено по адресу. Павлову я передалъ то, что до него касается. Онъ собирался писать къ вамъ на дняхъ.

Благодаримъ васъ за совѣты, за ободреніе, за доброе слово и мнѣніе, за всѣ замѣчанія, и просимъ замѣчать и совѣтовать больше и больше. Вы знаете, какъ дорого намъ мнѣніе ваше. Для кого же и писать и отъ кого, какъ не отъ круга избранныхъ, ожидать награды? Благодарю васъ душевно за все то, что вы такъ

*) *Москвитянинъ. П. Б.*

**) Александра Ивановича. *П. Б.*

искренно и радушно мнѣ обо мнѣ же сказали. Я самъ чувствую въ себѣ этотъ недостатокъ, но трудно мнѣ согласить въ себѣ эти два лица: литератора журнальнаго и профессора. Топъ каѳедры, необходимо важный, иногда отзывается въ моихъ статьяхъ критическихъ, хотя я и стараюсь избѣгать того [8]).

Я самъ не люблю „Царь — Рука Божія“. Но что дѣлать съ повѣстями, которыхъ требуетъ масса читателей? Лучшіе повѣствователи наши ничего не пишутъ: Павловъ, Гоголь, Одоевскій не дали ни одной повѣсти. Что дѣлать? — Вашъ приговоръ повѣсти я готовъ подписать своимъ именемъ,—и въ критикѣ я также бы объ ней выразился, не смотря на то, что она помѣщена въ *Москвитянинѣ*.

Припѣвъ изъ Пушкина будетъ намъ очень памятенъ [9]).

О Курдюковой, правда, я говорилъ слишкомъ важно; но намъ здѣсь иное видится иначе, чѣмъ тамъ у васъ.

Сдѣлайте милость подарите насъ чѣмъ-нибудь вашимъ: мы того жаждемъ.

Неужели вы не думаете издать ни вашихъ стихотвореній, ни біографіи Фонъ-Визина? Мы ждемъ еще отъ васъ литературныхъ записокъ. Матеріалы для исторіи литературы новаго періода, означеннаго именемъ Карамзина, въ вашихъ рукахъ, и вамъ подобаетъ по праву быть его историкомъ. Призываю васъ къ тому, какъ профессоръ русской словесности, который безъ васъ, въ этомъ случаѣ, обойтись не можетъ. — Не предпримете ли вы хоть біографію Карамзина, еще въ большемъ объемѣ нежели біографія Фонъ-Визина? — Это вашъ трудъ. — Кому же, если не вамъ? Это даже обязанность. Извините смѣлость мою. Но вы меня поймете.

Я занимаюсь теперь на каѳедрѣ исторіею нашей древней словесности. Этотъ трудъ мой важнѣе всего того, что я печатаю въ журналѣ.

Матеріаловъ у меня много, но университетъ отнимаетъ время.

Мнѣ весело говорить съ вами — и я желалъ бы повторять чаще это удовольствіе.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія всегда преданнѣйшій вамъ С. Шевыревъ.

P. S. Вы пишете *фарса*, я пишу *фарсъ*. Не сочтите мое за

ошибку. Свойство русскаго языка: мѣнять женскій родъ иностранныхъ именъ на мужескій, когда звукъ окончательный иностранныхъ словъ соотвѣтствуетъ нашему ъ, признаку мужескаго рода. Примѣры: маршъ, фасадъ и др. Есть исключенія.—Извините мой грамматическій Post scriptum; но я хотѣлъ оправдаться.

Москва. 1841. Іюля 23 дня.

4.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Порученіе ваше я немедленно исполнилъ. Препровождаю къ вамъ отвѣтъ князя Оболенскаго *) со всѣми документами. Черезъ Плетнева вы, конечно, можете достать записки отъ самаго Порошина или Устрялова.—Что прикажете отвѣчать князю Оболенскому на счетъ портрета? Жду вашего увѣдомленія.

Вы обрадовали меня душевно вашею рѣшимостію издать наконецъ трудъ вашъ **). Дай Богъ, чтобы это желаніе не остыло. Совѣстно оставлять литературу нашу въ такомъ безпомощномъ состояніи, какъ она теперь находится. Совѣстно держать у себя капиталъ мыслей и труда—и не передавать его своему народу.

Благодаримъ васъ усерднѣйше за милую взятку, которая насъ очень повеселила. Жаль, что она не подоспѣла къ первому нумеру, котораго половина уже отпечатана. Она явится во второмъ. Цензура непремѣнно поставитъ рогатку на вашихъ проселкахъ, какъ мы предполагаемъ. Во всякомъ случаѣ мы пришлемъ къ вамъ корректуру: до 1-го февраля обослаться можно.

Я не благодарилъ васъ еще за отзывъ вашъ о моемъ разборѣ послѣднихъ томовъ Пушкина [10]): ваши слова были мнѣ лучшею наградою за эту дань, которую я принесъ нашему незабвенному.

Лермонтова цѣнить я умѣлъ: выразилъ я его и въ своихъ разборахъ, и въ моемъ стихотвореніи [11]).

Ждемъ вашихъ совѣтовъ, замѣчаній, участія.—Сдѣлайте милость, напомните объ насъ В. А. Жуковскому: онъ самъ поощрялъ изданіе журнала, а потомъ вовсе забылъ насъ, когда мы исполнили

*) Михаилъ Андреевичъ. *И. Б.*

**) Вѣроятно, библіографію Фонъ-Визина. *И. Б.*

его желаніе. Если мы оставимъ дѣло, то кому же поддерживать литературное мнѣніе? Мы урываемъ у себя послѣднее время, отдаемъ сюда весь остатокъ силъ отъ университетскихъ занятій, которыхъ у насъ много.—Друзья наши бездѣйствуютъ совершенно. Всѣ впали въ какую-то апатію странную. Ни отъ кого ни строчки.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и душевной преданности. С. Шевыревъ.

1841. Декабря 15 дня. Москва.

5.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Примите мою душевную благодарность за два письма ваши, изъ которыхъ въ одномъ я получилъ ваше стихотвореніе и отрывокъ изъ путешествія г. Левшина *), а въ другомъ записку отъ Погодина. Извините меня великодушно, что не отвѣчалъ немедленно на первое. И теперь пишу къ вамъ въ тревогѣ душевной: у меня жена больна — и не знаю, какой оборотъ приметъ болѣзнь ея.

Ваше „Сюда!“ [12]) и отрывокъ г. Левшина будутъ напечатаны въ 10-й книжкѣ *Москвитянина*, которая выйдетъ въ теченіе октября мѣсяца. Жду съ нетерпѣніемъ обѣщаннаго вами. На вашего „Комара“ [13]) наложила руку здѣшняя цензура, что мнѣ было очень досадно. Но не попробовать ли еще? Какъ прикажете? И съ именемъ вашимъ, или безъ имени?

Касательно біографіи Фонъ-Визина я не могъ вамъ дать отвѣта, потому что Погодинъ былъ тогда на отъѣздѣ **), а я занятъ университетскою рѣчью, экземпляръ которой вамъ непремѣнно доставлю. По возвращеніи Погодина я надѣюсь исполнить ваше порученіе. Мнѣ кажется, что біографію эту лучше бы напечатать особенно, не привязывая ея къ сочиненіямъ Фонъ-Визина. Она имѣетъ самостоятельное достоинство—и есть единственный отрывокъ изъ исторіи русской литературы, какого мы до сихъ поръ въ печати еще не имѣемъ. Не возмется ли самъ Погодинъ за это изданіе?—Я поговорю съ нимъ.

---

*) *Одна изъ прогулокъ русскаго въ Помпеи, или описаніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ помпейскихъ домовъ и классическаго въ немъ обѣда. П. Б.*

**) Въ чужихъ краяхъ. *П. Б.*

Ждалъ вашего голоса о свѣтлой половинѣ—и напрасно [14]). Мнѣ надобно продолжать ее, но все недосуги. Мало сотрудниковъ; всѣ друзья измѣнились. Молодое поколѣніе еще не подросло. Я не знаю право, что̀ станется съ нашей литературою.

Примите, князь, самое искреннее изъявленіе моего совершеннаго къ вамъ уваженія и душевной преданности. С. Шевыревъ.

Окт. 7. 1842. Москва.

6.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Видно, мнѣ суждено начинать къ вамъ письма всегдашними извиненіями; но на этотъ разъ тяжкая болѣзнь лишила меня возможности отвѣчать вамъ немедленно по полученіи вашего письма и при немъ книги графа де Сенъ-При, за которую приношу вамъ мою покорнѣйшую благодарность [15]). Послѣ болѣзни жены моей я хворалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ половиною—и въ эту самую пору получилъ вашу посылку. Не смотря на то, я поручилъ немедленно одному изъ сотрудниковъ *Москвитянина* сдѣлать извлеченіе изъ книги и отдать объ ней отчетъ подробный. Надѣюсь, что это будетъ исполнено скоро.

У меня есть до васъ покорнѣйшая просьба, касающаяся одного моего товарища по университету. Магистръ Бодянскій, изучившій всѣ словенскія нарѣчія, возвратился къ намъ для занятія каѳедры: онъ, въ продолженіе своего пребыванія за границею, собралъ огромную словенскую библіотеку въ 5000 томовъ, на которую употреблялъ всѣ свои деньги, оставляя себѣ въ годъ не болѣе 700 р. на прожитокъ. Эта библіотека содержитъ въ себѣ все, относящееся до словенства, и есть, конечно, единственная у насъ. Она теперь должна быть уже въ Петербургѣ и подвергнуться таможенному и цензурному досмотру. Покорнѣйшая просьба моя къ вамъ состоитъ въ томъ, чтобъ вы приказали чиновникамъ, которые досматривать ее будутъ, имѣть особенное наблюденіе за цѣлостію всѣхъ книгъ. Иногда случается какъ-нибудь во множествѣ безпорядокъ и утрата томовъ. Здѣсь было бы это великою потерею для ученаго, который съ примѣрнымъ самоотверженіемъ и безкорыстіемъ собиралъ это

сокровище своими потовыми трудами. Вамъ, конечно, князь, понятна важность такого дѣла: сдѣлайте милость, замолвите слово и, если можно, приложите ваше личное и просвѣщенное наблюденіе.

Москвитянинъ выйдетъ въ концѣ этой недѣли. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вашего подаянія. Я помѣщаю въ немъ начало перечня литературы русской за прошлый годъ и переводъ двухъ пѣсенъ изъ „Дантова ада“ терцинами.—Любопытенъ новый взглядъ *Отечественныхъ Записокъ* на развитіе поэзіи русской, какъ она стремилась къ знакомству съ чортомъ и въ бѣдномъ Лермонтовѣ будто бы достигла съ нимъ дружбы совершенной. Вотъ, въ какой галиматьѣ участвуетъ и купается бѣдный Одоевскій *), прикрывая ее своимъ именемъ.

Говоря съ вами, невольно разговоришься о литературѣ нашей и жалкихъ ея явленіяхъ, особенно когда знаешь, что вы принимаете еще въ ней если не дѣятельное, къ сожалѣнію, то живое, сердечное участіе.

Примите, князь, мое душевное поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ и увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи отъ преданнаго вамъ искренно С. Шевырева.

1843. Января 4. Москва.

7.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Давно уже пора мнѣ отдать вамъ отчетъ въ исполненіи вашихъ порученій. Надѣюсь, что вы останетесь довольны тѣмъ пріемомъ, какой мы сдѣлали m-lle Meerti. И *Московскія Вѣдомости*, и *Москвитянинъ* объ ней говорили во всеуслышаніе. Концерты ея были блистательны, но ей повредилъ Рубини. Она выбрала самое невыгодное время для посѣщенія Москвы.—Погодину я давно уже напоминалъ о біографіи Нелединскаго. Онъ обѣщалъ выручить ее у Снегирева и вамъ доставить. — Изъ книги Сенъ-При давно уже поручено сдѣлать извлеченіе полное, которое помѣщено будетъ въ одной изъ книжекъ *Москвитянина*. — Барону Розену *Москвитянинъ* посы-

*) Князь Владиміръ Ѳедоровичъ. *И. Б.*

лается. Я виноватъ предъ нимъ, что не отвѣчалъ ему на письма его. Но множество занятій моихъ и недостатокъ физическихъ силъ поспѣвать вездѣ вовлекаютъ меня невольно въ неучтивости. Цѣна повѣсти его мнѣ кажется сомнительною [16]). Статью Мармье о Троицѣ я прочелъ. Она вся написана подъ вліяніемъ мстительной идеи католическо-польской. Въ ней выразился духъ Вильменевскаго министерства. Источникъ для исторіи русской церкви у него Тейнеръ, писавшій се въ стѣнахъ римской пропаганды, во время возвращенія къ намъ уніатовъ. Чего же тутъ ждать добраго? Промаховъ и ошибокъ множество. Его бы можно было разгромить отвѣтомъ, но стоитъ ли труда? Я говорилъ съ нашими: они противъ отвѣта. Къ тому же французскіе писаки нынѣшней породы низки и мстительны. Онъ въ состояніи будетъ оклеветать кого-нибудь изъ ѣздившихъ съ нимъ къ Троицѣ. Я очень радъ тому, что не возилъ его. По впередъ урокъ для всѣхъ насъ, какъ поступать съ французами. Что ни говорите, а антипатія Запада къ намъ во всемъ обнаруживается. Я это замѣтилъ особенно во время второго моего путешествія. Разрывъ во всемъ долженъ непремѣнно послѣдовать. Чѣмъ болѣе слѣжу явленія западныя, тѣмъ становится для меня это очевиднѣе [17]).

Примите глубочайшую благодарность отъ Бодянскаго и отъ меня, приносимую нами отъ имени науки, за выручку книгъ его. Вы совершили тѣмъ великое благодѣяніе бѣдному ученому, у котораго одно внѣшнее сокровище—его словенская библіотека. Одинъ только ящикъ имъ не выученъ: вмѣсто своего онъ получилъ чей-то чужой. Вѣроятно, они были какъ-нибудь перемѣнены.

Въ правописаніи *этихъ*, *этими* виноватъ—я. Причина была мною выражена въ книгѣ моей: „Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи“ (то-есть, въ погрѣшностяхъ, къ ней приложенныхъ). Мнѣ казалось, что склоненіе мѣстоименія *этотъ* должно производиться по образцу его корня: *тотъ—тъ*, *тѣхъ*, *тѣмъ*, *тѣми*: ибо различіе ихъ въ одномъ только междометіи указательномъ *э*, которымъ выражается особенность мѣста. *Тотъ—этотъ* все то же, что́ *вотъ—эвотъ* (поэтизированное Пушкинымъ въ „Утопленникѣ“). Правда, что произносимъ мы *эти*, а не *это*. Но мы точно такъ же произносимъ (почти) *подити* вм. *подите* и вообще въ повелит. *ти* и *те* у насъ

на концѣ неясны, когда нѣтъ на нихъ ударенія. Мнѣ кажется, что правило орографіи тогда должно быть принято въ языкъ, когда оно ведетъ къ утвержденію единства формъ грамматическихъ, и особенно въ языкѣ русскомъ, гдѣ этого единства, какъ въ духѣ самаго народа, такъ мало. Вотъ мое основаніе. Впрочемъ основаніе, приведенное вами, также вѣрно. Оно меня поколебало въ моемъ грамматическомъ убѣжденіи. Я готовъ даже пожертвовать единствомъ правила грамматическаго въ пользу единства литературнаго, особенно въ наше время. Но прибавлю одно: это единство должно быть въ духѣ. А въ духѣ, вы знаете, какъ я уважаю всѣ сокровища литературы русской, намъ завѣщанныя нашими предшественниками. Скоро вы прочтете новую статью мою о томъ въ *Москвитянинѣ*, по случаю выхода одной негодной „Хрестоматіи“ *), въ которой вздумали ужь клеймить Ломоносова и Державина звѣздочками, точно какъ рабочихъ изъ смирительнаго дома означаютъ кругами мѣловыми. Моя историческая школа пускаетъ корни въ нашемъ университетѣ. Вотъ что пріятно мнѣ видѣть.

Продолжительная болѣзнь моя истощила много мои силы — и вотъ почему, возобновивъ университетскія занятія, я не могъ долго согласить съ ними занятій литературныхъ. Оттого и опоздалъ въ своихъ критикахъ. Что дѣлать? Всего не захватишь. Особливо же, помощниковъ нѣтъ. Всѣ наши измѣпились или изговорились. Вотъ почему опоздалъ и отвѣтами на многія письма. Ваши лежали у меня болѣе другихъ на сердцѣ, потому что съ вами я особенно люблю бесѣдовать. Вы для меня представитель такого средоточія, въ которомъ какъ въ фокусѣ я вижу соединеніе всѣхъ стихій нашей литературы. У васъ дружатся и сходятся въ одно всѣ наши преданія. О, какъ мнѣ жаль, что ваши занятія теперь не литературныя, какъ вы ко мнѣ пишете. Вы обладатель такихъ сокровищъ, которымъ цѣна послѣ узнается! Правда ли это, что вы будете у насъ нынѣшнимъ лѣтомъ, на время выставки? Я желалъ бы знать это вѣрнѣе, если только не нескромно съ моей стороны обратиться къ вамъ съ такимъ вопросомъ. Москва или Остафьево будетъ мѣстомъ вашего пребыванія?

*) Галахова. *Н. Б.*

Примите, князь, увѣреніе въ совершенномъ и глубокомъ уваженіи отъ преданнѣйшаго вамъ С. Шевырева.

Апрѣля 15. 1843. Москва.

Забылъ сказать вамъ по русскому обычаю: Христосъ воскресе!— Поздравляю васъ душевно съ свѣтлымъ праздникомъ.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ вашего гостинца *Москвитянину*.

8.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Профессоръ Бодянскій, столько благодарный вамъ за то содѣйствіе, которое вы оказали ему въ выручкѣ его славянской библіотеки, просилъ меня давно уже доставить вамъ его книгу: „Славянское народонаселеніе, вмѣстѣ съ картою племенъ Славянскихъ, нынѣ обитающихъ въ Европѣ“. Я до сихъ поръ не имѣлъ случая исполнить порученіе товарища, но теперь, пользуясь отъѣздомъ А. И. Кошелева въ Петербургъ, это исполняю. Вы получите книгу и карту надняхъ.

Примите мою душевную благодарность за память вашу обо мнѣ и о *Москвитянинѣ*, который очень доволенъ вашимъ гостинцемъ. Сочувствіе ваше намъ очень дорого. Сдѣлайте милость, указывайте намъ чаще, если что не такъ: это для насъ необходимо.

У меня есть до васъ покорнѣйшая просьба. Я увѣренъ, что вы не откажете въ содѣйствіи, потому что сами любите того человѣка, за котораго я васъ прошу. Это Н. Ф. Павловъ. Нѣсколько времени тому назадъ, князь Д. В. (Голицынъ) уговорилъ его вступить въ службу и далъ ему важное назначеніе. Ему порученъ надзоръ за ходомъ арестантскихъ дѣлъ. Теперь князь Щербатовъ*) представилъ его къ ордену, съ полученіемъ котораго сопряжены для него и для семейства его выгоды положительныя. Не для честолюбія ему нужно получить его. Службою своею, и прежнею и теперешнею, онъ совершенно этого достоинъ: съ утра до вечера ѣздитъ онъ по острогамъ, тюрьмамъ и смраднымъ частямъ, и конечно болѣе 200 человѣкъ неправо заключенныхъ обязаны ему

*) Алексѣй Григорьевичъ, Московскій генералъ-губернаторъ. *П. Б.*

свободою, счастіемъ жизни и помощью, съ тѣхъ поръ какъ онъ служитъ.

Въ успѣхѣ дѣла могутъ быть большія затрудненія, потому что у него нѣтъ ни пряжки, ни многихъ лѣтъ новой его службы, а къ тому же есть и повѣсти, которыхъ воспоминаніе могло не изгладиться,—слѣдовательно, нужно сильное ходатайство для успѣха.— Совершите доброе дѣло, князь: мы всѣ, друзья Павлова, будемъ умѣть цѣнить ваше содѣйствіе въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спокойствіе семьи его, и отъ души васъ о томъ просимъ. Самъ онъ о такомъ важномъ для него предметѣ никогда не заботился, да и теперь не заботится по своему характеру.

Представленіе пошло къ министру внутреннихъ дѣлъ 1-го февраля вмѣстѣ съ другими отъ генералъ-губернатора. Вѣроятно и министръ, еслибъ былъ увѣренъ въ справедливости награды, захотѣлъ бы сдѣлать добро такому человѣку, какъ Павловъ. Надѣюсь, что вы этой моею просьбой не поскучаете. Павлову самому бы слѣдовало къ вамъ писать, но ужь онъ на это не способенъ.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и душевной преданности. С. Шевыревъ.

1844. Февраля 16. Москва.

9.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Немедленно по полученіи вашего письма отправляю къ вашему сіятельству книгу А. Д. Черткова, который самъ вручилъ мнѣ этотъ экземпляръ для вашего сына [18]). Объ автографахъ вы писали къ Погодину, который объ нихъ хлопоталъ, я знаю, но вѣрно за недосугомъ не успѣлъ еще отвѣчать вамъ. Я займусь также этимъ дѣломъ и постараюсь скоро исполнить желаніе ваше.

Примите, князь, мою душевную благодарность за то искреннее участіе, съ какимъ вы приняли просьбу мою о П. Ф. Павловѣ. Я не сомнѣвался въ томъ; но васъ постоянно узнавать во всякомъ добромъ дѣлѣ—намъ особенно пріятно.

Ваши стихи украшаютъ 4-й нумеръ *Москвитянина*, который выйдетъ завтра. — Обращаюсь къ вамъ съ моею покорнѣйшею

просьбою, литературною: не покажется ли вамъ она слишкомъ смѣлою? — Мнѣ хотѣлось бы очень, и даже необходимо нужно, перечесть вашу біографію Фонъ-Визина. Не можете ли вы быть такъ великодушны: снабдить меня вашею рукописью на нынѣшнее лѣто? Не скрою отъ васъ цѣли, съ какою я желаю вновь прочесть ее. Будущею осенью мнѣ хотѣлось бы прочесть курсъ исторіи русской словесности публичный: вы знаете, какъ у насъ еще мало она разработана; но ваша біографія составляетъ такую значительную часть новаго періода. Разумѣется, я не воспользуюсь чужимъ трудомъ и буду ссылаться на своего автора. Между тѣмъ слѣдовало бы позаботиться и объ изданіи вашего труда: еслибы здѣсь нашелся охотникъ на такое изданіе, я взялся бы охотно быть вашимъ корректоромъ, разумѣется, на условіяхъ вашего правописанія.— Сдѣлайте милость, не откажите въ моей просьбѣ.—Нельзя ли еще имѣть какихъ-нибудь подробностей объ Карамзинѣ? Это было бы истинное для меня сокровище.—Неизвѣстно ли вамъ, куда поступилъ архивъ Державинскій? Я постоянно теперь занятъ почти однимъ предметомъ: исторіею нашей словесности. Надѣюсь, что этотъ трудъ положитъ конецъ пустымъ толкамъ и крикамъ безграмотныхъ крикуновъ журнальныхъ, которые довольно грязи наметали на монументальныхъ мужей нашей литературы.

Примите, князь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокой душевной моей преданности. С. Шевыревъ.

Апрѣля 14. 1844. Москва.

10.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Посылаю вашему сіятельству второй выпускъ моей книги *). Надѣюсь на ваше сочувствіе, которое мнѣ очень, очень дорого. Ѳ. И. Тютчевъ мнѣ передалъ, съ какимъ дружелюбнымъ вниманіемъ вы приняли первый. Прилагаемые два экземпляра прошу васъ покорнѣйше доставить, при случаѣ, В. А. Жуковскому и Н. В. Гоголю. Недавно я узналъ, что дошелъ до нихъ и первый

*) *Исторіи Русской Словесности. Н. Б.*

выпускъ. Вамъ я тѣмъ обязанъ. Примите мою душевную благодарность.

Недавно писалъ къ вамъ Драшусовъ о *Городскомъ Листкѣ*, къ разрѣшенію котораго вы много содѣйствовали. Присоединяю къ его просьбѣ мою просьбу, чтобъ вы поддержали новое предпріятіе и участіемъ вашимъ, и вашею литературною властію. Дайте намъ радость увидѣть ваше имя на первыхъ его страницахъ — и пригласите всѣхъ, кого заблагоразсудите. Предлагать Москвѣ насущную мысленную пищу—вотъ главная цѣль *Листка*. Благородный характеръ Драшусова ручается за то, что онъ соединитъ въ свою пользу голоса всѣхъ благомыслящихъ. Мы много на васъ надѣемся и на ваше вліяніе. Должно надѣяться, что это предпріятіе будетъ удачно, потому что издатель съ дарованіями, свѣдѣніями, и отдаетъ всего себя одному дѣлу, чего намъ въ Москвѣ до сихъ поръ недоставало. *Москвитянинъ* былъ только эпизодомъ въ занятіяхъ Погодина и моихъ. Теперь я не могу въ немъ принимать участія. Возстановить его можетъ только Чижовъ *), на котораго я полагаю большую надежду въ будущемъ. Онъ одинъ можетъ создать журналъ въ нашемъ духѣ и направленіи. *Листокъ* же да будетъ его предвѣстникомъ.

Примите, князь, чувства моего глубокаго уваженія и душевной преданности. С. Шевыревъ.

Москва. 21 августа. 1846.

11.

Милостивый государь Петръ Андреевичъ!

П. А. Плетневъ увѣдомилъ меня, что вамъ уже извѣстно наше горе. Утрата за утратою въ литературѣ, а полынь растетъ и процвѣтаетъ. Я боялся писать вамъ объ смерти Языкова, чтобы не вдругъ сообщить вамъ эту вѣсть. Мы просили издателя *Вѣдомостей* повременить увѣдомленіемъ. Сегодня и завтра будетъ напечатана въ *Листкѣ* моя статья объ немъ. Я пришлю вамъ ее и въ особомъ оттискѣ, съ другимъ экземпляромъ для В. А. Жуковскаго. Читая теперь публичный курсъ исторіи поэзіи, я хотѣлъ

*) Ѳедоръ Васильевичъ. *Н. Б.*

первую лекцію послѣ вакаціи посвятить памяти Языкова и разбору его стихотвореній: такъ какъ это не входитъ въ программу моего курса, одобренную начальствомъ, я предварилъ о томъ попечителя *), но попечитель мнѣ того не позволилъ, находя это неприличнымъ, неумѣстнымъ и дурнымъ примѣромъ для будущихъ временъ.

Спѣшу отвѣчать вамъ на предложеніе, близкое вашему сердцу. Я уже слышалъ объ немъ отъ княгини Н. Б. Трубецкой и отъ А. Т. Аксакова. Просьба ваша, по искреннему уваженію, которое я къ вамъ питаю, всего болѣе можетъ склонить меня къ согласію въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но рѣшительно я могу изъявить это согласіе, во 1-хъ) когда увижусь съ г. Лодомирскимъ и узнаю его сына, 2) когда г. Лодомирскій взглянетъ самъ на устройство моего дома и узнаетъ дѣтей моихъ, 3) когда я узнаю, въ какой степени сынъ г. Лодомирскаго приготовленъ былъ до сихъ поръ и будетъ ли возможность моему сыну идти съ нимъ ровно въ занятіяхъ и ему съ моимъ сыномъ? 4) если г. Лодомирскій согласится, чтобы сынъ его послѣдніе три года передъ вступленіемъ въ университетъ провелъ въ гимназіи, живучи все-таки у меня. Это я считаю совершенно необходимымъ и такъ готовлю моего сына.—Что касается до условій денежныхъ, то считаю обязанностью сказать ихъ искренно: менѣе 1,500 р. с. я не могу опредѣлить на это, судя по дороговизнѣ средствъ нашихъ. Я долженъ буду умножить плату учителямъ, взять еще новыхъ и устроить постоянныя, ежемѣсячныя испытанія. Мой сынъ занимается и со мною, и около меня. Съ постороннимъ не вдругъ устроишь это. Отвѣтственность за чужого, по моему характеру, для меня важнѣе отвѣтственности за собственнаго, въ котораго кладешь свой духъ, свой примѣръ, незамѣтно. Съ пришлымъ въ началѣ нужны другія средства.

Если вамъ и родственникамъ вашимъ понравятся мои мысли и мы во всемъ сойдемся, я соглашусь. Радъ буду случаю чѣмъ-нибудь доказать вамъ на дѣлѣ мою преданность [19]).

Примите, князь, чувство моего душевнаго почтенія и всегда искренней преданности. С. Шевыревъ.

1847. Января 8.

---

*) Графъ С. Г. Строгановъ. *И. Б.*

Въ нынѣшнемъ году юбилей В. А. Жуковскаго. Онъ соединяется прекрасно съ семисотлѣтіемъ Москвы. Надобно бы праздновать за-одно питомца и кормилицу.

12.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Извините меня великодушно, что нѣсколько дней замедлилъ отвѣтомъ на ваше письмо. Справка была тому причиною. Въ правленіи университетскомъ отыскали мнѣ наконецъ, что статскій совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Іовскій живетъ въ Орловской губерніи въ Ливенскомъ уѣздѣ, въ своей деревнѣ. Братъ его юристъ Петръ Алексѣевичъ, не при университетѣ, а имѣетъ гдѣ-то свой домъ, какъ мнѣ говорили, но это едва ли вѣрно. Если вамъ и братъ нуженъ, я постараюсь и его отыскать.

Благодарю васъ отъ всей души за сообщеніе пріятныхъ словъ изъ письма Титова о статьѣ моей. Да, жаль мнѣ было нашего старичка. Цензура не позволила мнѣ похвалить его какъ цензора Карамзина: видите ли, какъ она у насъ ревнива. Сожалѣю очень, что мнѣ неизвѣстны были подробности объ отшельнической жизни Жуковскаго и вашихъ съ нимъ утреннихъ свиданіяхъ. О домикѣ своемъ, гдѣ онъ жилъ, говорилъ онъ мнѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ въ пріѣздъ великаго князя наслѣдника осматривали наше пепелище *); но это былъ рядъ разочарованій. Тогдашній директоръ не могъ показать и золотой доски Жуковскому, потому что отдалъ ее подновить, а уставъ литературнаго общества, Жуковскимъ основаннаго, уже не существовалъ. Не могу не вспомнить грустнаго вопроса, который Василій Андреевичъ сдѣлалъ директору, когда уже обошли до конца все зданіе: „А гдѣ тутъ въ старину была доска, на которой было, кажется, написано и мое имя?“ — Бѣдный директоръ, уже заранѣе объявившій мнѣ на мой вопросъ, что доска у мастера, который ее поновляетъ, не зналъ, куда дѣваться.—Такъ уважаютъ у насъ преданія [20]).

Не знаю, достигъ ли до васъ первый нумеръ *Москвитянина*.

*) То-есть, зданіе Дворянскаго Института, гдѣ помѣщался нѣкогда Университетскій Благородный Пансіонъ, директоромъ котораго былъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій. *Н. Б.*

Ростопчинъ неподражаемо хорошъ въ своихъ „Запискахъ о Пруссіи“. Разбору „Одиссеи“ я посвящу нѣсколько статей.—Сердитъ я очень на нашу публику. Она изъ рукъ вонъ. Представьте, что до сихъ поръ въ Москвѣ разошлось только 80 экземпляровъ новыхъ стихотвореній Жуковскаго (въ конторѣ *Москвитянина*). Петербургскіе журналы достигаютъ цѣли. Они образовали и настроили вкусъ публики такъ, что „Одиссея“ Жуковскаго ей не можетъ нравиться. Нѣчего сказать: съ такою литературой, какъ литература *Отечественныхъ Записокъ* и *Современника* съ *Сѣверною Пчелою* въ придачу, мы далеко уйдемъ во вкусѣ и въ образованіи. Работали, трудились со временъ Петра Великаго и дошли до того, что Краевскіе, Булгарины, Некрасовы и Панаевы сдѣлались образователями современнаго русскаго человѣчества. При такихъ двигателяхъ образованія, какъ быть Жуковскому съ своею „Одиссеею“ и съ своимъ „Рустемомъ“? Будутъ ли его слушать? Это и грустно, и больно. Мнѣ утѣшительно одно только, что въ числѣ первыхъ и главныхъ покупателей „Одиссеи“ было много студентовъ университета, и студентовъ—бѣдныхъ, которые трудовыя деньги отдавали за „Одиссею“. Къ ея выходу кстати мнѣ пришлось говорить о Гомерѣ. Я посвятилъ „Одиссеи“ нѣсколько лекцій, и моя аудиторія наполнялась студентами изъ другихъ факультетовъ. Вотъ что̀ утѣшаетъ меня нѣсколько за невѣжественную публику, которую достойно себя воспитали петербургскіе журналы.

Пріятно явленіе русскихъ пословицъ, изданныхъ Снегиревымъ. Русскій умъ такъ и кипитъ здѣсь. Какъ онъ разнообразенъ и важенъ, и забавенъ, и простодушенъ, и хитеръ! Это чтеніе изъ самыхъ занимательныхъ. Это должна быть книга настольная у всякаго русскаго человѣка.

Примите, князь, мою душевную благодарность за всѣ ваши добрыя желанія мнѣ на новый годъ. Примите и мои. Да пошлетъ вамъ Богъ и здоровья и силъ для полнаго счастія вашего и на пользу русскому слову.

Погодинъ и Гоголь усердно благодарятъ васъ за память.

Съ чувствами искренняго уваженія неизмѣнной преданности всегда вашего сіятельства покорнѣйшій слуга. С. Шевыревъ.

Января 11. 1849. Москва.

13.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Позвольте мнѣ поручить вашему вниманію извѣстнаго слѣпца—математика, Михаила Алексѣевича Серебрякова, съ которымъ вы, можетъ быть, уже нѣсколько знакомы по статьямъ *Москвитянина* и по книгѣ моей: „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь". Онъ своимъ умомъ, образованіемъ и христіанско-русскимъ направленіемъ вполнѣ достоинъ вашего участія.

Мы всѣ, ваши почитатели, душевно благодаримъ васъ за прекрасные стихи ваши и за статью Батюшкова. На такихъ явленіяхъ отдыхаешь сердцемъ въ засуху русскаго слова.

Публичныя лекціи университета соединяютъ все московское общество, которое обнаруживаетъ къ нимъ вниманіе просвѣщенное и добросовѣстное. Атмосфера жизни свѣтской очищается мыслію и словомъ науки. Это явленіе для насъ особенно отрадное. Въ прошломъ году, въ теченіе великаго поста, Москва была занята ужасною исторіею Зыкова. Въ нынѣшнемъ предметъ разговоровъ общественныхъ содержаніе публичныхъ чтеній университета.

Доходятъ до насъ пріятные слухи, что будущимъ лѣтомъ вы посѣтите Москву, и что Астафьево не будетъ уже отвѣчать своему имени. Желаемъ отъ души, чтобы эти слухи оправдались.

Примите, князь, чувства моего искренняго почтенія и душевной преданности. С. Шевыревъ.

Марта 16 1851. Москва.

14.

Душевно уважаемый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Прошу у васъ великодушнаго извиненія, что опоздалъ отвѣтомъ на письмо ваше, полученное мною черезъ Л. В. Ефремова. Все ожидалъ случая. Пріятели уѣзжали изъ Москвы внезапно, не сказавшись мнѣ. Это письмо вручаю племяннику покойнаго Гоголя, Николаю Павловичу Трушковскому, и прошу усердно вашей помощи и содѣйствія ему при изданіи полныхъ сочиненій его дяди. Этотъ молодой человѣкъ посвятилъ себя его памяти и своими

умственными и нравственными качествами достоинъ полнаго сочувствія.

Порученіе ваше касательно добраго пастыря духовнаго и баснописца Луки Васильевича было мною исполнено въ отношеніи къ знакомому мнѣ кругу московскаго общества. Я далъ ему нѣсколько адресовъ и рекомендаціи, въ которыхъ ссылался на васъ. Старецъ, кажется, былъ доволенъ московскимъ пріемомъ. Одного не могъ я сдѣлать: замолвить объ немъ слово въ газетахъ. Этому, къ сожалѣнію, есть причины.

Вы отгадали, князь, что я мыслію и чувствомъ привѣтствовалъ васъ на новомъ вашемъ поприщѣ *). Ваше назначеніе было для меня однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ событій въ движеніи современнаго просвѣщенія, которыми постоянно веселитъ наше сердце нашъ добрый и мудрый государь. Я все собирался писать къ вамъ, но вы были такъ ко мнѣ милостивы, что меня предупредили. Соборному посланію вашему мы единодушно сочувствовали. Благодаримъ васъ за то, что вы, слѣдуя русскому обычаю, прежде всего сочлись духовнымъ родствомъ съ Московскимъ университетомъ. Мысль о просвѣщеніи, которымъ вы заключили посланіе, должна быть основною или точнѣе руководительною нашею мыслію во всемъ обширномъ кругѣ воспитанія и ученія.

Допущеніе неограниченнаго числа студентовъ возвратило намъ довѣріе государя и возвысило въ насъ духъ. Назначеніе графа Дмитрія Николаевича **) президентомъ Академіи Наукъ возбудило новыя прекрасныя надежды для наукъ вообще, для меня лично. Основаніе двухъ журналовъ въ Москвѣ ***), есть также одно изъ утѣшительныхъ событій, обѣщающихъ плоды въ будущемъ. За многое, за многое отъ глубины души спасибо Аврааму Сергѣевичу.

Но кого дадите вы намъ во главу московскаго просвѣщенія, послѣ добраго Владиміра Ивановича? ****). Москва стращала насъ Мусинымъ-Пушкинымъ *****), и теперь говорятъ, что государь свою

*) Товарища министра народнаго просвѣщенія. *Н. Б.*

**) Блудова. *П. Б.*

***) *Русскаго Вѣстника* и *Русской Бесѣды*. *Н. Б.*

****) Назимова. *П. Б.*

*****) Михаила Николаевича, попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. *П. Б.*

милостію и любовію спасъ отъ него Московскій университетъ. Отчего, подобно Михаилу Никитичу Муравьеву, не соединить вамъ въ лицѣ своемъ товарища министра и попечителя Московскаго университета? Московскій округъ треть всей области министерства просвѣщенія.

Мы ждали васъ осенью и въ началѣ зимы, ждемъ и теперь. Хотѣлось бы многое передать вамъ лично, въ бесѣдѣ искренней. Прошу у васъ позволенія сообщать вамъ хотя изрѣдка мои думы о нашемъ общемъ святомъ дѣлѣ.

Каткову я передалъ содержаніе вашего письма, которое его касалось. Къ сожалѣнію, я съ нимъ не въ короткихъ сношеніяхъ. Онъ у меня не бываетъ. Руководства никакого я предложить ему не могу. Скажу искренно, что программа его журнала духомъ самонадѣянности мнѣ не полюбилась. Карамзинъ, собираясь издавать *Вѣстникъ Европы*, объявилъ, что не намѣренъ учить, а только занимать публику. „Вносить свѣтъ въ дѣло, устанавливать здравый смыслъ во взглядѣ на вещи, давать направленіе литературѣ, создавать таланты“, объ этомъ не объявляютъ, если бы даже и думали идти на такіе подвиги. Но я надѣюсь и увѣренъ, что журналъ Каткова будетъ лучше его программы.—Не скрою того, что Катковъ виноватъ предъ университетомъ въ томъ, что хотѣлъ отнять у него столѣтнюю его привилегію на изданіе политической газеты и лишить его значительной части его доходовъ и средствъ содержать обширную типографію. Въ Петербургѣ онъ хотѣлъ огласить интригою противъ него единодушное дѣйствіе университета, поднявшагося на защиту столѣтняго его права. Бумагу, по порученію ректора, писалъ я открыто: она привлекла мнѣ всеобщее сочувствіе и благодарность. Если отнять у Московскаго университета исключительное право на газету, то надобно отнять календарь и газету у Академіи Наукъ. Уступка частныхъ афишъ въ пользу *Полицейскихъ Вѣдомостей*, сдѣланная въ министерствѣ графа Уварова графомъ Строгановымъ, намъ стоила 15 тыс. р. с. ежегоднаго убытка, а при распространеніи торговли и промышленности въ Москвѣ этотъ убытокъ ежегодно умножается. Не понимаю этого чувства, которое влечетъ—у своего отца и воспитателя, какъ нашъ университетъ есть для всѣхъ насъ, отнимать данныя ему государями права, коими утверждается его благоденствіе.

Недавно нашъ университетъ, какъ сословіе ученое, былъ оскорбленъ назначеніемъ въ редакторы *Вѣдомостей* Корша *). Это молодой человѣкъ, весьма трудолюбивый, но неопытный, недавно вставшій со студенческихъ лавокъ и нисколько неспособный быть центромъ литературной дѣятельности университета. Авраамъ Сергѣевичъ предоставилъ назначеніе правленію. Избраніе пало на профессора Лешкова, который соединялъ всѣ голоса и возбуждалъ сочувствіе всѣхъ партій, по своему мягкому характеру, по своимъ ученымъ и нравственнымъ достоинствамъ. Министръ и попечитель изъявили предварительное согласіе. Представленіе сдѣлано и не уважено. Профессору предпочтенъ молодой человѣкъ, который могъ бы остаться помощникомъ редактора. Какъ это теперь университетская газета сдѣлается органомъ сословія университетскаго, когда его мнѣніемъ, при назначеніи редактора, такъ мало дорожитъ начальство, само же вызвавшее его на это мнѣніе? Разнесся слухъ, что будто бы Коршъ обязанъ своимъ назначеніемъ ходатайству Кавелина **) у великой княгини Елены Павловны; но я не хочу тому вѣрить.—*Московскія Вѣдомости*, при такомъ редакторѣ, не могутъ быть органомъ университетскаго сословія—и это жаль при политическихъ обстоятельствахъ нашего времени.

Но я боюсь утомить ваше вниманіе.

Примите, князь, мое душевное поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Рождества Христова и чувства моего глубочайшаго уваженія и постоянной преданности. С. Шевыревъ.

Декабря 22 1855. Москва.

15.

Душевно уважаемый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Примите сердечную мою благодарность за вашъ прекрасный гостинецъ, за шестъ царскихъ стихотвореній. Любовь и скорбь слились въ душѣ вашей въ одно изящное чувство—и послужили для нихъ вдохновеніемъ. Со времени Жуковскаго мы не читали такихъ стиховъ. Онъ завѣщалъ вамъ свои чувства и свою лиру. *18 февраля.*

---

*) Валентина Ѳедоровича. *Н. Б.*

**) Константина Дмитріевича. *Н. Б.*

17 апрѣля—мнѣ напомнило строй Посланія къ Императору Александру. „Императоръ умираетъ и прощается съ Москвой“—въ этомъ стихотвореніи вы отгадали то чувство, которое прожила бы Москва, если бы его у нея не отняли. Не понимаю, почему отъ нея скрыли и послѣднее повелѣніе умиравшаго царя, и предсмертное его прощаніе съ нею въ самую минуту этого прощанія. Какое бы прекрасное событіе записала она въ своихъ лѣтописяхъ! Зачѣмъ бояться этихъ святыхъ чувствъ, которыми жива и сильна Россія, и не питать ихъ въ народѣ. Вы въ поэзіи сохранили высокое чувство императора и отгадали тотъ отголосокъ Москвы, который былъ бы, еслибъ телеграфъ покорился послѣднему манію царской воли. Благодарю, благодарю васъ за утро, которое провелъ я, оглашая свой кабинетъ гармоніей стиховъ вашихъ и отзываясь вамъ сердцемъ и слезами. Экземпляры княгинѣ Голицыной *), Погодину и въ библіотеку университета мною доставлены [21]).

Это письмо я поручаю Каэтану Андреевичу Коссовичу. Надѣюсь, что графъ Дмитрій Николаевичъ васъ познакомилъ съ нимъ. Графъ и графиня давно уже знаютъ въ немъ и отличнаго ученаго, и прекраснаго человѣка. Коссовичъ долженъ быть вамъ извѣстенъ. Онъ живетъ для науки и для добрыхъ дѣлъ. Авраамъ Сергѣевичъ обѣщалъ ему каѳедру санскритскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ; но къ сожалѣнію не далъ, а, какъ слышно, предложилъ нашему Петрову [22]), которому здоровье едва ли позволитъ принять ее въ сѣверной столицѣ. А между тѣмъ зачѣмъ же филологическій факультетъ въ Москвѣ лишится санскритской каѳедры, которая составляетъ одно изъ необходимыхъ основаній современной филологіи? Какъ жаль, что доброе и недавнее насажденіе вдругъ исторгается!

Благодаримъ васъ за то, что вы насъ успокоили. Мы впрочемъ не вѣрили клеветѣ, пущенной по городу злыми языками. Ваши слова насъ совершенно успокаиваютъ касательно будущихъ надеждъ университета [23]). Дѣло редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* такъ испорчено, что я не предвижу способа, какъ его исправить. Профессорамъ нѣтъ физической возможности участвовать въ изданіи. Для того, чтобы напечатать по просьбѣ же редактора рѣчь, сказанную мною

*) Анна Матвѣевна, рожденная Толстая. *И. Б.*

оставлявшему насъ попечителю, я долженъ былъ провести безсонную ночь въ университетской типографіи, и еслибъ самъ не пріѣхалъ туда въ полночь, рѣчь напечатана была бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ смысла... Редакторъ такъ неопытенъ, что не умѣетъ сказать одушевленно двухъ словъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ событіи общественной жизни. Совѣстно читать, какъ описанъ пятидесятилѣтній юбилей Общества Испытателей Природы. Ни совѣтъ, ни правленіе, ни профессора не вступаются въ дѣла редакціи—и я не понимаю, почему университетъ печатаетъ, что газета издается имъ, а не просто редакторомъ.

Когда-то мы дождемся васъ? Ваше пребываніе здѣсь соединило бы около васъ всю литературную Московскую братію и было бы для нея живительнымъ и миротворнымъ средоточіемъ. Со времени И. И. Дмитріева мы не имѣли здѣсь такого центра. Я все надѣялся на пріѣздъ В. А. Жуковскаго, но судьбѣ не угодно было. Вы москвичъ искони: на васъ надежда.

Примите, князь, чувство неизмѣннаго уваженія и душевной преданности. С. Шевыревъ.

Января 4 1856. Москва.

16.

Москва. Марта 10 1856.

Душевно уважаемый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Крокидасъ мнѣ вручилъ ваше письмо. Все, что отъ меня зависѣло и что можно было сдѣлать въ короткое время, я для него сдѣлалъ. Я представилъ его графу А. А. Закревскому, который самъ подписался на 3 экземпляра, доставилъ 6 подписчиковъ и обѣщалъ продолжить подписку послѣ. Митрополитъ, по болѣзни, не могъ принять Крокидаса, но подписался на 4 экземпляра. Отъ вашего имени я представилъ его князю Н. И. Трубецкому и князю Л. М. Голицыну, которые также подписались. До 25 подписчиковъ онъ нашелъ въ Москвѣ. Но время было слишкомъ коротко. Что касается до ученой братіи, то, кромѣ медиковъ, это по большей части люди бѣдные и многосемейные. Между ними подписчиковъ найти трудно. Хорошо бы было, еслибъ правительство позволило открыть

подписку публичную и напечатать о томъ статью. Я надѣюсь, что въ разныхъ концахъ Россіи нашлись бы подписчики [24]).

Москва провела недѣлю историческую, встрѣчая и угощая черноморцевъ и армейскихъ защитниковъ Севастополя. Всѣ эти дни описаны. Конечно, во всей Россіи отзовется пріемъ, сдѣланный Москвою нашимъ героямъ. Но странно, что *Академическія Вѣдомости* въ Петербургѣ не хотятъ передавать Россіи подробности о пирахъ московскихъ, а наши *Университетскія* печатаютъ или лучше перепечатываютъ статьи изъ *Полицейскаго Листка*, единственно по приказанію графа А. А. Закревскаго, въ своемъ фельетонѣ давая знать, что дѣлаютъ это неохотно. Я рѣшительно не понимаю, почему гг. Краевскому и Коршу вручили Академія и Московскій университетъ свои мысли, чувства, образъ мыслей, воззрѣнія на науку и искусство, и почему выраженіе любви къ отечеству нашей древней столицы должно подчиняться волѣ гг. Краевскаго и Корша? Я рѣшительно этого не понимаю и думаю, что такое положеніе нашихъ газетъ не совсѣмъ нормально [25]).

Вы спрашиваете меня, отъ чего я не являюсь въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и не берегу ли я себя для *Русской Бесѣды?* Все время, свободное отъ занятій въ университетѣ, я отдаю теперь главному труду моему: Исторіи русской словесности. Одни только защитники Севастополя могли отвлечь меня на время. Скоро надѣюсь я всего себя отдать этому труду. Вотъ мой планъ, который ввѣряю я вашему вниманію и участію. 27-го марта мнѣ выходитъ 25-ти лѣтняя пенсія. Я желаю оставить университетъ и посвятить себя труду академическому. Не съ тѣмъ я оставляю его, чтобы не служить: напротивъ болѣе чѣмъ когда-нибудь я отдамъ себя наукѣ. У меня матеріаловъ множество, а времени нѣтъ дать имъ форму, особливо занимая двѣ каѳедры: словесности и педагогіи. Я буду просить васъ, министра и графа Дмитрія Николаевича, чтобы опредѣлили мнѣ жалованье академическое при выслуженной мною пенсіи. Освободившись отъ всѣхъ другихъ занятій, я исключительно посвящу себя наукѣ—и въ теченіе немногихъ лѣтъ, если благословитъ меня Богъ, надѣюсь издать нѣсколько небезполезныхъ книгъ—и прежде всего Исторію русской словесности. Жить я желаю въ Москвѣ, а наѣзжать буду въ Петербургъ, для работъ въ библіотекахъ. Много надѣюсь я на

вашу помощь и содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, которому я рѣшился посвятить всѣ свои силы, *во что бы то ни стало*. Вѣрьте, что я не бѣгу отъ службы: напротивъ, дѣятельнѣе чѣмъ когда-нибудь я буду служить государю и Россіи. Чувствую, что мысли мои для того созрѣли. Если правительство поможетъ мнѣ жалованьемъ академическимъ, оно облегчитъ мнѣ трудъ. Если нѣтъ, хоть тяжело будетъ, буду землю пахать одною рукою, а другою писать. Рѣшеніе мое оставить университетъ и быть дѣятельнымъ академикомъ непзмѣнно. Вы не повѣрите, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю того дня, когда я въ кабинетѣ своемъ отдамъ всего себя труду любимому. Академическій годъ, разумѣется, я довершу [26]). Срокъ пенсіи моей вышелъ еще 27 сентября, но канцелярія министерства у меня отняла несправедливо 6 мѣсяцевъ. Я имѣю свидѣтельство отъ Д. П. Северина въ томъ, что это напрасно. Но виноватъ, что не проспалъ прежде. Теперь уже и эти 6 мѣсяцевъ выслужилъ. Силы мои, слава Богу, еще при мнѣ. Университетскій юбилей поубавилъ ихъ: послѣдніе два года мнѣ обошлись дорого. Но надѣюсь на милосердіе Божіе. Наука, словесность, семья, пенсія и свобода—если Богъ благословитъ еще нѣсколькими годами жизни—я оставлю по себѣ что-нибудь Отечеству. Вотъ рѣшеніе, отъ котораго я не отступлю. Если вы поможете мнѣ его исполнить, буду всегда цѣнить ваше добро.

Примите, князь, чувство моего глубокаго уваженія и душевной преданности. С. Шевыревъ.

17.

Душевно любимый и уважаемый князь Петръ Андреевичъ!

Сегодня я пишу къ Аврааму Сергѣевичу и посылаю ему статью съ просьбою приказать напечатать ее въ *С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ*, которыя разбранили меня за мой привѣтъ черноморцамъ, защитникамъ Севастополя. Я увѣренъ въ добромъ сердцѣ и въ добромъ расположеніи ко мнѣ Авраама Сергѣевича, но не увѣренъ въ чиновникахъ, его окружающихъ, а потому становлюсь подъ вашу эгиду и надѣюсь, что вы отведете отъ меня всякую непріятность. Прежде позволенія не было въ газетахъ, академической и университетской, какъ на большихъ, столбовыхъ ли-

тературныхъ дорогахъ, нападать маскированнымъ критикамъ на кого бы то ни было, насмѣшками и бранью: теперь г. Краевскій извѣстный кондоттіери Гаспароне въ русской словесности, вводитъ этотъ обычай въ академическія вѣдомости, не знаю, на какомъ основаніи. Онъ, вѣроятно, находитъ опору во многихъ лицахъ въ канцеляріи министерства. Онъ нападаетъ уже на академиковъ и профессоровъ, дослужившихся до пенсіи. Погодинъ и я служимъ ему постоянною мишенью, и все, вѣроятно, потому что Авраамъ Сергѣевичъ по недосугамъ не заглядываетъ никогда въ академическія вѣдомости [27]).

Г. Коршъ также весьма благоугодно распоряжается въ газетѣ университетской. Въ кои-то вѣки русскіе люди, внявъ давнему голосу Карамзина, объявили, что они постараются представить посильное русское воззрѣніе на науку и искусство. Кажется, должно бы было поблагодарить ихъ—и даже, въ случаѣ недовѣрія къ нимъ, сказать только: подождемъ—что они скажутъ?—Нѣтъ, г. Коршъ въ газетѣ, издаваемой отъ Московскаго университета, рѣшительно объявляетъ, что русскаго воззрѣнія въ наукѣ и искусствѣ и быть не можетъ, а должно существовать одно европейское. Да развѣ русское не европейское? Коршъ выгоняетъ насъ изъ Европы. Карамзинъ въ 1802 году говорилъ: „Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою?“ Кому не обидно походить на Даланбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ. Со 1802 года мы недалеко ушли. Но что дѣлать? Состоимъ подъ опекой Корша, который не позволяетъ намъ смѣть думать о внесеніи русскаго воззрѣнія въ науку и искусство.

Но будемъ надѣяться, что русскій духъ устоитъ не смотря на всѣ препятствія, какія ему полагаются.

Сегодня исполнился срокъ моей пенсіи. Радуюсь душевно, что Богъ благословилъ меня остаться столько лѣтъ на одномъ и томъ же поприщѣ и сохранилъ мнѣ силы для его продолженія. Отъ сердца благодарилъ я Бога. Впереди у меня надеждъ много. Я готовъ къ новой, но кабинетной дѣятельности. Повторяю мою просьбу къ вамъ. Дайте мнѣ свободу, академическое кресло съ жалованьемъ— и я еще поработаю. Работы всѣмъ много въ Россіи, а тому, кто

не переставалъ работать головою, еще болѣе. Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего отголоска на мои новые планы [28]).

Примите, князь, чувство моего душевнаго уваженія и преданности. С. Шевыревъ.

Марта 27 1856. Москва.

18.

Душевно уважаемый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Примите мое отвѣтное: воистину воскресе!

Пишу къ вамъ, воротясь отъ обѣдни, въ недѣлю о разслабленномъ. Послѣднія слова читаннаго евангелія: *Іисусъ есть, Иже мя сотвори цѣла*, еще отдаются и въ душѣ моей, и въ ушахъ. Этотъ день мнѣ памятенъ въ семейной моей жизни: съ него началось исцѣленіе моей дочери, которая была больна смертельно. Прошлаго года, въ этотъ день, я лежалъ самъ разслабленнымъ, безъ движенія отъ жестокаго ревматизма. Недѣля о разслабленномъ приходилась 17-го апрѣля. Россія въ первый разъ праздновала день рожденія вступившаго на престолъ государя въ это воскресенье. Недвижимый ни руками, ни ногами, я молился душою вмѣстѣ со всѣми моими соотчичами за него — и потомъ думалъ, отчего же это пришлось въ такое воскресенье, въ недѣлю о разслабленномъ, праздновать намъ въ первый разъ день рожденія нашего государя и молиться за него и за его Россію въ такой день? Нѣтъ ли тутъ тайнаго знаменованія? Можетъ быть, это былъ бредъ моей болѣзни, но вотъ что мнѣ думалось:

Разслабленный исполинъ—наша Россія. Не страдаетъ ли она отсутствіемъ связи въ частяхъ своихъ? Члены ея огромны; но бываетъ, что уста требуютъ пищи, въ рукѣ много хлѣба, а нѣтъ сообщенія между рукою и устами. Впрочемъ необходимость внѣшнихъ связей и сообщеній уже признана теперь— и когда разслабленный членами исполинъ свяжетъ внутренними мышцами и связками въ одно великій организмъ свой, тогда процвѣтетъ здоровьемъ, и крѣпость его будетъ несокрушима.

Но есть еще другая связь, связь внутренняя, духовная. Ослабленіе этой связи могло бы еще болѣе повредить нашему исполину,

чѣмъ недостатокъ внѣшнихъ сообщеній. А много элементовъ разъединенія вошло въ нашу Россію. Управленія въ частяхъ своихъ слишкомъ раздѣльны и нерѣдко не признаютъ другъ друга. Все то, что̀ можетъ служить къ животворному соединенію частей въ одно цѣлое—все это благо въ нашемъ отечествѣ; все разлагающее и отдѣляющееся для него пагубно. Богъ послалъ намъ государя съ нѣжнымъ и добрымъ сердцемъ, исполненнаго любви и миротворной силы. Да поможетъ же ему Богъ дѣйствовать во имя этой силы и соединить и внѣшніе, и внутренніе составы исполинскаго его царства и народа союзомъ жизни и любви.

Но только Іисусъ можетъ сотворить Россію внутренно цѣлою. Въ великіе дни ея жизни Онъ соединялъ ее. *Богъ Слово коснулся сердецъ всѣхъ православныхъ христіанъ* сказано въ грамотѣ избранія на царство царя Михаила Ѳеодоровича о времени междуцарствія. Призывать и вызывать Его силу надобно въ дѣлѣ великомъ единенія и оживленія всѣхъ силъ отечества. А вѣдь эта сила въ насъ есть и можетъ воскреснуть въ душахъ самыхъ мертвыхъ. Безъ нея не долженъ рѣшаться ни одинъ вопросъ государственный, и самые важные, съ ея помощью, могутъ быть рѣшены легко и благотворно. Самого царя въ Россіи я иначе не могу себѣ представить какъ олицетвореніемъ этой миротворной и животворной силы. Управленіе, гдѣ нѣтъ ея, мертвѣетъ, цѣпенѣетъ, превращается въ форму.

Другіе сказали бы, что я замечтался. Но вы этого не скажете. Вашей душѣ доступны такія мысли и чувства: для васъ они не мечта.

Примите мою душевную благодарность за то, что вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ, а ободрили меня надеждою. То, что̀ вы сказали въ письмѣ вашемъ о попечителѣ, вновь назначенномъ, принесло мнѣ душевную радость. Дай Богъ университету дѣятельнаго и просвѣщеннаго начальника! [29]) Московскій университетъ существуетъ для меня помимо всѣхъ нашихъ личностей, включая въ нихъ и мою собственную. Онъ переживетъ многіе фазисы, а идея его останется всегда великою и святою. Въ немъ выработается наука такъ, какъ она должна выработаться въ жизни русской. Вышедъ изъ университета, я душою, а не формою, еще болѣе

буду съ нимъ и въ немъ. Жажду кабинетнаго труда, продолженія моей книги. Буду предлагать печатные курсы вмѣсто изустныхъ, болѣе обдуманные и прочные. Напечатаніемъ моего отвѣта въ *Академическихъ Вѣдомостяхъ* я обязанъ вамъ и графу Дмитрію Николаевичу. Сердце мое чуяло, что только въ васъ я найду опору. Примите мою глубочайшую благодарность. Авраамъ Сергѣевичъ обратилъ мнѣ назадъ двѣ другія мои статьи: „29 марта въ Москвѣ“ и рѣчь мою графу Остенъ-Сакену, которыя я было послалъ ему съ просьбою напечатать ихъ въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія* [30]).

Много насмѣшило меня сравненіе газетъ академической и университетской съ землями безпечныхъ помѣщиковъ, отдаваемыми въ аренду. Но позвольте вступиться за своихъ товарищей, членовъ университета: мы готовы были за газету взяться и не отдавать ее въ аренду, но у насъ отняли ее насильно—и мы въ томъ не виноваты [31]).

Бродяга переписывается для васъ. Этимъ я обязанъ Ольгѣ Оедоровнѣ Кошелевой, которая одна владѣетъ полнымъ экземпляромъ. У самого автора нѣтъ: я спрашивалъ — и онъ указалъ на этотъ. Когда будетъ переписанъ, немедленно свѣрю съ подлинникомъ и вамъ доставлю [32]).

Вами упоминаемыя *родники* на лицѣ Москвы всѣмъ полюбились, кому я не называлъ ихъ. Да, пусть бы эти родники такъ и оставались: что ихъ трогать! А все недостатокъ миротворнаго начала тревожитъ насъ. Все онъ мѣшаетъ [33]).

Какое доброе направленіе обѣщаетъ *Русская Бесѣда!* Сколько въ ней прекраснаго и дѣльнаго! Какъ благодарны мы всѣ правительству, что мыслямъ данъ просторъ, что онѣ могутъ искренно высказываться, онѣ вовсе не страшны, а полезны.

Въ московскихъ журналахъ нѣтъ того ожесточенія и остервенѣнія, какое обнаруживаютъ петербургскіе. Исключеніемъ служатъ *Московскія Вѣдомости*, которыя суть собственность неостепенившагося юноши, недавно вставшаго съ лавки студента. За что онъ такъ преслѣдуетъ на всю Россію *Русскую Бесѣду* и покровительствуетъ только *Русскому Вѣстнику?* За какія заслуги дано ему такое право? — Въ *Академическихъ Вѣдомостяхъ* какая не-

стерпимая выходка на А. И. Глинку! [34]) Ея романъ поставили ниже поваренной книги, а ее ниже кухарки! Что за дикія понятія о литературѣ, о женщинѣ, объ обществѣ! Никакого чувства приличія и достоинства.

Мы надѣемся, что *Русская Бесѣда* никогда не измѣнитъ этимъ чувствамъ.

Окончивъ экзамены, я надѣюсь скоро предаться труду своему совершенно. Сельское уединеніе даетъ еще болѣе къ тому средствъ.

Погодинъ душевно благодаритъ васъ за память.

Примите, князь, чувства моего глубочайшаго уваженія и душевной благодарности неизмѣнно преданнаго вамъ С. Шевырева.

Маія 6 1856. Москва.

19.

Душевно уважаемый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Посылаю вамъ *Бродягу*. Онъ переписанъ вѣрно съ рукописи, одобренной авторомъ и принадлежащей О. Ѳ. Кошелевой, безъ содѣйствія которой я не могъ бы исполнить вашего порученія.

Окончивъ дѣла университетскія, ѣду въ деревню на трудъ уединенный и отдыхъ. Новый попечитель привѣтомъ своимъ насъ всѣхъ очаровалъ. Я долженъ былъ объявить Евграфу Петровичу о своемъ намѣреніи. Но онъ такъ этимъ огорчился, что поколебалъ мое рѣшеніе исполнить его теперь, а взялъ съ меня слово отложить это дѣло до сентября мѣсяца, когда всѣ власти наши будутъ въ Москвѣ. Я увѣрилъ его, что не хочу сдѣлать никакого рѣзкаго шага, который противенъ бы былъ пользѣ университета, и скорѣе пожертвую собою, чѣмъ это сдѣлаю.

Мое сельское пребываніе, благодаря желѣзной дорогѣ, въ 3½ часахъ ѣзды отъ Москвы. Когда, въ какое время, васъ мы увидимъ въ Москвѣ? Хотѣлось бы немедленно видѣть васъ тогда и побесѣдовать съ вами о томъ, что̀ близко душѣ.

Примите, князь, чувство глубочайшаго уваженія отъ преданнаго вамъ душевно С. Шевырева.

Іюня 2 1856. Москва.

20.

Душевно чтимый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Я къ вамъ снова съ просьбою, за лектора италіянскаго языка Рубини. Онъ служилъ въ университетѣ 31 годъ, честно и добросовѣстно. Многіе питомцы университета обязаны ему хорошимъ знаніемъ италіянскаго языка. Захотѣлось старику, хотя еще разъ предъ смертью, увидѣть свою прекрасную родину, il bel paese, dove'l *si* suona,—и вотъ на просьбу его дали ему 600 р. сер., то-есть, съ условіемъ, если онъ поѣдетъ. А ему хотѣлось бы и семьѣ своей показать свое первое отечество. Хочется старику взглянуть на небо Италіи, увидѣть его

Dolce color d'oriental zaffiro,

погрѣться на родномъ солнышкѣ вмѣстѣ съ больною женою и двумя дочерьми; но на 600 р. сер. этого никакъ нельзя сдѣлать. Ему хотѣлось бы пробыть годъ въ Италіи съ сохраненіемъ жалованья, да получить эти 600 р. сер., уже ему обѣщанныя, еслибы съ надбавкой, еще бы лучше. Тогда бы онъ вполнѣ былъ счастливъ, благословилъ бы благость русскаго и своего государя и щедрое благодушіе своихъ начальниковъ. Сотворите эту милость и счастіе доброму италіянцу, который съ чувствомъ любви написалъ по италіянски исторію Россіи. Онъ вмѣстѣ съ семьею помолитъ за васъ Богу, подъ небомъ своей прекрасной родины, на благословенныхъ поляхъ Ломбардіи. Его тамъ ждутъ и родные его, и старые товарищи. Неужели Россія не наградитъ усыновленнаго ею ломбардца позволеніемъ видѣть ему на закатѣ дней своихъ первое свое отечество и не дастъ ему средствъ для того? Доложите объ этомъ нашему доброму государю. Государыня Александра Ѳеодоровна проливаетъ столько благодѣяній на народъ Италіи. О, конечно, если до нихъ дойдетъ плачъ и просьба Рубини, они услышатъ этого сына Италіи, который послужилъ имъ и Россіи, распространяя у насъ языкъ своего отечества.

Примите, ваше сіятельство, чувства моего глубочайшаго почтенія и неизмѣнной душевной преданности. С. Шевыревъ.

Сладко бесѣдовалъ я съ Жуковскимъ и жду сельскаго досуга, чтобы отдать отчетъ въ этой бесѣдѣ.

Маія 8 1857. Москва.

21.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Одно весьма важное обстоятельство въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ побуждаетъ меня, полубольного, писать къ вамъ. Университетское правленіе рѣшило отдать типографію и *Московскія Вѣдомости* на откупъ двумъ братьямъ Коршамъ, издателямъ *Атенея* *), вопреки всякой правдѣ. Соискателями въ этомъ дѣлѣ явились Кошелевъ и Лешковъ. Кошелевъ, наддавшій 5000 р. сверхъ того, что̀ предложено было Коршами, и объявившій, что, въ случаѣ возвышенія ими суммы, онъ готовъ идти и далѣе; Лешковъ, какъ избранный прежде редакторъ *Вѣдомостей* и только черезъ низкую интригу не утвержденный.—Правленіе нарушило всю правду въ дѣлѣ соисканія на томъ только основаніи, что будто бы мысль объ откупѣ принадлежитъ Коршу. Эта мысль принадлежитъ Новикову, а исполненіе ея Хераскову, и какъ фактъ раскрыта была мною въ исторіи Московскаго университета.

Я бы не взялся за перо, чтобы писать къ вамъ, еслибъ не побуждало меня къ тому дѣло русской жизни, науки и литературы, близкое вашему сердцу. Отъ этого событія зависитъ вопросъ жизненный: *быть или не быть* тому, что̀ составляло искони основную мысль русской жизни и русскаго слова, что̀ связывало всѣхъ русскихъ отъ Владиміра принявшаго истину Христову, до насъ, ее также исповѣдующихъ, что̀ одушевляло писателей новаго періода отъ Ломоносова до всѣхъ тѣхъ, которые сохранили преданіе и не отреклись отъ своего. Вы дорожите этою святынею, вы меня понимаете, вы теперь у насъ старшій представитель той же мысли и того же слова, которыя мы приняли отъ предковъ нашихъ. Отъ васъ будетъ зависѣть рѣшеніе дѣла, къ которому вы не можете быть равнодушны.

Недавно читали мы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующее

*) То-есть, Евгенію и Валентину Ѳедоровичамъ. *И. В.*

(№ 141): „Повѣрьте, скажемъ мы каждому технику, каждому спеціалисту, что творенія Пушкина, что *статьи незабвеннаго Бѣлинскаго*, читавшіяся съ жадностью цѣлыми поколѣніями молодыхъ людей, *внесшія въ общество столько благотворныхъ мыслей*, несравненно полезнѣе и въ промышленномъ отношеніи цѣлыхъ сотенъ ремесленныхъ школъ, потому что только *благодаря такимъ учителямъ* и въ ремесленныя школы пойдетъ народъ". Если вы согласны съ этою мыслію и желаете распространить въ Россіи племя такихъ *учителей* какъ Бѣлинскій вмѣстѣ съ его *ученіемъ*, то отдайте силу университетской типографіи и *Вѣдомостей* издателямъ *Атенея*. Этотъ новый откупъ составитъ также эпоху въ исторіи Московскаго университета и русскаго просвѣщенія, только совершенно противоположную первой: первая воспитала Карамзина и все поколѣніе писателей, изъ которыхъ вы теперь старшій; вторая утысящеритъ Бѣлинскихъ въ нашемъ отечествѣ, и вы будете виновникомъ этого размноженія. На васъ ляжетъ за это отвѣтственность передъ всѣми вашими литературными предками. Я же рѣшился писать къ вамъ это письмо, чтобы снять съ себя передъ ними и потомками отвѣтственность, что при этомъ случаѣ не подалъ вамъ искренняго своего голоса и не вступился за будущее отечества.

Если Кошелевъ и Лешковъ берутся за это дѣло, то вы, конечно, можете быть увѣрены, что не чувство корысти ихъ къ тому побуждаетъ. Кошелеву не нужно умножать состоянія. Онъ его пріобрѣлъ для того, чтобъ приносить пользу отечеству, и теперь желаетъ снять типографію для того, чтобъ имѣть возможность издавать общеполезныя книги съ православнымъ направленіемъ. Если прежде вы боялись направленія такъ называемаго славянофильскаго, то, кажется, двухлѣтнее изданіе *Русской Бесѣды* должно васъ не только успокоить, но удостовѣрить, что она къ доброй цѣли идетъ честно и безъ всякихъ другихъ умысловъ. Около Кошелева соединятся всѣ благомыслящіе. Я обѣщаю вамъ постоянную литературную дѣятельность съ 1-го же номера *Московскихъ Вѣдомостей*, если онѣ перейдутъ въ руки Лешкова. Вы можете быть увѣрены, что даже такъ называемая западная партія въ лучшихъ достойнѣйшихъ своихъ представителяхъ найдетъ у нихъ гостепріимство, тогда какъ, въ противномъ случаѣ, самая строгая исключительность отринетъ всѣхъ

и все, кромѣ своего прихода и своихъ идей, основанныхъ на одномъ мертвомъ отрицаніи всякой живой истины.

Dixi. Отъ рѣшенія министра и вашего зависитъ значительное будущее.

Примите, ваше сіятельство, чувства моего глубочайшаго уваженія и искренней преданности. С. Шевыревъ.

Декабря 9 1857. Москва.

22.

Душевно уважаемый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Примите мою искреннюю благодарность за вашъ поэтическій прекрасный гостинецъ. Пріятно мнѣ было видѣть въ напечатаніи его первый плодъ вашего досуга. А какъ благодарить мнѣ васъ за стихъ, которымъ вы меня подарили и отправили на почтовыхъ къ безсмертію!

Но къ этому стиху не могу не придраться. Богу извѣстно, кто кого переживетъ; но если суждено, по закону природы, младшимъ переживать старшихъ, то дайте мнѣ средства быть вашимъ біографомъ. Вы теперь старшее звено, связующее всю нашу литературу. Около вашей біографіи скуется почти вся наша словесность, за исключеніемъ развѣ Ломоносова да Кантемира.

И такъ мои двѣ къ вамъ просьбы: 1) дайте средства собрать васъ самихъ, разбросанныхъ по всему небу нашей словесности; 2) передайте мнѣ въ письмахъ вашу автобіографію, какъ она придетъ вамъ въ голову, съ самыхъ начальныхъ воспоминаній.—Посвящайте этому ежедневно хоть полчаса времени въ вашемъ заграничномъ досугѣ. Я уже писалъ къ Александру Волконскому *) и просилъ его быть нашимъ посредникомъ въ письменныхъ сношеніяхъ [35]).

Много надѣюсь на вашъ досугъ. Самъ ѣду въ деревню. Въ половинѣ августа я опять буду въ Москвѣ. Тогда, по сосѣдству съ Полтарацкимъ **), соберу всѣ справки объ васъ.

Пересмотрите то, что вами собрано, и поручите мнѣ редакцію

*) Князь Александръ Никитичъ, ученикъ Шевырева. *П. Б.*

**) Библіофилъ Сергѣй Дмитріевичъ. *П. Б.*

здѣсь. Надобно все расположить, сколько возможно, въ хронологическомъ порядкѣ.

Титовъ *) здѣсь—я его разъ видѣлъ у него. Онъ также за границу.

Я вѣренъ Руси, припоминая Пушкинскій эпиграфъ: O rus!..

Будьте здоровы и дарите насъ чаще такими вдохновенными пятками, какимъ теперь подарили. Везу его завтра въ деревню —и буду повторять его подъ березами рощи, окружающей домъ. Тамъ же хочу отдать отчетъ и въ послѣднихъ 4-хъ томахъ Жуковскаго.

Еслибы не нужды жизни, много бы еще сдѣлалъ.

Простите. Добраго пути. Чаще такихъ вдохновеній какъ *Палестина*. Храни васъ Господь для всѣхъ тѣхъ, которые васъ любятъ.

Вашъ душевно С. Шевыревъ.

Маія 28 1858. Москва.

23.

Душевно уважаемый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Вчера вечеромъ вдругъ—ваша рука, вашъ портретъ, ваши стихотворенія „За границею“ поразили меня самою пріятною неожиданностью. Погодинъ, воротившись изъ Питера, берегъ ихъ у себя до вчерашняго вечера: его могу извинить только тѣмъ, что онъ на дняхъ праздновалъ свадьбу своего старшаго сына и свою золотую свадьбу съ дружиною Норманскою, которую отстаиваетъ онъ противъ нашествія долгополой Литвы Костомарова на русскую исторію. Теперь того и жди, что какой-нибудь русскій оріенталистъ захочетъ производить насъ отъ татаръ, чтобы порадовать чѣмъ-нибудь неожиданнымъ къ наступающему тысящелѣтію.

Ваша заграничная муза дала мнѣ вчера такой пріятный вечеръ въ семьѣ моей, какого давно ужь не запомню. Онъ же былъ послѣ довольно сильной простудной болѣзни, отъ которой я только что сталъ оправляться. Дѣти мнѣ читали „Масляницу на чужой сторонѣ“ и „Лѣсъ горитъ“. Изъ „Масляницы“ они помнили знаменитую строфу объ нѣмцѣ: сынъ замѣтилъ варіантъ. Онъ все читалъ:

Нѣмецъ дока до всего.

*) Владиміръ Павловичъ. *Н. Б.*

Напечатано: для всего. Вы ли это измѣнили? Какъ дивно хорошъ горящій лѣсъ! Онъ былъ для меня новостью.

Тамъ красный гребень свой и огненное жало
Чудовище смѣлѣй выказывать ужь стало.
Клубами черный дымъ восходитъ до небесъ:
И вихремъ огненнымъ завылъ глубокій лѣсъ....

Чудно! Отъ такого горящаго лѣса не отказались бы ни Тассъ, ни Дантъ. Все тѣ же вы—всѣ тутъ—со всѣми вашими чертами—иное развилось еще шире. А этотъ пластическій образъ такъ меня и перенесъ въ Италію. А русская, наша древняя старозавѣтная стихія, закладка нашей жизни, тутъ еще сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь [36]).

Какую разницу я замѣтилъ между прежнимъ поколѣніемъ писателей, которое оканчивается Гоголемъ, и новымъ! Въ прежнемъ, чѣмъ болѣе развивается писатель и крѣпнетъ, тѣмъ сильнѣе и выше пробивается святое зерно, заложенное въ каждомъ нашею древнею жизнью, зерно сердечнаго сознанія откровенной истины. Карамзинъ, Жуковскій, вы, Пушкинъ, Гоголь это доказали. Теперь совершенно на оборотъ. Въ первыхъ проявленіяхъ слова и жизни очень сильно замѣтенъ слѣдъ семейнаго религіознаго вліянія: далѣе, весь процессъ жизни и развитія литературнаго состоитъ въ томъ, чтобъ это зерно совершенно вырвать и обезплодить жизнь. Возьмите біографію Станкевича, написанную Анненковымъ. Это образчикъ всѣхъ. Возьмите Бѣлинскаго—его первыя критики и послѣднія. Теперь всѣ стремленія обращены туда. Прежнія поколѣнія всѣ возвращались къ связи съ коренным началомъ русскимъ; новыя всѣ устремляются туда, чтобы эту связь до тла уничтожить.

Посылаю вамъ мои три первые тома „Исторіи русской словесности“. Примите моихъ монаховъ, пустынныхъ отходниковъ съ тою же любовію, съ какою принимаете вы собирающихъ *на церковное строеніе* *). А церковное строеніе куда намъ въ литературѣ нужно! Мы признаемъ, что храмъ въ ней не нуженъ, что она одна можетъ быть безъ церкви. Да хорошо бы вспомнить въ ней про апостольское слово: *зиждитеся въ храмъ духовенъ* **). Это моя забота. Я напо-

*) Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго на *Церковное Строеніе* въ первый разъ было напечатано въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 года. *П. Б.*

**) *I. Петр.*, II, 5.

минаю о томъ отъ лица древней Руси, которая этотъ храмъ заготовила. Трудное мое дѣло, самое неблагодарное по текущему времени, но внутренній голосъ влечетъ меня на это дѣло, ужь конечно не успѣхъ наружный или разсчетъ. Думаю: если я не сдѣлаю, кому сдѣлать? Нужна для того особенная любовь къ дѣлу, особенный зовъ душевный, какъ у моихъ пустынныхъ отходниковъ, которыхъ въ XIV и XV столѣтіяхъ звала къ себѣ чуднымъ звономъ дебристая пустыня.

Остальныя столѣтія до Петра Великаго XV, XVI и XVII я памѣренъ изложить въ 15-ти лекціяхъ безъ такихъ обильныхъ примѣчаній, но съ нужными ссылками. Двѣ лекціи уже готовы почти. Болѣзнь задержала. Было бы и болѣе. Окончивъ это, съ Богомъ пойду и далѣе въ новый періодъ. Но для того хотѣлось бы освѣжиться за границею, чего требуетъ здоровье мое и жены.

Я давно хотѣлъ отправить къ вамъ мои книги, но не зналъ —куда. Простите. Будьте здоровы. Дарите насъ чаще такими вдохновеніями. Увидѣлъ я съ радостію ваше имя въ числѣ гостей на актѣ С.-Пб. университета—и не вѣрилъ глазамъ моимъ, что вы опять въ Россіи. Спрашивалъ у Плетнева вашего адреса, но не получилъ. Надѣюсь, что и безъ адреса письмо мое дойдетъ къ вамъ.

Съ глубочайшимъ и неизмѣннымъ уваженіемъ вамъ душевно преданный С. Шевыревъ.

Апрѣля 14 1860. Москва.

24.

Много обрадовало меня ваше письмо, душевнолюбимый и почитаемый князь Петръ Андреевичъ, много развеселилъ вашъ ораторскій гостинецъ, ваше застольное слово. Подъ покровомъ шутки вы сказали мысль глубокую. Вы ее выразили и прежде однимъ изъ благородныхъ дѣйствій вашего гражданскаго поприща: выходомъ въ отставку изъ службы по министерству народнаго просвѣщенія въ то самое время, когда правительство отъ министра потребовало быть болѣе цензоромъ, чѣмъ министромъ. Изъ вашего примѣра правительство должно бы было извлечь мысль, что эти два занятія не совмѣстны такъ же, какъ въ папѣ государь свѣтскій и пастырь церкви: одно другому мѣшаетъ.

Уваровъ министръ геніальный палъ цензурою, за которою смотрѣть было ему нѣкогда. Пока не разнимутъ этихъ двухъ властей, министерство народнаго просвѣщенія никогда не будетъ въ силахъ сосредоточить всѣ свои дѣйствія къ одной цѣли и по неволѣ станетъ ограничиваться одними проектами совершеннаго ученія вмѣсто самого ученія на дѣлѣ и въ жизни [37]).

Я нисколько не измѣнилъ своего намѣренія ѣхать за границу, напротивъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь я остаюсь ему вѣренъ. Письмо ваше застало меня въ укладкѣ книгъ. Закупориваю всю свою библіотеку, чтобы отправить ее въ деревню. Но беру съ собою порядочную русскую библіотеку. Я какъ улитка: тяжелъ мнѣ этотъ домъ книжный, но я безъ него жить не могу. Чувствую потребность отъѣзда за границу. Но до сихъ поръ еще ожидаю позволенія. Вотъ уже три недѣли, какъ я подалъ просьбу графу Дмитрію Николаевичу *), и графъ немедленно отправилъ ее къ министру, но отвѣта до сихъ поръ нѣтъ. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ усердною просьбою. Сдѣлайте милость, похлопочите у министра, къ которому я со времени моей отставки изъ университета не имѣлъ доступа **). Пишу о томъ же къ П. А. Плетневу [38]).

Планъ моей поѣздки измѣнился. Я думалъ ѣхать черезъ Питеръ, но теперь рѣшился ѣхать на Варшаву. Васъ, по обѣщанію вашему быть въ Москвѣ къ началу сентября, я надѣюсь увидѣть здѣсь, но очень мнѣ грустно, что не увижу Петра Александровича ***). Свѣтлая и чистая душа его мнѣ была бы нужна — и отдаленіе его отъ Москвы принадлежитъ къ числу лишеній, которыя я сильно чувствую. Хотѣлось бы мнѣ поселиться во Флоренціи, тѣмъ болѣе, что тамъ есть русская церковь. Да, положеніе русской словесности грустно. Но отчего же мы всѣ бездѣйствуемъ? Отчего не можемъ соединить силъ? При свиданіи, вѣроятно, поговоримъ объ этомъ. Ваше замѣчаніе о литературѣ честной поразительно своею вѣрностію. Явленіе Антонскаго во снѣ Хомякову могло бы быть предметомъ баллады въ (вкусѣ) М. А. Дмитріева. Я нерѣдко укоряю его въ глаза за эту лесть молодому поколѣнію, которою онъ всегда грѣшилъ и

*) Блудову. *Н. Б.*

**) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій. *П. Б.*

***) Плетневъ. *Н. Б.*

грѣшитъ много. Онъ могъ бы быть ему полезенъ, а выходитъ напротивъ.

Но библіотека призываетъ меня опять отъ пріятной бесѣды съ вами. Мнѣ жаль, что вы поставили Кавура наряду съ Чернышевскимъ. Кавуръ возстановитель Сардиніи, а Чернышевскій великій магистръ ордена рыцарей свистопляски, господствующихъ теперь въ нашей литературѣ [39]).

Вашу рѣчь я передалъ Мельгунову и Павлову. Н. В. Сушковъ мнѣ уже прежде сообщилъ ее. Она объяснила мнѣ настоящее значеніе вашей отставки. То, что̀ сдѣлано было тогда внушеніемъ вашей благородной души, здѣсь сознано мыслію. Разъимите цензуру и министерство.

Вотъ бѣда, что духъ ученія гаснетъ, и что ученье идетъ дурно въ гимназіяхъ и университетахъ. Шесть мѣсяцевъ гимназисты ничего не дѣлаютъ. Профессора въ университетахъ бываютъ по три, по семи разъ на лекціяхъ—и только. Безграмотность между студентами растетъ съ каждымъ годомъ. Это общій голосъ, который слышится вездѣ и раздается даже между студентами.

Чувствую потребность другой атмосферы. Здѣсь боюсь впасть въ матеріализмъ и умереть духомъ. Мнѣ душно здѣсь!...

Не откладывайте вашего пріѣзда сюда; какъ бы хотѣлось поговорить съ вами!

Съ чувствами искренняго уваженія всегда вамъ душевно преданный. С. Шевыревъ.

Августа 20 1860. Москва.

25.

Душевно чтимый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Хотя поздно, но примите мое душевное поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ вашего литературнаго поприща *). Конечно, послѣдній я вамъ приношу его, но никому не уступлю въ уваженіи къ вашимъ литературнымъ заслугамъ и къ почетному мѣсту, которое вы всегда занимали у насъ, какъ средоточіе многихъ литературныхъ поколѣній,

*) 2 Марта 1861 года. *Н. Б.*

какъ свѣтлый нашъ историческій перекрестокъ, гдѣ преданія восходили до Фонъ-Визина, вами такъ славно, такъ классически изображеннаго, и гдѣ всякое истинное дарованіе, къ какому бы поколѣнію оно ни принадлежало, встрѣчало живой, сердечный отголосокъ. Грустно мнѣ, что я не могъ быть на вашемъ праздникѣ, что не зналъ о немъ заранѣе и что могъ узнать только изъ иностранной газеты, и то въ недостаточной подробности.

Рѣшились ли вы наконецъ собрать во-едино всѣ ваши произведенія и представить ихъ отечеству вмѣстѣ? Мысль юбилея должна бы была окончательно васъ побудить къ тому. Другое, о чемъ давно уже я мечтаю, ваши литературныя воспоминанія, ваши записки. Еслибы вы положили, по порядку времени, продиктовать каждый день одну, двѣ, три странички,—вѣдь въ годъ составилось бы сокровище. Вы такъ всегда любили этотъ родъ исторической литературы на западѣ и сами ощущали его недостатокъ у насъ. Кому же, какъ не вамъ, пополнить литературные наши пробѣлы въ этомъ отношеніи? Напримѣръ, одно Арзамасское общество вамъ дало бы столько живыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Сожалѣю, что судьбѣ не было угодно свести насъ хоть на нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ городѣ. Я бы охотно превратился на все это время въ ваше перо, чтобы передать потомству все то, что̀ хранитъ ваша память завѣтнаго объ нашей прежней литературѣ. Пріѣзжайте-ка еще разъ отдохнуть въ Италію. Вы, кажется, недолго жили во Флоренціи. Если недостаетъ ея вамъ въ вашихъ заграничныхъ воспоминаніяхъ, она къ вашимъ услугамъ и я въ ней.

Много стало лучше и мнѣ, и женѣ моей съ тѣхъ поръ, какъ мы поселились въ Майской улицѣ (Via Maggio) древней столицы Тосканы. Много измѣнился и помолодѣлъ городъ. Люблю его продольное зеркало, Арно, въ правильной рамѣ двухъ набережныхъ. Зимою потокъ измѣняетъ свой ровный, спокойный видъ. Его ріена (водополь) оглашаетъ тогда бурнымъ ревомъ окрестныя улицы—и прошлою зимою будила и насъ въ темныя ночи. Но что за наслажденіе бродить по холмамъ, окружающимъ Флоренцію! Всходя по нимъ, какъ будто поднимаешься къ небу. Взглянешь на Флоренцію, и изъ ея галлерей и храмовъ поднимаются чудныя произведенія искусства, и великія тѣни ея художниковъ, поэтовъ и ученыхъ

носятся надъ нею. Безпріютный Дантъ скитается внѣ стѣнъ ея и Галилей томится въ инквизиціи.

Я не могъ еще до сихъ поръ переглядѣть все то, что́ предлагаетъ Флоренція въ своихъ памятникахъ искусства и исторіи. Но Италія не поглотила меня всего. Море принесло мнѣ три ящика русскихъ книгъ и рукописей. Я бесѣдовалъ и съ ними. Для русскихъ, живущихъ здѣсь, я прочелъ въ 15-ти лекціяхъ сокращенную исторію русской словесности и связалъ ихъ одною мыслію въ органическое цѣлое. Какъ было пріятно, бродя по холмамъ Флоренціи, носить въ головѣ своей и въ сердцѣ были роднаго слова и, обдумывая ихъ мыслію, слагать въ одно живое и стройное цѣлое. Ахъ, еслибы вы были въ числѣ моихъ слушателей! Но вотъ я передъ вами такъ, какъ читалъ, съ стакаиомъ воды на столѣ. Въ будущемъ году, зимою мнѣ хотѣлось бы пройти съ русскими исторію италіанской живописи по здѣшнимъ памятникамъ.

Я намѣренъ теперь положить на бумагу всѣ 15 лекцій, мною здѣсь сказанныя, и пишу объ нихъ сегодня же П. А. Плетневу, поручая дружелюбному его вниманію ихъ напечатаніе въ изданіяхъ Академіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ и прошу его, чтобы Академія назначила мнѣ вознагражденіе, въ которомъ я нуждаюсь. Прошу и васъ принять въ этомъ участіе и содѣйствовать исполненію моего желанія. Теперь жары майскія гонятъ насъ на берегъ моря. Уединясь тамъ, я надѣюсь написать всѣ 15 и постепенно переслать ихъ въ Академію.

У меня есть еще запасъ новыхъ впечатлѣній Италіи. Хотѣлось бы пріютить ихъ въ какой-нибудь журналъ, но не даромъ. Кажется, *Русское Слово* болѣе другихъ чуждается односторонности. Не найдете ли вы пріюта моимъ эскизамъ? [40]).

Не знакомы ли вы съ маркизомъ Саули, который теперь правитъ здѣсь должность Тосканскаго генералъ-губернатора? Я познакомился съ нимъ случайно, потому что привозилъ къ нему въ пріемный день одного русскаго просителя. Но мнѣ хотѣлось бы имѣть къ нему рекомендательное письмо, или отъ васъ, или отъ графа Дмитрія Николаевича. Возможно ли это? Саули говоритъ немного по русски и занимался русскою словесностью.

Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда возобновятся друже-

любныя политическія отношенія между Россіею и Италіею, и когда обмѣнъ идей сдѣлается отъ того свободнѣе между частными лицами. Ужасное невѣжество господствуетъ у нихъ на счетъ Россіи. Представьте себѣ, что въ ихъ географіяхъ Нева течетъ въ Москвѣ!.. Но это я слышалъ даже и въ Германіи. Что ужъ говорить объ литературѣ и исторіи? Мнѣ хотѣлось бы устроить какое-нибудь литературное русское консульство во Флоренціи, какъ городѣ, наиболѣе сосредоточивающемъ литературное образованіе въ Италіи; но выжидаю времени, когда тучи политическія разсѣются и небо сѣверной политики улыбнется какъ италіянское.

Не знаю, гдѣ проведемъ лѣто: думается, въ Спеціи. Если вы пожелаете утѣшить меня вашимъ отвѣтомъ, то напишите сюда, poste restante.

Съ чувствами неизмѣннаго уваженія вамъ душевно преданный Степанъ Шевыревъ.

Флоренція. 1861. Маія 3/15.

26.

Дек. 31 1863. / Янв. 12 1864. Парижъ. 20. Rue de Tourain.

Душевночтимый и любимый князь Петръ Андреевичъ!

Вашъ сердечный отголосокъ моему прѣнію съ французскими сенаторами кстати долетѣлъ до меня въ первый день праздника и сдѣлалъ меня съ двойнымъ праздникомъ. Вы первые мнѣ откликнулись. Надѣюсь, что вы уже прочли и вторую статью. Скоро должна быть и третья. Она писана вмѣстѣ со второю, но редакція раздѣлила письмо на двѣ части. Давно бы уже я ратовалъ въ *Сѣверѣ* за Россію, если бы не мои недуги [41]). У меня большіе были планы, когда я пріѣхалъ въ Парижъ. Но послѣ публичнаго курса, когда я перевезъ всю семью мою сюда, свалилъ меня недугъ; жестокая невралгія въ боку. Къ тому же имѣлъ я несчастіе напасть на одного изъ здѣшнихъ эскулаповъ отравителей, впрочемъ, по рекомендаціи нашего петербургскаго Дубовицкаго. Отравитель впустилъ мнѣ прямо въ кровь белладонну, ослабилъ мое зрѣніе и весь организмъ, а отъ невралгіи окончательно не вылѣчилъ. Правда, что

онъ ослабилъ силу болѣзни, но на вѣкъ сдѣлалъ меня инвалидомъ. Здѣшнюю медицину я проклялъ съ ея шарлатанствомъ и корыстолюбіемъ. Вильдбадъ былъ полезенъ мнѣ противъ ревматизмовъ, но невралгія все та же и чувство отравы въ глазахъ и во всемъ тѣлѣ все то же.—Первыя силы я употребилъ на преніе съ моими сосѣдями сенаторами. Мы живемъ близъ самаго Люксембурга. Жду рѣчей Законодательнаго корпуса. За журналистами не угонишься. Но я надѣюсь продолжать. St.-Marc Girardin очень плохъ на лекціяхъ. Мнѣ прошлаго года было совѣстно за товарища по каѳедрѣ. Какъ это взобраться на каѳедру и молоть такую чушь? Но въ нынѣшнемъ году ужь онъ не читаетъ. Слышалъ я другаго молодца. Франкъ жидъ проповѣдывалъ студентамъ крестовый походъ противъ Россіи. Такія диковинки возможны только въ Парижѣ.—Благодарю васъ за фотографію Венеціи. Я ее зналъ уже прежде по рукописному экземпляру и читалъ Плетневу. Печатный отвезъ ему немедленно. Онъ очень ему обрадовался и благодаритъ васъ. Вы уже знаете, что онъ героически вынесъ операцію подъ ножемъ Нелатона. Ему гораздо лучше, но страданія все еще не прекратились. Но и Нелатонъ не успѣлъ бы, еслибы не имѣлъ помощника въ женѣ Плетнева, какъ онъ самъ сознается. И герой, и ангелъ эта женщина. Радуешься за Россію, что она такихъ женъ производитъ, но на такіе образцы въ жизни нѣтъ у насъ художниковъ. Тургеневъ создаетъ Еленъ, которыхъ бы и Аленками назвать бы не хотѣлось. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать вами обѣщанныхъ присылокъ. Постараюсь отыскать записки Давыдова и Ермолова. Подъ Плетневымъ въ томъ же домѣ живутъ Давыдовы, вдова Дениса и дочери. Можетъ быть, онѣ знаютъ, гдѣ книга продается. Генерала Дуракина не читалъ. Берегу глаза. Къ тому же и дѣла много [43]). Диктую дѣтямъ свои публичныя лекціи исторіи русской словесности. Остановился на Карамзинѣ. Дошла ли до васъ моя „Исторія русской словесности“ на италіанскомъ языкѣ, изданная во Флоренціи. Въ Венеціи едва ли ее пропустятъ, потому что я не щажу въ ней Австріи.—Объ лѣтѣ еще не думаю. Хотѣлось бы въ Швейцарію, но не знаю, позволятъ ли финансы. Тамъ бы поближе къ Карлсруи издалъ бы книгу, но и на это нужны деньги, а Академія не даетъ. Противъ безсонницъ я употребляю капли laurier-cerise, сахарную воду съ fleurs d'oran-

gers по маленькому глоточку да почаще, а еще сильнѣе дѣйствуетъ постоянная все одна и та же молитва.—Цѣлую ручки княгини, писавшія подъ вашъ диктантъ. Дай Богъ вамъ все лучшаго на новый годъ! Съ чувствами глубокаго уваженія вамъ неизмѣнно преданный С. Шевыревъ.

27.

Ваши письма застали меня на одрѣ жестокой и мучительной болѣзни. Самъ я не въ силахъ держать пера, пишетъ жена подъ мой диктантъ. Страдаю ранами на правой ногѣ. При этомъ лихорадка и проч. Вотъ почему не могу быть годенъ для исполненія вашихъ порученій. Страданіямъ моимъ ровно четыре недѣли. Я увѣренъ, что дирекція *Норда* обрадуется вашей статьѣ. Не знаю, въ какой формѣ вы ее написали. Чужихъ статей они не принимаютъ иначе, какъ въ формѣ писемъ на имя директора [44]). Теперь директоромъ не Поггенполь, а Франчески. Я его знаю и всю молодую редакцію. Они всѣ очень милые люди; но что дѣлать? Я прикованъ къ одру болѣзни. Вотъ почему и замолчалъ. Страданія мои ужасны, но докторъ обѣщаетъ выздоровленіе. Господь да хранитъ васъ. Какъ жаль Титова! Какая рана его сердцу! [45]) Плетневу лучше, слава Богу! У насъ теперь одинъ докторъ: хирургъ Saurel, Нелатоновъ помощникъ. Мы чрезъ него узнаемъ другъ о другѣ.

Душевно вамъ преданный С. Шевыревъ *).

Парижъ. 6 марта (1864).

---

*) Шевыревъ скончался въ Парижѣ, 8 мая 1864 года. *И. Б.*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Януарій Михайловичъ Невѣровъ принадлежалъ къ школѣ Станкевича и былъ его старѣйшимъ другомъ. Передъ отъѣздомъ за границу (1836) Грановскій проѣздомъ въ деревню посѣтилъ Москву и здѣсь впервые познакомился и сблизился съ Станкевичемъ и Бѣлинскимъ. „Благодарю тебя", писалъ Станкевичъ Невѣрову, „за знакомство съ Т. Н. Грановскимъ. Это милый, добрый молодой человѣкъ, и на немъ нѣтъ печати Петербурга". Въ это время Невѣровъ былъ сотрудникомъ К. С. Сербиновича по редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Замѣчательно, что при самомъ вступленіи Шевырева на каѳедру Московскаго университета Станкевичъ (1-го іюня 1835 года) писалъ Невѣрову: „Шевыревъ обманулъ наши ожиданія; онъ педантъ". Погодинъ же объясняетъ, что „вступленіе Шевырева въ аристократическій кругъ вслѣдствіе женитьбы и невольное подчиненіе нѣкоторымъ его условіямъ возбуждали неудовольствіе". Но не одни эти обстоятельства были причиною нерасположенія къ Шевыреву: ревностный патріотъ и человѣкъ религіозный, Шевыревъ усердно восхвалялъ древнюю Русь въ противоположность новой (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, стр. 349, 150, 350—351).

2) Бывшіе сотрудники *Московскаго Вѣстника* ничего не предпринимали безъ А. В. Вепевитинова, а потому Мельгуновъ писалъ ему: „Venez vite à notre secour! Дѣло вотъ въ чемъ: да будетъ извѣстно почтеннѣйшему начальнику отдѣленія, котораго отъ души поздравляю съ новою должностію, что съ будущаго 1835 года въ Москвѣ будетъ издаваться журналъ подъ названіемъ: *Московскій Наблюдатель*. Этотъ журналъ предпринятъ нѣсколькими литераторами, изъ числа которыхъ: Баратынскій, Кирѣевскій, Павловъ, Погодинъ, Шевыревъ, Хомяковъ, Языковъ и проч. Предложено также Одоевскому и Гоголю. Редакторомъ журнала избранъ Андросовъ. Мы всѣ постоянные сотрудники, надсмотр-

щики и участники. Министръ, въ бытность свою здѣсь, изъявилъ на то согласіе. Князь Д. В. Голицынъ взялся ходатайствовать за насъ“ (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, стр. 230).

3) Въ 1838 году Шевыревъ началъ преподаваніе исторіи русской словесности. Вступительная его лекція въ этотъ предметъ была напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

4) 29-го октября 1837 года князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Передъ вами Бенедиктовъ, живая грамота и живая рекомендація. Сведите его съ Баратынскимъ, Хомяковымъ, Павловымъ“ (*Русскій Архивъ*. 1885. Книга II, стр. 305).

5) 3-го октября 1837 года скончался И. И. Дмитріевъ. Шевыревъ почтилъ память его въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 29 октября 1837 года; князь Вяземскій писалъ ему: „Вы очень вѣрно, живо и художественно характеризовали поэта, человѣка, современника Державину и Бенедиктову,—живое столѣтіе, въ глазахъ коего Пушкинъ успѣлъ родиться, созрѣть и умереть. Жаль только, что *Московскія Вѣдомости* немногими читаются. Я совѣтовалъ Краевскому перепечатать вашу статью въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, хотя и они читаются немногими, и прихожане ихъ развѣ однѣ

Набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей, безъ подпоръ.

Плохо приходится намъ старожиламъ: такъ смерть и перебираетъ нашихъ. Вѣкъ Карамзина и Дмитріева смѣняется вѣкомъ Сенковскаго и Булгарина. Поляки въ Кремлѣ и періодъ Самозванцевъ твердо и торжественно обозначается въ исторіи литературы нашей. Бодрствуйте и сохраняйте свято и ненарушимо преданія и вѣру предковъ, вы—поколѣніе среднее и цвѣтущее; а на насъ стариковъ не надѣйтесь: мы доживаемъ свой вѣкъ бобылями и Христа ради... Я слышалъ, что заботливостью М. П. Погодина снята была маска по кончинѣ Дмитріева. Хорошо было бы заказать бюстъ его и поднести Московскому университету. Откройте подписку въ Москвѣ, а я стану здѣсь подбирать подписчиковъ“ (*Русскій Архивъ*. 1885. Кн. II, стр. 305—306).

6) *Incendie du Palais d'Hiver à Saint-Pétersbourg*. Paris.

7) Стихотвореніе князя Вяземскаго *Памяти живописца Орловскаго* (1838).—(*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1880. IV, стр. 217—221).

8) Князь П. А. Вяземскій въ письмѣ своемъ (25-го іюня 1841 года) замѣтилъ Шевыреву: „Все, что́ вы говорите, дѣльно, умно и хорошо сказано, но вы всегда говорите съ каѳедры. На каѳедру можно иногда взбираться, но когда разбираемая книга того стоитъ. Напримѣръ, въ

критикѣ о Курдюковой vous l'avez pris trop aut sérieux" (*Отчетъ И. П. Библіотеки за 1895 г.* С.-Пб. 1898, стр. 96—97).

9) „Читаю *Москвитянина*", писалъ князь Вяземскій (25-го іюня 1841 года) къ Шевыреву, „съ большимъ удовольствіемъ... Только ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы. Помните припѣвъ Пушкина:

Не спи, козакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ бродитъ за рѣкой.

То-есть: жандармы бродятъ за рѣкой, или: Булгаринъ бродитъ за рѣкой. Ваша благонамѣренность и добросовѣстность не спасутъ васъ. Все можно перетолковать, а толковники сыщутся" (*Отчетъ*, стр. 96).

10) „Умомъ и сердцемъ", писалъ князь Вяземскій (22-го сентября 1841 года) Шевыреву, „благодарю васъ за статью о Пушкинѣ. Читая такія статьи, перестаешь отчаяваться въ русской литературѣ" (*Русскій Архивъ*. 1885. Кн. II, стр. 307).

11) Князь Вяземскій въ письмѣ (22-го сентября 1841 г.) замѣчалъ Шевыреву: „Вы были слишкомъ строги къ Лермонтову. Разумѣется, въ талантѣ его отзывались воспоминанія, впечатлѣнія чужія; но много было и того, что̀ означало сильную и коренную самобытность, которая впослѣдствіи одолѣла бы все внѣшнее и заимствованное. Дикій поэтъ, то-есть, неучь, какъ Державинъ напримѣръ, могъ быть оригиналенъ съ перваго шага..." (*Русскій Архивъ*. 1885. Кн. II, стр. 307).

12) 12-го сентября 1842 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Я на дняхъ возвратился изъ Ревеля. Вотъ мои frutti di mare въ гостинецъ *Москвитянину*: *Сюда* (*Отчетъ*, стр. 98). Это стихотвореніе, а также *Комаръ* напечатаны въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1870. IV, стр. 265, 296. 16 октября 1842 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Мой комаръ, или мой клопъ, для печати, кажется, не годится, да и пора прошла. Комаръ народъ не живучій, и теперь онъ уже безъ вѣсти пропалъ" (*Отчетъ*, стр. 100).

13) См. примѣчаніе 12-е.

14) Первый нумеръ *Москвитянина* 1842 года открывался статьей Шевырева *Взглядъ на современное направленіе русской литературы. Сторона черная*. Этотъ *Взглядъ* долженствовалъ служить „вмѣсто предисловія" ко второму году *Москвитянина*. Шевыревъ, изображая *черную сторону* литературы, старался самыми темными красками нарисовать портреты тогдашнихъ петербургскихъ журналистовъ и въ одномъ изъ нихъ— „рыцарѣ безъ имени", одѣтомъ въ „броню наглости", „литературномъ бобылѣ" и проч.—явно желалъ изобразить Бѣлинскаго (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1892. VI, стр. 254—259).

15) 16-го октября 1842 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „S-t Priest, авторъ книги *De la royauté* желаетъ, чтобы русскій журналъ поговорилъ о ней. Желаніе это передано мнѣ отцемъ его... Авторъ заслуживаетъ ваше вниманіе потому, что онъ полу-русскій по матери, урожденной княжны Голицыной, родился и едва ли не образовался въ Россіи и перевелъ на французскій языкъ *Недоросля*, напечатаннаго въ *Théâtre Etranger*. Отецъ его, нынѣшній пэръ Франціи, былъ въ нашей службѣ и губернаторомъ въ одной изъ новороссійскихъ губерній“ (*Отчетъ*, стр. 99—100).

16) 10-го марта 1843 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Баронъ Розенъ далъ напечатать въ *Москвитянинѣ* и безденежно повѣсть, за которую предлагали ему здѣсь 500 рублей (*Русскій Архивъ*. 1885. Кн. II, стр. 309).

17) 10-го марта 1843 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Читали ли вы въ *Revue des deux Monde* статью Maroniеr о Троицкомъ монастырѣ? Надобно бы вамъ собраться съ московскими православниками и пощелкать его за промахи и недоброжелательство. Онъ меня поддѣлъ своимъ добродушіемъ... Составьте ваши замѣчанія и пришлите мнѣ, а я могу ихъ облечь во французскую редакцію и переслать въ Парижъ“ (*Русскій Архивъ*. 1885. Кн. II, стр. 309).

18) 6-го апрѣля 1844 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Сынъ мой проситъ меня изъ Константинополя прислать ему *Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ*, изданное Чертковымъ“ (*Русскій Архивъ*. 1885. Кн. II, стр. 310).

19) 28-го декабря 1846 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Сестра жены моей Ладомирская имѣетъ сына, котораго не желала бы воспитывать дома, но также и не въ общественномъ, многолюдномъ заведеніи. Ей хотѣлось бы отдать сына въ благонадежныя и хранительныя руки семьянина... Умъ и сердце мое назвали васъ единогласно“. Софія Оедоровна Ладомирская была замужемъ за черниговскимъ предводителемъ дворянства Василіемъ Николаевичемъ Ладомирскимъ (*Отчетъ*, стр. 100—101).

20) 31-го декабря 1848 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Титовъ пишетъ мнѣ изъ Константинополя, что онъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ статью вашу о *дѣдушкѣ* и *пестунѣ* трикраты Антоискомъ, какъ называли его въ пансіонѣ, что напоминаетъ мнѣ какіе-то мои шуточные стихи

Тремя помноженный Антонъ,
А на закуску Прокоповичъ,

а въ риому выходитъ тутъ Василій Львовичъ. Титовъ продолжаетъ: „Я благодаренъ Шевыреву за то, что онъ поставилъ и ему, и нашему

(Московскому университетскому) пансіону памятникъ во вкусѣ mémoires d'outre-tombe". Жаль, что въ статьѣ своей не упомянули и о томъ, что по зимамъ едва ли не до 1812 года Жуковскій живалъ въ его казенномъ домикѣ, который выходилъ въ Газетный переулокъ. Мнѣ этотъ домъ очень памятенъ, потому что тутъ началось мое сближеніе съ Жуковскимъ" (*Русскій Архивъ*. 1885. Кн. II, стр. 312—313).

21) *Шесть стихотвореній князя Вяземскаго*, изданныя въ С.-Петербургѣ въ 1855 году.

См. примѣчаніе 52-е къ „Письмамъ М. П. Погодина къ князю П. А. Вяземскому".

22) Павелъ Яковлевичъ Петровъ, по каѳедрѣ восточной словесности въ Московскомъ университетѣ. По свидѣтельству лицъ, его знавшихъ, этотъ человѣкъ былъ необыкновенной нравственной чистоты; это былъ „кристалъ самой чистой воды, бѣлый какъ снѣгъ, лотосъ, воспѣваемый пѣвцами Индостана. Онъ всю жизнь что-то искалъ. Этотъ лотосъ отцвѣлъ какъ-то тихо и безвѣстно. Объ немъ очень мало говорили. Весьма немногіе знали объ его глубокихъ, рѣдкихъ свѣдѣніяхъ въ восточныхъ языкахъ. Теперь немногіе помнятъ даже его имя" (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1891. IV, стр. 179).

23) Здѣсь рѣчь идетъ о слухѣ, пущенномъ по Москвѣ, будто попечителемъ Московскаго учебнаго округа назначается М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Слухъ этотъ разсѣяли слѣдующія строки князя П. А. Вяземскаго къ Шевыреву (28-го ноября 1855 года): „Сдѣлайте милость, не тревожьтесь и успокойте другихъ, мы *пушки на васъ* не наведемъ (подражаніе Армфельду). И съ чего это взяла Москва? Здѣсь и въ поминѣ, и въ помышленіи не было. Авраамъ Сергѣевичъ очень обижается, что Московскій университетъ могъ ожидать отъ него такого пассажа, и что нужно было заступленіе свыше для отвода громового удара. Нечего было ограждать и спасать, потому что никто не думалъ напасть" (*Отчетъ*, стр. 102—103).

24) 28-го февраля 1856 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Уважаемый въ Греціи писатель Крокидасъ переводитъ на греческій языкъ *Исторію Государства Россійскаго*. А вотъ передъ вами и самъ переводчикъ. Поручаю его вашему благосклонному пріему. Постарайтесь навербовать ему нѣсколько подписчиковъ между ученой братіи и свѣтскихъ библіофиловъ" (*Русскій Архивъ*, 1885, кн. II, 315).

25) 17-го апрѣля 1856 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Разумѣется, очень жаль и прискорбно, что ни Академія, ни Московскій университетъ не въ состояніи и не въ силахъ издавать прямо отъ себя газеты и, какъ безпечные и несмышленые помѣщики, должны отдавать землю свою въ аренду" (*Отчетъ*, стр. 105).

26) 17-го апрѣля 1856 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву:

„Я говорилъ графу Блудову о вашихъ академическихъ предположеніяхъ. Разумѣется, онъ будетъ по возможности содѣйствовать исполненію ихъ. Не сомнѣваюсь въ добромъ расположеніи и готовности нашего министерства. Но предваряю васъ, что въ этомъ дѣлѣ встрѣтятся и затрудненія. Академики 2-го Отдѣленія не получаютъ опредѣленнаго содержанія.

Всю правду доложу:
Изъ чести лишь одной я въ домѣ здѣсь служу.

А получаютъ они какія-то маленькія на водку, поденную, задѣльную, за каждое присутствіе въ академическихъ засѣданіяхъ. Оно очень неблаговидно, неприлично, пожалуй даже и нелѣпо,—я согласенъ; но опять скажу: что же дѣлать, когда и пока оно такъ?“ (*Отчетъ*, стр. 105).

27) Статья Шевырева подъ заглавіемъ *Нѣсколько словъ г. Критику С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатана въ № 84 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* 1858 года, отъ 13-го апрѣля.

17-го апрѣля 1856 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Вы просили министра *приказать* напечатать статью въ *Академическихъ Вѣдомостяхъ*. *Академическихъ Вѣдомостей* нѣтъ, то-есть, издаваемыхъ Академіею. *Вѣдомости* отдаются на откупъ, и министръ никакой распорядительной власти въ нихъ не имѣетъ. Онѣ подлежатъ общимъ цензурнымъ правиламъ. Краевскаго на виду нѣтъ, а извѣстный Академіи откупщикъ и издатель Очкинъ“ (*Отчетъ*, стр. 104—105).

28) См. примѣчаніе 26-е.

29) 17-го апрѣля 1856 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Наконецъ вы съ попечителемъ. Не могу сказать, что знаю хорошо сенатора Ковалевскаго, но знаю довольно, чтобы удостовѣрить, что онъ человѣкъ умный, образованный, съ русскими сочувствіями, съ русскимъ одушевленіемъ, любитъ просвѣщеніе и вообще *литературу*“ (*Отчетъ*, стр. 106).

30) См. примѣчаніе 27-е.

31) См. примѣчаніе 25-е.

32) 17-го апрѣля 1856 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Не можете ли достать мнѣ чрезъ Аксаковыхъ полнаго списка *Бродяги* въ первобытномъ и натуральномъ видѣ, то-есть, до обряда ветхозавѣтной цензуры. Великая Княгиня Марія Николаевна желаетъ имѣть такой списокъ“ (*Отчетъ*, стр. 106).

33) Передъ Пасхою 1856 года А. С. Хомякову было, по Высочайшему повелѣнію, запрещено носить бороду. 17-го апрѣля 1856 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „А вотъ умеръ и бѣдный Чаадаевъ. Жаль мнѣ его. Москва безъ него и безъ Хомяковской бороды какъ

безъ двухъ родинокъ, которыя придавали особенное выраженіе лицу ея“ (*Отчетъ*, стр. 106).

34) Авдотья Павловна Глинка, супруга Ѳ. Н. Глинки и дочь попечителя Московскаго университета и сенатора Павла Ивановича Голенищева-Кутузова и княжны Елены Ивановны Долгоруковой. Въ 1856 году она напечатала переводъ съ французскаго *Размышленія и чувства герцогини де Дюра и Леонидъ Степановичъ и Людмила Сергѣевна*, повѣсть; а также *Графиню Полону* (Князь П. Н. Голицынъ. *Библіографическій Словарь Русскихъ Писательницъ*. С.-Пб. 1889, стр. 64—66).

35) Въ стихотвореніи своемъ *Одно сокровище* князь Вяземскій начерталъ:

Мой біографъ,—быть можетъ *Шевыревъ*,
Меня, давно забытаго молвою,
Напомнитъ вновь вниманью земляковъ.

(*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1887. XI, стр. 50.

36) Здѣсь идетъ рѣчь о стихотвореніяхъ князя П. А. Вяземскаго, изданныхъ въ 1859 году въ Карлсруэ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *За границею. Корректурные листы изъ стихотвореній князя П. А. Вяземскаго*. Съ фотографическимъ портретомъ автора. Въ этомъ сборникѣ напечатаны въ первый разъ слѣдующія стихотворенія: „Масляница на чужой сторонѣ“, „Венеція“, „Кессингенъ“, „Лѣсъ горитъ“, „Si jeunesse savait, si viellesse pouvait“, „Plutôt être que paraitre“, „Очерки Карлсбада“, „Дорога изъ Ниццы въ Канны“, „Вечеръ въ Ниццѣ“, „У страха глаза велики“, „Молитва“, „Сознаніе“ (См. *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Изданіе графа *С. Д. Шереметева*. С.-Пб. 1887, т. XI, стр. 3—7, 71—75, 253—257, 295—296, 36—37, 304—307, 317—318, 315—316, 292—294. IV, стр. 242—243; 356. XI, стр. 128—129.

37) 15-го августа 1860 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Посылаю вамъ застольную рѣчь мою на юбилейномъ дружескомъ обѣдѣ у Евграфа Петровича. Она васъ можетъ быть позабавитъ“ (*Отчетъ*, стр. 112). Эта рѣчь князя Вяземскаго, произнесенная на юбилеѣ пятидесятилѣтней дѣятельности Е. П. Ковалевскаго, напечатана въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1882. VII, стр. 62—64.

38) 15-го августа 1860 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „По словамъ Плетнева, я все поджидалъ васъ сюда на пути въ чужіе края. Жаль, если вы отмѣнили поѣздку свою. Человѣку хорошо обновлять иногда воздухъ своего внѣшняго и внутренняго жилья. Это придаетъ силу, бодрость, укрѣпляетъ и растворяетъ легкіе. Да и Россію иногда какъ-то чище любишь издали“ (*Отчетъ*, стр. 112).

39) 15-го августа 1860 года князь Вяземскій писалъ Шевыреву:

„Тошно бываетъ смотрѣть на Россію сквозь наши обличительные журналы, не смотря на то, что нашъ пріятель Хомяковъ съ предсѣдательскаго своего мѣста (Общество Любителей Россійской Словесности) даетъ этой новой литературѣ право гражданства. Какъ при словахъ его должна была вздрогнуть тѣнь прежняго предсѣдателя, тремя помноженнаго Антона и на закуску Прокоповича. Меня въ наше время не столько бѣситъ нечестная литература, сколько честная, которая труситъ предъ первою и оставляетъ себѣ всегда лазейку, изъ которой перемигивается съ нею. Это вѣрнѣйшій признакъ нравственнаго упадка литературы и близорукости тѣхъ, которые этимъ промышляютъ. Они думаютъ, что тѣмъ задобрятъ противниковъ своихъ, но ошибаются. Они неаполитанскіе, заискивающіе милости, послы въ Туринѣ, но Чернышевскіе и Кавуры неуступчивы, и ихъ не проведешь“ (*Отчетъ*, стр. 112—113).

40) Шевыревъ ошибся: заведенное на средства графа А. А. Кушелева-Безбородка *Русское Слово* сдѣлалось органомъ Писарева, Благосвѣтлова и К°.

41) 22-го декабря 1863 года, изъ Венеціи, князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Мнѣ часто приходило на умъ, что вы должны были воспользоваться пребываніемъ вашимъ въ Парижѣ, чтобы возражать нелѣпостямъ и клеветамъ, которыя сыплятся на насъ парижскими журналами. Благодарю васъ, что вы отщелкали этого дурака *добраго Жанна* (Bonjean, первый президентъ французскаго сената). Только жаль, что вы его еще немножко поберегли. Сдѣлайте милость продолжайте ратоборствовать“ (*Отчетъ*, стр. 113—114)

42) 22-го декабря 1863 года, изъ Венеціи, князь Вяземскій писалъ Шевыреву: „Особенно желалъ бы я, чтобы вы не спускали вашему коллегѣ по профессорству St. Marc de Jirardin. Онъ пуще всѣхъ бѣситъ меня своимъ мнимымъ вѣжливымъ спокойствіемъ и стоичнымъ и пристрастнымъ безпристрастіемъ. Жаль, что мы съ вами не вмѣстѣ. Мы соединенными силами стали бы дѣйствовать противъ общихъ враговъ. А я, за неимѣніемъ военныхъ снарядовъ, пустился въ поэзію. Я называю это по русскому обычаю: пить съ горя“ (*Отчетъ*, стр. 114).

43) Графиня Сегюръ, дочь графа А. О. Ростопчина. Ея книжка „Le général Dourakine“ написана для дѣтскаго и юношескаго возраста.

44) Рѣчь идетъ о статьѣ князя Вяземскаго „La question polonaise et M. Pelleton“, написанной по поводу рѣчи этого политическаго дѣятеля и писателя, произнесенной имъ въ засѣданіи Законодательнаго Корпуса 28-го января 1864 года, и въ которой онъ коснулся Польскаго вопроса (*Отчетъ*, стр. 117).

45) 10-го февраля 1864 года скончался князь Левъ Александровичъ Чернышевъ, мужъ дочери В. П. Титова, Маріи Владиміровны.

III.

ПИСЬМА

М. А. Максимовича къ князю П. А. Вяземскому.

1.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Уцѣлѣвшій на этомъ свѣтѣ во время холеры, я рѣшился повторить *Денницу*, которая въ прошломъ году была такъ счастлива участіемъ вашимъ и почти всѣхъ писателей нашихъ, коихъ желалъ я. Мнѣ посчастливилось начало и новой *Денницы*. Не знаю, за что вы были такъ щедры въ прошломъ году; но не вижу причины, почему бы вамъ должно было отказать мнѣ теперь. Посему, не имѣя болѣе терпѣнія выжидать вашего пріѣзда въ Москву, я рѣшился письмомъ моимъ безпокоить васъ просьбою объ участіи вашемъ въ *Денницѣ* и на сей годъ. Отъ Альманашнаго слуха не укрылось, что у васъ написано много—тѣмъ лучше для читателей *Литературной Газеты*, коихъ число вѣрно умножится съ наставшимъ ея возрожденіемъ; пусть же отъ этого будетъ лучше и читателямъ *Денницы*. Оставьте, сдѣлайте одолженіе, и на мою долю изъ вашихъ стихотвореній и изъ пьесъ прозаическихъ: въ особенности мнѣ хотѣлось бы имѣть что-либо писанное вами о литературѣ нашей, гдѣ бы мощная рука ваша карала литературное преступленіе.—Вотъ моя покорнѣйшая просьба [1]).

Я могъ бы вамъ сообщить извѣстія о разныхъ происшествіяхъ, — или лучше сказать исходахъ въ литературѣ нашей, но боюсь занять васъ незначущимъ, либо извѣстнымъ. На всякій случай препровождаю при семъ объявленіе о новомъ романѣ Булгарина; самъ печатаю объявленіе о романѣ „Марѳа Ивановна Выжимкина“;—вы, можетъ быть, знаете уже, что, кромѣ *Дамскаго Журнала* и *Телеграфа*, всѣ остальные журналы наши московскіе испускаютъ духъ къ новому году: вы сглазили ихъ, сказавъ, что они *живущи*. *Галатея* вмѣсто конца выдаетъ 2-ю часть Андрея Переяславскаго;— Лжедмитріевъ *) уже отпечаталъ, и весьма великолѣпно, свои сочиненія, и проч., и проч.

Вы знаете уже, можетъ быть, что теперь въ Москвѣ Д. В. Давыдовъ, Кирѣевскій **)—къ новому году, хоть на время, опять сосредоточится здѣсь литература.

Съ моимъ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью остаюсь вашимъ, милостивый государь, покорнымъ слугою. Михаилъ Максимовичъ.

1830, декабря 22 дня.

2.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Благодарю васъ покорнѣйше за вашъ поэтическій подарокъ моей *Денницѣ*, который сейчасъ получилъ отъ Пушкина: въ вашей „Кибиткѣ“ и по раздольнымъ ухабамъ накатаешься до сыта! [2])

Спѣшу послать къ вамъ, какія есть у меня, изъ желаемыхъ вами книгъ: *Телеграфъ*, *Галатею*, *Сѣверные Цвѣты*, и — если угодно—*Киргизъ-Кайсакъ*, отъ котораго ждали многіе меньше, чѣмъ нашли. *Телескопище* съ *Молвою* вышли, но я еще у себя не имѣю [3]). Первый томъ Исторіи у меня пропалъ безъ вѣсти, а если угодно второй; впрочемъ я предлагаю на жертву дѣтище стародавняго все еще пріятеля моего [4]).

Листокъ, издаваемый юнымъ княземъ Львовымъ, наполняется неважными новостями и между прочимъ каламбурами, изъ коихъ

*) Племянникъ Ивана Ивановича — Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ. *И. Б.*

**) Иванъ Васильевичъ. *И. Б.*

были удачные, напримѣръ, то, что въ крещенскіе морозы оправдывается мнѣніе французовъ, что русскіе не живутъ, а прозябаютъ [5]).

Въ 1-мъ № *Сѣверной Пчелы* помѣщено письмо Бенкендорфа къ Булгарину, гдѣ изложено то, что государь позволяетъ Булгарину поднести ему экземпляръ „Петра Ивановича Выжигина“ по отпечатаніи, одобряетъ его усердіе къ пользамъ общимъ и обѣщаетъ всегда ему свое монаршее покровительство. *Пчела* бранитъ и даже разбирать не хочетъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* потому, что тамъ есть „Наложница“ *).

Въ С.-Петербургѣ издается 14 новыхъ журналовъ и газетъ, въ томъ числѣ 3 нѣмецкія. Кирѣевскій благодаритъ покорнѣйше за ваше въ немъ участіе и воспоминаніе. Онъ и братъ его пріѣхали въ Москву по случаю холеры,—и кажется, что надолго. Онъ написалъ сказку прекрасную, но еще не печатаетъ; обозрѣнія не пишетъ уже мнѣ въ *Деннцу*—а какъ это необходимо, то я самъ подмахнулъ—вамъ не смѣшно развѣ это будетъ? Впрочемъ я написалъ въ надеждѣ той, что мнѣ не откажутъ въ замѣчаніяхъ преждепечатныхъ, и я жду вашего пріѣзда, желалъ бы даже къ вамъ прислать—для прочтенія [6]).

Извините меня, а я еще разъ изъявляю мое сильное желаніе вашей прозы, хоть нѣсколько строкъ: она такъ дѣйствительна была въ прошломъ году, а у меня такъ мало въ прозѣ замѣчательнаго; на Пушкина уже потерялъ я надежду прозаическую [7]); Баратынскій обѣщалъ написать повѣсть, но я готовъ бы сказать ему: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ *Деннцу!* Нѣтъ ли у васъ хоть нѣсколько строкъ о нравственности литературной, о Видокѣ или объ чемъ-либо другомъ, только бы не о Полевомъ исключительно [8]).

Простите, что съ такою ненасытностію, такъ неотвязно и даже условно прошу васъ: я не сдѣлалъ бы этого, не будучи увѣренъ въ вашемъ ко мнѣ расположеніи и не имѣя въ себѣ того чувства уваженія и преданности къ вамъ, съ которыми, съ тѣхъ поръ какъ узналъ васъ лично, къ вамъ пребываю. Михаилъ Максимовичъ.

9 января 1831.

---

*) Поэма Баратынскаго. *Н. Б.*

P. S. *Сѣверные Цвѣты* прошу покорно прислать такъ скоро, какъ только можно, ибо это чужіе, а въ Москву еще немного прислано.

3.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Вамъ, конечно, будетъ любопытно знать слѣдующія извѣстія, къ литературѣ нашей относящіяся:

1) Высочайшее повелѣніе цензуры, дабы она приняла общія мѣры, чтобы въ журналахъ и газетахъ всѣ статьи печатались съ подписью сочинителей или переводчиковъ ихъ.—2) Чтобы ничего не было печатаемо о царѣ, царской фамиліи, дворѣ, придворныхъ увеселеніяхъ. 3) Подтверждено, чтобы Альманахи считались періодическими изданіями, наравнѣ съ журналами и газетами, и чтобъ экземпляръ оныхъ былъ доставляемъ въ канцелярію Бенкендорфа.

Два первые номера *Литературной Газеты* вышли; тамъ между прочимъ помѣщены: ваши „Степи“, Пушкина „Кавказъ“; разборъ „Годунова“...

„Зимнія каррикатуры“ ваши и „Пѣсня“ уже въ печати. Перечитывая ихъ, я признаюсь, посовѣстился за неумѣренность своихъ желаній въ прошломъ письмѣ. Нельзя однакожь не признать и въ васъ эгоизма: жалуетесь на обозы и кибитку за себя, а не жалѣете своихъ читателей, и на ихъ бокахъ вымещаете за свои [9]).

Поздравьте насъ университетцовъ съ сегодняшнимъ днемъ, въ который за годъ предъ симъ была читана извѣстная вамъ книжица, при семъ препровождаемая: примите ее въ знакъ моего уваженія, съ коимъ пребываю вамъ преданный Михаилъ Максимовичъ [10]).

1831, 12 января.

P. S. Замѣтили ли вы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письмо (Пезаровіуса) противъ письма польскаго помѣщика (Булгарина?) о Польшѣ, напечатаннаго въ *Сѣверной Пчелѣ?*

4.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

На дняхъ я послалъ къ вамъ книжку *Телескопа* и 2 листка *Молвы* за книги ваши, взятыя мною у Полеваго. Теперь препро-

вождаю, на всякій случай, мое *обозрѣніе*, можетъ быть, найдете еще время просмотрѣть его, и если вы—какъ слышалъ я—скоро будете сами, то я воспользуюсь вашими уже изустными замѣчаніями.

Не переписаны еще замѣчанія о стихотворныхъ и историческихъ сочиненіяхъ [11]). Нѣсколько дней уже не выхожу изъ дому, а потому ничего новаго не могу сообщить, кромѣ того развѣ, что въ кабацкомъ *Меркуріѣ*, издаваемомъ Рюмкинымъ, бранятъ „Годунова“ и даже куплеты напечатаны [12]).

Въ ожиданіи вашего пріѣзда съ моимъ почтеніемъ и преданностію остаюсь Михаилъ Максимовичъ.

1831, 22 января. Москва.

5.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Видѣвъ всегда благорасположеніе ваше ко мнѣ, я обращаюсь къ вамъ съ поворожденнымъ желаніемъ моимъ и съ покорнѣйшею просьбою принять въ немъ участіе.

На сихъ дняхъ я слышалъ, что Кеппенъ *) оставляетъ мѣсто, имъ занимаемое въ Крыму при Стевенѣ. Мѣсто сіе соединяетъ въ себѣ почти все мое желанное,—то именно, при чемъ жизнь моя могла бъ быть полезнѣе для меня и для общества.—Благодатный югъ, любимый флорою Крымъ, сады, шелководство, винодѣліе, самый Стевенъ богатый ботаникою: все это вмѣстѣ не могло не взманить къ себѣ занимающагося естествознаніемъ уроженца южнорусскаго. Прибавьте къ этому и значительный окладъ (кажется, 4 или 5-тысячный), на которомъ можно бы жить обезпеченно для себя и для науки: между тѣмъ какъ въ настоящемъ положеніи моемъ я все еще подлежу мнѣнію, можетъ быть, и согласному съ системою *тожества*, но весьма несогласною съ системою *жизни*: будто питающій духъ свой растеніями можетъ быть и физически существомъ травояднымъ. Такимъ образомъ я охотно бы промѣнялъ Москву на Крымъ, и смѣю думать, что, находясь при томъ мѣстѣ, я былъ бы на своемъ мѣстѣ.

*) Петръ Ивановичъ. *Н. Б.*

Вотъ мое желаніе пламенное, почти идеалъ. Надежда на васъ. Вамъ, какъ поэту, уже въ привычку опредметовать свои идеалы: помогите жъ исполненію моего и будьте моимъ ходатаемъ у просвѣщеннаго нашего г. министра внутреннихъ дѣлъ объ опредѣленіи меня на то мѣсто.

Не знаю, можетъ быть, оно уже занято другимъ; можетъ быть, я прошусь на живое еще мѣсто. Въ томъ и другомъ случаѣ мнѣ конечно нельзя быть тамъ по всеобщему закону непроницаемости. Но на сей разъ я желалъ бы, чтобы сіе мѣсто было пусто, хотя оно для меня и свято, и хотя природа не терпитъ совершенной пустоты даже и въ такъ называемой пустотѣ Торричелліевой. Во всякомъ случаѣ я виноватъ былъ бы передъ собою, еслибъ оставилъ безвнимательно дошедшій до меня слухъ, не поставилъ бы себя на видъ для такого мѣста и не просилъ бы васъ быть моимъ ходатаемъ [13]).

Хотѣлось бы вамъ сказать что-либо о литературѣ московской; но я совершенно отсталъ отъ нея, не смотря даже на то, что она находится въ ботаническомъ состояніи. Журналъ университетскій начнется съ 1 іюня. Альманахъ новый затѣвается Мельгуновымъ. Печатаю стихотворенія Н. Тепловой. Больше не знаю. Еслибъ вамъ угодно спросить объ моихъ занятіяхъ литературныхъ, то я издаю 1 и 2 книгу „Размышленій о природѣ“;—первую книгу крестьянина Наума „О великомъ Божіемъ мірѣ“—начало давно замышляемой мною народной энциклопедіи; да еще 1-ю тетрадь малороссійскихъ пѣсенъ съ нотами. Для стараго же изданія оныхъ безпотнаго имѣю уже болѣе 500 пѣсенъ, между коими есть дивнопоэтическія. Сравнивая оныя съ „Пѣснію о полку Игоревѣ“, я нахожу въ нихъ поэтическое однородство, такъ что оную пѣснь—которую согласно съ общимъ мнѣніемъ должно, кажется, отнесить дѣйствительно къ XII вѣку,—называю началомъ той южнорусской эпопеи, которая звучала и звучитъ еще въ душахъ бандуристовъ и многихъ пѣсняхъ украинскихъ; а пѣснь Ярославны темою, которая распѣвается въ разнообразныхъ, полныхъ чувствомъ женскихъ пѣсняхъ Украины. Это мнѣніе я хочу написать по поводу новаго, Вельтманомъ изданнаго, мѣрно-прозаическаго перевода сей пѣсни. Мнѣ бы весьма хотѣлось знать сужденіе ваше о такомъ

мнѣніи,—и что скажетъ объ немъ Пушкинъ, которому прошу покорнѣйше передать мой усердный поклонъ [14]).

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою. Михаилъ Максимовичъ.

1833, февраля 17. Москва.

6.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Я такъ долго не писалъ къ вамъ и не изъявилъ моей душевной благодарности вамъ, что и вспомнить страшно, — и почитаю вину свою столь великою, что извиняться совѣстно. Могу сказать только словами Языкова, что у меня такого рода винъ цѣлый погребъ: вотъ почти единственные плоды, которые собралъ я съ тернистыхъ лозъ познанія въ это время, въ продолженіе коего тѣло мое хворало, а мысль *распутничала*. Не могу иначе назвать того неопредѣленнаго ея состоянія, которое только теперь къ 1-му августа должно разрѣшиться. Я не зналъ, что̀ дѣлать и куда, по какой дорогѣ отправиться. Мечта моя, какъ осенняя перепелка, все тянулась къ Крыму;—намѣренъ былъ ѣхать къ Кавказскимъ водамъ, для чего получилъ было и отпускъ, но къ сожалѣнію принужденъ былъ обстоятельствами отложить поѣздку до весны будущей;—представлялось мѣсто въ Одесскомъ саду, которое однакожъ я себѣ не одобрилъ;—есть мѣсто выгодное въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ, которое я и хотѣлъ было назвать своимъ, какъ вдругъ стало проясняться въ нашемъ университетѣ, и мнѣ открылась надежда получить вполнѣ профессорство ботаники, котораго ждалъ я такъ долго—7 лѣтъ, и которое нѣкогда считалъ я лучшимъ благомъ. Оставалось подождать до мая, до новыхъ выборовъ, при которыхъ, я полагалъ, Двигубскій *), будучи уже 4 года эмеритомъ, выйдетъ съ пенсіей. Но онъ, не смотря что его не выбрали и забалтировали въ ректоры и деканы, что ему, вслѣдствіе новыхъ предписаній министерскихъ о заслуженныхъ профессорахъ, готовится остракизмъ, самымъ несамолюбивымъ и не-

*) Иванъ Алексѣевичъ, заслуженный профессоръ физики и естественной исторіи Московскаго университета. *Н. Б.*

понятно терпѣливымъ образомъ остается до сихъ поръ... Вотъ отчетъ вамъ о распутіи, на которомъ находилась моя мысль, и о несносномъ состояніи, послѣ семилѣтнихъ ожиданій, ждать 4 мѣсяца съ недѣли до недѣли рѣшенія своего, не зная, что еще выйдетъ навѣрное,—особенно при разстроенномъ нервно моемъ здоровьи. Этимъ ожиданіемъ затянулось и мое письмо къ вамъ, ибо мнѣ хотѣлось на ваше столь участливое предложеніе написать что-либо рѣшительное о судьбѣ своей. Теперь я могу уже обратиться къ вамъ со слѣдующею просьбою: если я такъ счастливъ, что пользуюсь добрымъ мнѣніемъ и расположеніемъ у министра, то исходатайствуйте мнѣ у него *воспоминаніе* обо мнѣ въ то время, какъ откроется извѣстное или подобное мѣсто въ Южномъ Крыму! Другое мѣсто, куда бы я еще охотнѣе, всего желаннѣе переселился, это *Кіевъ* — 70 верстъ отъ моей родины, куда зовутъ меня и семейныя связи. Для Кіева охотно бы оставилъ я всякое мѣсто, еслибы тамъ открылось мѣсто, отъ 4 до 5 тысячъ жалованья (ибо внѣ Петербурга и Москвы нельзя уже добывать посторонимъ трудомъ). — Вотъ мои блаженныя желанія, о коихъ прошу покорнѣйше васъ вспомнить впослѣдствіи, когда откроется поводъ! [15]) До тѣхъ поръ я или остаюсь въ Москвѣ, если будетъ выгодно для здоровья и кармана, продолжать мою университетскую службу, или перейду въ Бѣлорусскій учебный округъ.

Одно, что̀ мнѣ удалось въ сіе время, было изданіе *Наума*, коего съ *Размышленіями* я посылалъ уже вамъ поклониться. Онъ принялся и расходится съ похвальными успѣхами; но мои *Размышленія* стали въ тупикъ.—На дняхъ выйдетъ 1-я книжка *Ученыхъ Записокъ*, кои издаваться будутъ при университетѣ нашемъ, по предложенію Уварова.—Объ самомъ университетѣ могу сказать съ удовольствіемъ, что онъ получилъ надежды къ улучшенію. Съ пріѣздомъ князя Сергія Михайловича *) кончилось гадкое управленіе Голохвастова и его тряпицы Двигубскаго (на мѣсто коего теперь ректоромъ Болдыревъ), которые поперечили всякому доброму дѣйствію въ университетѣ и заслужили общую въ Москвѣ ненависть и презрѣніе,—въ отраду намъ была и перемѣна министер-

*) Голицына. *Н. Б.*

ства, ибо отлегла отъ насъ черствая рука Ливена, готовая изъ послѣдней учительской сумы взять копѣйку и хотѣвшая нуждою привязать къ ученому званію: между тѣмъ какъ всѣ бывшія до сихъ поръ распоряженія новаго управляющаго *) клонятся къ возвышенію учености, чего *подай, Господи!*

Хотя вы не вкушаете отъ плодовъ контрабандной литературы нашей, и находите, что это здорово, однакожъ вѣрно полюбовались лакомымъ кускомъ, которымъ *Пчелка* угостила если не дружественно, то по крайней мѣрѣ шер-амижно *Клятву при гробѣ Полевого* (такъ пишутъ переплетчики на корешкахъ).

Въ концѣ августа я надѣюсь доставить вамъ первую тетрадь украинскихъ пѣсенъ (голосовъ). — Не знаю навѣрно, а кажется, прійдется мнѣ издать къ зимѣ еще разъ *Денницу;* въ Москвѣ никто не хочетъ приняться за альманахъ, мнѣ же это не ново,— статей же наберется довольно.—Если вы оставили свой альманахъ и найдете въ портфели своей лишніе стихи, то позвольте и въ этотъ разъ не быть моей *Деннице* безъ вашего пера, которымъ такъ нарядно она убрана была, въ прежніе два выхода свои [16]). Что касается до тѣхъ стиховъ, коими вы хотѣли украсить альбомъ мой, то въ немъ только въ задатокъ написанъ первый куплетъ.

Желая вамъ всего добраго и прекраснаго, съ чувствомъ признательности и почтенія остаюсь навсегда вамъ преданный вашъ покорнѣйшій слуга. Михаилъ Максимовичъ.

1833, 22 іюля. Москва.

Прошу покорнѣйше передать А. С. Пушкину мой поклонъ и *чолѡмъ.*

7.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Препровождаю при семъ къ вамъ экземпляръ „Стихотвореній Н. Тепловой“, по порученію сочинительницы: они вѣроятно вамъ понравятся, ибо къ нимъ можно примѣнить ваше поэтическое правило: *Вы будьте истинны!* [17])

Мое университетское, московское положеніе, о которомъ я

*) Сергія Семеновича Уварова. *Н. Б.*

писалъ къ вамъ отъ 22 іюля, теперь разрѣшилось и улучшилось, ибо наконецъ я сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ ботаники. Такимъ образомъ я получилъ все желанное по министерству просвѣщенія: теперь надежда на ваше, ибо отъ финансовъ будетъ зависѣть улучшеніе университетскаго бытья, скуднаго въ сравненіи съ лицейскимъ и даже съ гимназическимъ, столь улучшенными, достаточными, по благости новыхъ уставовъ. А чтобъ не оставить безъ ясныхъ доказательствъ, вамъ сообщу слѣдующее: профессоръ Щепкинъ *) подалъ просьбу о помѣщеніи его учителемъ математики въ Дворянскій институтъ (или Первую гимназію) и увольненіи отъ должности профессора,—изъ поповъ въ дьяконы. Скоро ли новый уставъ,—дай Богъ скорѣе... Вотъ наше желаніе университетское, ибо съ тѣмъ долженъ улучшиться не только бытъ профессорскій, но и самъ университетъ. Въ нынѣшнемъ году пріемъ студентовъ былъ очень удачный и строгій: прошеній было до 180, и по онымъ принято только 56 человѣкъ. На первый разъ это имѣло нѣкоторыя невыгоды для частныхъ лицъ, но впослѣдствіи это должно принесть несомнѣнную пользу: ибо чрезъ это будетъ лучше поневолѣ до-университетское ученіе; и въ самомъ университетѣ можетъ быть возвышено преподаваніе наукъ, сообразно большему развитію умственной пріемлемости слушателей.

Между прочими занятіями моими нынѣ состоитъ изданіе и *Денницы*, которой два листа уже корректуются.

Сдѣлайте одолженіе мнѣ, не откажитесь прислать что-нибудь вашего сочиненія: въ стихахъ, а если можно, и въ прозѣ — хоть нѣсколько строчекъ. Къ 1-му декабря хочется мнѣ кончить изданіе оной; потому покорнѣйше прошу принять въ соображеніе къ просьбѣ моей сіе обстоятельство. Буду ждать съ нетерпѣніемъ и терпѣніемъ вашего присланія; хотя увѣренъ, что вы теперь сильно атакованы съ литературной стороны [18]).

При семъ, свидѣтельствуя вамъ мое искреннее уваженіе и признательность, остаюсь вамъ преданный и покорный слуга. Михаилъ Максимовичъ.

1833, 14 октября. Москва. Ботаническій садъ, за Сухаревою башней.

---

*) Павелъ Степановичъ, ординарный профессоръ чистой математики Московскаго университета. *И. Б.*

P. S. На дняхъ я получилъ стихи и письмо отъ Языкова. Онъ сдѣлался страшный гомеопатистъ: не иначе какъ съ восторгомъ говоритъ объ ней и предпринялъ на своемъ иждивеніи сдѣлать и напечатать переводъ „Гомеопатической Терапіи“ Гартмана, возложивъ на меня хожденіе по сему дѣлу. А какъ гомеопатія въ немилости у врачей-аллопатовъ, то позвольте обратиться къ вамъ съ слѣдующимъ, въ предохраненіе напрасныхъ убытковъ нашего Языкова: не помѣшаетъ ли медицинская цензура напечатанію сей гомеопатіи... Это, кажется, преимущественно зависитъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ [19]).

8.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Благодарю васъ покорнѣйше за попечительное ваше увѣдомленіе о Языковскомъ предпріятіи—и—отъ имени стихотворицы—за одобрительный пріемъ ея книжечки. Что касается до *Денницы*, то я никакъ не могу остановиться на той мысли, чтобы ей выйти безъ вашего имени: неужли въ это время, на мое счастье, ничего у васъ не прибыло? Мнѣ бы хоть одно ваше стихотвореніе! При томъ же я помню у васъ была прелюбопытная записка о *само-прекращеніи* раскольниковъ. *Вы* конечно бы имѣли право ее огласить,—а какъ бы она была эфектна въ настоящее время *дѣйствительности*...

Принимаю совѣтъ вашъ: отъ добра добра не искать; но вы еще спрашиваете: не разыгралась ли снова во мнѣ тоска? Разыгралася-ль—не знаю; но она положила мнѣ въ сердцѣ дитя свое—неодолимую тоску по югѣ, и этотъ невытравляемый червь пробудился и шевелится во мнѣ съ той поры, какъ въ Кіевѣ назначенъ университетъ. Если правда, что и дымъ родины не противенъ, то благоуханіе цвѣтовъ ея и цвѣтовъ ея поэзіи упоительно, особливо для ботаника,—и я, кажется, тогда только буду доволенъ и покоенъ, когда сбудется мечта моя и червь тоски моей вполнѣ *превратится* на цвѣтахъ Украйны, когда вмѣстѣ съ Языковымъ скажу: *здѣсь дома я, здѣсь лучше мнѣ*!... Потому мнѣ *должно* перейти въ Кіевъ и разводить тамъ плоды флоры Московской, которые

ростилъ и собиралъ я 13 лѣтъ;—только тамъ они размахровѣютъ!... Я не стану употреблять во зло вашего ко мнѣ расположенія просьбою нарочнаго обо мнѣ старанія; но, если случится вамъ говорить съ нашимъ министромъ, то замолвите свое слово о выгодномъ перемѣщеніи въ Кіевъ меня, съ моею богинею Флорою, которая въ кабинетѣ моемъ завидуетъ долѣ Данаиной. Быть въ университетѣ Святаго Владиміра для меня лучше и желаннѣе, чѣмъ носить крестъ его въ Москвѣ, хотя бы то и на шеѣ...

Продолженіе моего *Наума* (за добрую память о коемъ вамъ великое *спасибо*) послѣдуетъ, кажется, въ февралѣ; къ тому жь времени должно будетъ повторить первую книгу, ибо 1300 экземпляровъ уже разошлось и остается только около 150.—Пѣсни мои до времени молчатъ, покамѣстъ Москва напѣваетъ мнѣ, какъ бабушка—рѣпку; а я ей—Донъ, донъ, а того лучше—домъ... Съ этою мыслію, съ вѣрою въ васъ, съ надеждою на ваше присланіе и съ любовью къ вамъ остаюсь вашъ преданный, покорный слуга Михаилъ Максимовичъ.

1833, 28 ноября. Москва.

P. S. Въ проѣздъ Пушкина, кажется, Нащокинъ былъ его монополистомъ; ибо никто изъ пишущей братіи не поживился имъ и его уральскимъ златомъ. Сдѣлайте милость, нельзя ли достать хоть отломка отъ его самородковъ или песчинокъ нѣсколько, хоть подъ предлогомъ таможенной *пошлины*.

9.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Препровождаю при семъ экземпляръ изданнаго мною *Кіевлянина* и покорнѣйше прошу принять оный съ тѣмъ же благорасположеніемъ вашимъ, съ которымъ вы содѣйствовали мнѣ изъ москвича сдѣлаться кіевляниномъ. Скоро шесть лѣтъ уже тому... и я, хотя не писалъ къ вамъ, а только напоминалъ о себѣ иногда моими кіевскими брошюрами, однако не переставалъ помнить и вспоминать васъ и вашу добрую ко мнѣ пріязнь. Теперь являюсь къ вамъ по прежнему альманашникомъ; *Кіевлянинъ* мой есть продолженіе *Денницы*, но съ другимъ уже видомъ, въ другомъ

свѣтѣ и цвѣтѣ: тамъ было вооруженіе противъ поляка *) и ему подобной братіи за честь русской словесности; а здѣсь стоимъ и ополчаемся противу польскаго духа за святую, древнюю, первозванную Русь Кіевскую. Но прозаическая существенность и тамъ, и здѣсь одинаково должна убираться цвѣтами поэзіи: *Кіевлянинъ* будетъ завидовать *Деннице*, если онъ не будетъ запечатлѣнъ вашимъ именемъ, вашей поэзіей, безъ которой—онъ скучаетъ, какъ-то самъ не свой, и какъ бы ни былъ полонъ всегда будетъ въ себѣ ощущать пропускъ. Позвольте и теперь повторить предъ вами ту просьбу, которую къ вамъ я обращалъ въ письмѣ—и не въ одномъ еще — къ Жуковскому: означьте вашимъ именемъ и вашимъ стихомъ поэтическое убранство моего *Кіевлянина*, котораго—смѣю увѣрить васъ—блюсти стану въ чистотѣ духа и въ возможной по здѣшнимъ средствамъ красотѣ формы, и ничего, никого недостойнаго не допущу въ него. Пусть и на *Кіевлянинѣ* блеснетъ лучъ вашего свѣта, которымъ такъ блестала моя московская *Денница!*...

Прилагаемый экземпляръ *Кіевлянина* покорнѣйше прошу доставить Жуковскому: вамъ вѣрно удобнѣе это сдѣлать, чѣмъ отсюда мнѣ, и тѣмъ болѣе, что я не знаю, гдѣ онъ теперь.

На здѣшнемъ горизонтѣ ничего нѣтъ полнаго жизни и утѣшительнаго для души, кромѣ священной русской старины и—преосвященнаго Иннокентія **), одного изъ немногихъ людей, про котораго можно сказать: се человѣкъ! Самое небо во все это время такое перемѣнчивое, и солнце какъ будто не хочетъ пригрѣть Кіевскихъ горъ, чтобы онѣ дохнули весною... Снѣгъ глубокій все еще лежитъ на нихъ...

Еслибы вамъ угодно было взглянуть на меня собственно, то вы бы увидѣли меня весьма уже одряхлѣвшаго безъ старости: вотъ уже другой годъ совсѣмъ подкосились ноги, такъ что я почти безвыходный домосѣдъ и еще чаще лежень;—скоро желаю по неволѣ быть вольнымъ козакомъ—то-есть, не быть въ службѣ; и потому буду коротать вѣкъ свой надъ *Кіевлянином*, украинскими пѣснями, и—вѣроятно тогда только въ состояніи буду кончить своего *Наума*

*) То-есть, Булгарина. *Н. Б.*

**) Скончался въ санѣ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. *П. Б.*

и исторію русской словесности; но главное средоточіе дѣятельности моей останется *Кіевлянинъ*,—и потому... помогите мнѣ вашимъ содѣйствіемъ и участіемъ.

При семъ съ душевнымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Михаилъ Максимовичъ.

21 марта 1840. Кіевъ.

10.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ!

Въ мартѣ мѣсяцѣ я имѣлъ честь препроводить къ вамъ моего *Кіевлянина*, а съ нимъ конечно дошла къ вамъ просьба моя о литературномъ вкладѣ для второй книжки сего изданія. Теперь приспѣла пора для рѣшенія оной просьбы, и я прошу покорнѣйше васъ о милостивомъ рѣшеніи оной, чѣмъ весьма бы обязали и утѣшили меня—труженика-издателя; тѣмъ болѣе, что на сей годъ *Кіевлянинъ* мой, еще ближе приступивъ къ иноческому званію, отрекся отъ литературной суеты міра сего — впрочемъ не отъ поэзіи,—и не захотѣвъ уже знаться съ стихотворящею молодежью, желалъ бы высшаго украшенія себѣ—лишь немногими, избранными именами лучшаго міра и лучшаго времени нашей поэзіи [21]).

При семъ съ совершеннымъ почтеніемъ къ вамъ и душевною неизмѣнною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. М. Максимовичъ.

29 ноября 1840. Кіевъ.

11.

3 сент. 1868 г. Михайлова-Гора.

Сегодня рано утромъ получилъ я письмо ваше, глубокочтимый князь Петръ Андреевичъ, отъ 22 августа, и былъ несказанно радъ ему, какъ первому привѣту и дорогому, нежданному подарку мнѣ въ день моего рожденія. Съ этой золотой грамоты вашей и началось чтеніе мое на 65-мъ году жизни, давшее мнѣ веселіе и усладу на весь этотъ день мой... Благодарю васъ—съ

тѣмъ же чувствомъ къ вамъ, съ какимъ былъ я во время оно и и пребуду дондеже есмь! А для видимаго знака къ тому кланяюсь вамъ нынѣ отображеньемъ меня юнаго, какимъ былъ я въ 1824 году; а къ тому еще прилагаю, лѣтъ за 20 написанное *воспоминаніе* о моей родной *Золотоношѣ*, которой вы придали названіе „Калифорніи“.

Давно выбывшій изъ россійскаго календаря (легко сказать— съ 1841 года!),—давно отпѣтый въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета (второй томъ его начинается моимъ именемъ),— я все еще тяну мое тягло русскимъ музамъ и въ особенности Мнемозинѣ Кіевской,—хотя эта старая вѣдьма, кажется, и не примѣчаетъ меня, закабалившаго себя ей съ 1837 года, и благопріятствуетъ болѣе любимцамъ другой кіевской вѣдьмы, слѣпой Фортуны, любящимъ загребать жаръ чужими руками и пожинать то, чего не сѣяли, тамъ, гдѣ не пахали... Но не смотря ни на что, я продолжаю свое дѣло, на основаніи староукраинскихъ казаковъ, которые бывало отбываютъ службу по 50-ти лѣтъ на своемъ коштѣ и за то—въ награду—получаютъ *абшитъ*, увольняющій ихъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей! А моей службѣ русскимъ музамъ пошелъ уже съ мая мѣсяца 46 годъ... Даруй, Боже, здоровья и силы дотянуть до 50-ти; а тамъ уже—я вольный, совсѣмъ *вольный казакъ* буду на моей пустынной Михайловой-Горѣ, отложивъ всякое попеченіе житейское...

Дней за десять я вернулся сюда изъ Золотоноши, утомленный порядочно на бывшемъ тамъ земскомъ собраніи, въ которомъ принималъ участіе въ качествѣ *гласнаго*, не умѣвъ отказаться отъ этого званія и на другое трехлѣтіе; да и несправедливо же отказываться отъ участія въ такомъ благомъ дѣлѣ, какъ земство русское, при его началѣ... А дней черезъ десять я стану укладываться на зимовку въ Кіевъ, куда отправлюсь съ моимъ 8-лѣтнимъ *Алексѣйкомъ*, чтобы его пристроить тамъ гдѣ-либо на ученье книжное, а самому поработать еще надъ изученіемъ старины Кіева и Кіевской Руси, которое составляетъ нынѣ мою *спеціальность* (не знаю, какъ Погодинъ съ Далемъ переведетъ это словцо по русски). Тамъ и предполагаю пробыть до весны. Туда и благоволите адресовать,— если вамъ, въ свободную минуту, прійдетъ желаніе обрадовать

своимъ письменнымъ отголоскомъ душевно и неизмѣнно преданнаго вамъ Максимовича.

„Цвѣты—поэзія луговъ,
Поэзія—цвѣты пустынной дебри нашей:
Вы изо всѣхъ земныхъ даровъ
Свѣжѣй, роскошнѣе и краше".

Вспомянете ли вы это дорогое для меня четверостишіе?.. *) „Было время—гдѣ вы, годы золотые?.." Простите!

12.

Весна—и съ нею оживаетъ
Воспоминанье юныхъ лѣтъ;
И предо мною воскресаетъ
Все, чѣмъ прекрасенъ былъ мнѣ свѣтъ;
И снова въ сердцѣ возникаетъ
Привѣтъ тебѣ, нашъ князь-поэтъ!
Пусть онъ съ Днѣпра къ Невѣ несется,—
И въ сердцѣ чуткомъ отзовется.

18 марта 1869 года. Михайлова-Гора.

Въ прошломъ сентябрѣ, обрадованный письмомъ вашимъ, я имѣлъ удовольствіе писать къ вамъ, глубокочтимый князь Петръ Андреевичъ! Въ тѣ поры я сбирался на зиму въ Кіевъ, но пришлось мнѣ провести ее у себя, въ Михайлогорской хатѣ, почти затворникомъ. До новаго года написалъ кое-что о богохранимомъ градѣ Кіевѣ, напечатанное въ первыхъ четырехъ нумерахъ *Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей*, гдѣ я помѣщаю всего чаще свои писанія; съ генваря писалъ о русской старинѣ къ Уварову **), по случаю археологическаго съѣзда, и за прекращеніемъ Погодинскаго *Русскаго*... Безъ него какъ-то скучно мнѣ стало, хотя и не веселъ былъ онъ въ послѣднее время своего недолгаго вѣку [22]).

До Великодня буду на Михайловой-Горѣ, а въ маѣ предполагаю ѣхать въ Кіевъ, чтобы послоняться по его окрестностямъ, еще недовольно мною изслѣдованнымъ.

---

*) Это четверостишіе нѣкогда было написано княземъ Вяземскимъ въ альбомъ Максимовича. *Н. Б.*

**) Графу Алексѣю Сергѣевичу. *Н. Б.*

Какъ вы проводили эту зиму и гдѣ будете лѣтовать до новой зимы? Да хранитъ васъ Господь вездѣ и во всякое время!

Душевно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

P. S. Въ Москвѣ, въ 1857 году, вы видѣли и одобрили мой опытъ переложенія псалмовъ на украинское нарѣчіе. Препровождаю къ вамъ еще одинъ, не напечатанный нигдѣ, псаломъ *103*. Одобрите ли его?.. [23]) Въ моемъ *Украинцѣ*, изданномъ въ Москвѣ 1859 г., напечатано было 29-ть. А въ *Галичанинѣ* 1867-го помѣщено еще 5-ть, которые удачнѣе прежнихъ; но въ Кіевѣ такъ боятся и не любятъ *украинофильства* (обращеннаго самими же въ гороховое пугало), что даже тѣхъ *пяти* псалмовъ, которые думалъ было я помѣстить въ *Украинцѣ* 1864 года, не дозволили; а вѣдь въ предисловіи къ русскому переводу Псалтири сказано: „Богъ, благоволивый святому Слову Своему быть проповѣдану на *всѣхъ языкахъ* и *нарѣчіяхъ!*“ Пусть не дозволяютъ переложеній Евангелія и Псалтири на украинское нарѣчіе (которыя, впрочемъ, неизвѣстны мнѣ); но чтобы не позволять и стихотворныхъ переложеній псалмовъ—это уже изъ рукъ вонъ! Тогда мнѣ прійдется этотъ 103 псаломъ назвать: подражаніемъ Державину „Величію Божію“ или Сумарокову, а не псалмопѣвцу Давиду!

Псалмы, переведенные Симеономъ Полоцкимъ, нѣкогда взростили поэта Ломоносова. Можетъ быть, и моимъ псалмамъ суждено впослѣдствіи заронится въ душу какого-нибудь крестьянина-украинца зерномъ горчичнымъ и дать ей поэтическое настроеніе. Я желалъ бы напечатать особою книжкою псалмовъ двадцать,—которые переведены у меня удачнѣе прочихъ,—и посвятить эту книжку Острожскому братству, чтобы тамъ, въ Острогѣ, своенародная, мѣстная рѣчь слышалась не въ однихъ простыхъ и часто недобрыхъ пѣснопѣніяхъ, но и въ посвященныхъ хваленію Господа-Бога. Прошу васъ передать эту мою мысль графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ *), угодна ли будетъ она ей?.. Въ такомъ разѣ я приготовилъ бы къ изданію и прислалъ бы ей тѣ изъ моихъ переводовъ, которые при новомъ чтеніи ихъ найду удачнѣе прочихъ; а въ Петербургѣ, не то, что въ Кіевѣ—напечатать позволятъ,—ибо позволяютъ печатать

*) Блудовой. *Н. Б.*

и Шевченковы переводы псалмовъ, лучшіе моихъ стихомъ, но болѣе отдаленные смысломъ. Впрочемъ, если мое намѣреніе и вамъ, и графинѣ Блудовой покажется излишнимъ, я спокойно съ нимъ разстанусь, какъ и со многими другими налетающими на душу помышленіями [24]).

13.

8 іюля 1870 г. Михайлова-Гора.

Встосковалась уже душа моя по васъ, драгоцѣннѣйшій князь Петръ Андреевичъ, что такъ давно остаюсь безъ вѣденія о васъ и письменнаго общенія съ вами... Только посылкою брошюръ моихъ печатныхъ я давалъ иногда вамъ знать о своемъ, еще продолжающемся на семъ свѣтѣ, существованіи и моей нескончаемой о васъ памяти; письмами же я не позволялъ себѣ врываться въ покой вашей души и вымогать ея отзывы.

Подъ конецъ іюня я утѣшенъ былъ здѣсь тѣмъ, что наконецъ устроилась судьба моего старѣйшаго, умственнаго дѣтища—„Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“, которую приснопамятный Денисъ Давыдовъ, въ своемъ письмѣ ко мнѣ, нѣкогда назвалъ—„*лучиною*, вспыхнувшею въ курной избѣ поселянина“. Эта книжица, *одинадцать* разъ уже отъ меня изданная, принята отъ меня навсегда въ распоряженіе и собственность министерства народнаго просвѣщенія. Въ Ивановъ день (24 іюня) я имѣлъ честь получить о томъ письмо графа Д. А. Толстого и того же дня написалъ благодарственный ему отвѣтъ.

Теперь у меня на сердцѣ остается печаль о моемъ, уже десятилѣтнемъ живчикѣ *Алексѣйкѣ*. Пришла пора *узаконенная* отдавать его на ученіе книжное; но куда—способу не приложу. Была въ эту зиму надежда, что отдамъ его въ Москву, на Дѣвичье поле, въ питомникъ, который устроить предполагалъ Погодинъ. Но его зимняя роковая болѣзнь помѣшала устроиться тому питомнику. Въ здѣшней же сторонѣ не найти мнѣ для Алексѣйка моего такого педагога, каковъ былъ, напримѣръ, нѣкогда рекомендованный мною вамъ кандидатъ *Прахов*ъ *),—хотя княжата

*) Отецъ профессора Адріана Викторовича Прахова. *Н. Б.*

ваши и посмѣявались бывало, какъ онъ, приходя на уроки, въ вашей прихожей (на Никитской) расправляетъ передъ зеркаломъ свои бакенбарды.... Въ три послѣдніе года я бралъ сюда и гимназистовъ, и гимназистокъ, да не было въ нихъ удачи, и мой Алексѣйко съ своей художественно-прекрасною натурою остается еще пока дикорослымъ хлопчикомъ. Видно, суждено ему поучиться здѣсь, въ Кіевѣ, куда надѣюсь перебраться въ началѣ будущаго августа мѣсяца, чтобы тамъ и зимовать.

Тогда—я предполагаю снять съ совѣсти моей еще одинъ долгъ, долгъ авторскій: напечатать „Слово о Полку Игоревѣ“ въ подлинникѣ и объ руку—съ моимъ переводомъ. Для того я препровождаю къ вамъ листки перевода моего, лѣтъ за нѣсколько напечатаннаго въ Кіевѣ, въ одномъ сборникѣ, нестоющемъ вашего вниманія.....

Не поскупитесь на свое время и вниманіе и прочтите *критически* этотъ переводъ мой, имѣя въ виду только языкъ и слогъ его: каждая поправка и замѣтка ваша для меня будетъ важна и полезна,—и мнѣ не хотѣлось бы издавать этого перевода, не прошедшаго черезъ *вашу* критико-эстетическую и для меня верховную цензуру.... Не сомнѣваюсь, что и вамъ пріятно будетъ прочесть лишній разъ, хоть и въ слабословномъ переводѣ моемъ, древне-русскую пѣснь, которой посвящалъ труды свои и вашъ почтенный сынъ *), и которая съ Екатерининa вѣка и до сего дня не перестаетъ занимать собою русскихъ людей — отъ Мусина-Пушкина и до Майкова. О ней не мало было писано и мною въ продолженіе послѣднихъ 35-ти лѣтъ; а потому предполагаемое мною ея изданіе будетъ уже имѣть въ ученомъ мірѣ именитость или авторитетъ. Какъ же мнѣ было не пожелать *вашего* вниманія и одобренія моему дословному переводу ея на нынѣшній русскій языкъ, дабы не было въ немъ „акцента малороссійскаго!“

Много обрадуете меня вы, высокочтимый князь, возвращеніемъ этихъ невзрачныхъ листковъ „Игоревой пѣсни“, съ вашими поправками и замѣтками [25]).

Да хранитъ Господь милосердный здравіе ваше на многія

---

*) Князь Павелъ Петровичъ. *Н. Б.*

лѣта! Искренно преданный вамъ и глубоко уважающій васъ Михаилъ Максимовичъ.

14.

7 декабря 1871 г. Михайлова-Гора.

Царскосельское письмо ваше, драгоцѣннѣйшій и высокочтимый князь Петръ Андреевичъ, адресованное въ исходѣ октября въ Кіевъ, получилъ я весьма несвоевременно, изъ Золотоноши, въ Михайлогорской хатѣ моей, въ которую переселился я на всю зиму. Обрадованный вашимъ привѣтнымъ писаніемъ и вмѣстѣ опечаленный вашею невеселою вѣстью о васъ, — я немедленно настрочилъ было вамъ предлинное посланіе; но въ слѣдующее утро укорилъ себя за излишнее, непомѣрное разглагольствіе, въ припадкѣ почти женскаго самовыраженія написанное, и бросилъ въ затопленную печь, такъ охотно принимавшую и принимающую въ свой зѣвъ мое бумажное топливо..... Въ моемъ здѣшнемъ одиночествѣ есть своего рода удовольствіе и отрада: высказаться на письмѣ, отвести на немъ душу и предать пламени, чтобы твоя задушевная печаль не удручала собою другой, любезной тебѣ, души, у которой на этомъ свѣтѣ и своихъ печалей накопляется не подъ силу.....

Я переждалъ ненастные дни здѣшней осени, не соблазнился даже и сѣвернымъ художникомъ *Морозомъ*, рисовавшимъ на нижнихъ стеклахъ моихъ оконъ густолиственныя кущи, а на верхнихъ мглистое небо, съ пробивающимися сквозь него свѣтлозвѣздными кружками... Только сегодня сталъ падать съ неба—и на замерзшій Днѣпръ, и на Михайлову-Гору настоящій зимній снѣгъ, тотъ, который въ двадцатые годы былъ воспѣтъ вами въ Москвѣ бѣлокаменной... И мнѣ совѣстно стало, что у васъ доселѣ, тамъ въ Петроградѣ, нѣтъ отвѣтнаго моего слова на вопросы ваши. Вотъ оно въ слѣдующихъ пунктахъ.

1) Не *a priori*, а своимъ опытомъ дозналъ я то, что̀ осмѣливаюсь теперь присовѣтовать вамъ. Залѣченный до полусмерти въ Кіевѣ, я въ 1841 году, перебравшись на Михайлову-Гору, далъ себѣ клятву: не принимать два года никакого медикамента. И я, стоявшій уже въ гробу одной ногой, возвратился къ жизни, кото-

рою паслаждаюсь и до сего дня, вслѣдствіе тогдашняго отреченія моего отъ всякихъ лѣченій.—Хотя у васъ въ Петроградѣ при дворѣ есть такой лейбмедикъ, Ѳедоръ Степановичъ *Цыцуринъ*, бывшій кіевскимъ профессоромъ и моимъ пріятелемъ, который заткнетъ за поясъ всѣхъ своихъ знаменитыхъ учителей западноевропейскихъ; но я надѣюсь, что еслибы вы и къ нему обратились за совѣтомъ врачебнымъ, онъ сказалъ бы тоже: оставьте себя на нѣкоторое время свободнымъ отъ всякихъ медикаментовъ;— при этомъ вспоминается еще мнѣ нашъ московскій, достопамятный профессоръ медицины Іустинъ Евдокимовичъ *Дядьковскій*, писавшій нѣкогда мнѣ въ Кіевъ, что поддавшись онъ германскимъ эскулапамъ, былъ не только ограбленъ, но и залѣченъ ими по напрасну. И такъ—все врачествословіе отжените отъ себя, по крайней мѣрѣ, до будущей весны [26])!

2) Зимовка въ Кіевѣ для васъ, страждущаго нервами, и немыслима! Зимовалъ я, послѣ отставки моей, трижды въ Москвѣ многозвонной (на *1850-й, 1858-й 1859-й годы*) и въ Кіевѣ (на *1845-й, 1865, 1867, 1871-й*) — и каждая зимовка въ Москвѣ была для меня не только пріятнѣе, но здоровѣе гораздо, чѣмъ зимовки въ Кіевѣ [27]), особенно послѣдняя въ *1870—1871 годахъ*, на Бибиковскомъ бульварѣ, въ домѣ Горецкаго, хотя въ этомъ домѣ прибавился незнакомый дотолѣ мнѣ *Пономаревъ*, вскорѣ ставшій однимъ изъ любимыхъ мною,—также какъ и вами,—земляковъ моихъ....

Не запоздалъ я сообщить ему отсюда вашъ новый адресъ, въ вашемъ письмѣ ко мнѣ начертанный, который ему хотѣлось отъ меня знать, чтобы писать къ вамъ. Много пріятнаго передалъ онъ мнѣ о вашемъ пребываніи на южномъ берегѣ Крыма; самъ онъ предполагалъ ѣхать на зиму въ Одессу, въ находящееся тамъ подворье аѳонскихъ черноризцевъ, если получитъ ихъ на то согласіе, чтобы тамъ написать или дописать книгу объ Іисусѣ Христѣ, за которую взялся онъ, по ихъ заказу.—Въ Кіевѣ у него, слабаго здоровьемъ труженика, такая однокомнатная квартирка, со входомъ прямо изъ холодныхъ сѣнецъ, что въ ней и осенью видѣть его было мнѣ больно, — его, неутомимо работавшаго не только надъ указателемъ статей, помѣщенныхъ въ *Кіевскихъ*

епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 10 лѣтъ, — не только надъ извѣстіемъ о моемъ *Юбилеѣ* и подробнымъ перечнемъ и отчетомъ о всѣхъ писаніяхъ кіевскаго, михайлогорскаго юбиляра, но въ то же время и надъ дополнительными свѣдѣніями о безсмертномъ юбилярѣ холмогорскомъ, для Академіи Наукъ... Не случилось мнѣ спросить, что онъ заработаетъ отъ этой послѣдней за крохоборный, кропотливый трудъ свой о великомъ русскомъ человѣкѣ; но не воздержусь передъ вами умолчать, что за описаніе моего юбилея въ газетѣ *Кіевлянинъ* онъ получилъ отъ ея издателя 20 р. сер.; а за его статью, обо мнѣ и сочиненіяхъ моихъ для с.-петербургскихъ журнала напписанную, будетъ ему заплата—150 р. с.—Ахъ, когда бы уже скорѣе онъ, стряхнувъ съ себя столь привычную для него библіографическую копоть и пыль, усѣлся на зиму гдѣ-либо и вдохновился на писаніе вышеупомянутой книги для святогорцевъ!... Я звалъ его даже въ свою хату на зиму, чтобъ намъ воодушевлять и подгонять другъ друга на завѣтные труды [28])... Ибо покаюсь передъ вами, что зимуя въ Кіевѣ къ новому году переплелъ себѣ красивый томикъ, и въ началѣ его, 1-го генваря, написалъ заглавіе: *Книга о Кіевѣ* и нѣсколько страницъ вступительныхъ, въ намѣреніи дописать къ веснѣ; но и доселѣ еще та книга остается при томъ же вступленіи... И если здѣсь, къ новой веснѣ, она не будетъ написана, то значитъ, что совсѣмъ изветшалъ и исписался... Хоть бы мой старый другъ-товарищъ Погодинъ удѣлилъ мнѣ малую толику отъ своей неутомимой, неукротимой писательной ярости и силы. Жду съ нетерпѣніемъ получить отъ него полный экземпляръ его древнерусской исторіи, читанной мною въ корректурныхъ листахъ только до 1073 страницы [29]). Жду извѣстія и отъ новаго пріятеля своего Пономарева, гдѣ онъ и что съ нимъ? Былъ бы я очень счастливъ на исходъ сего 1871 года, еслибы получить мнѣ въ моемъ уединеніи здѣшнемъ извѣстіе о вашемъ мѣстопребываніи до весны и состояніи вашего драгоцѣннаго здоровья и настроенія душевнаго.... Надпктуйте еще ко мнѣ хоть строчку и скрѣпите ее рукою властною, на укрѣпленіе и воодушевленіе наддпѣпровскаго отшельника, вседушевно преданнаго вамъ М. Максимовича.

9 декабря.

Мой адресъ: *Золотоноша* (Полтав. губ.), на Михайловой-Горѣ.—А зимы тутъ опять нѣтъ, и снѣгомъ бѣлѣетъ только длинная полоса замерзшаго Днѣпра; на землѣ и лѣсахъ темь,—и лишь изрѣдка зелень.

Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ свое глубочайшее почтеніе. Мы оба скучаемъ за нашимъ кіевскимъ гимназистомъ Алексѣйкомъ.

Господь да хранитъ васъ!

15.

1872 г., 23 генваря, Михайлова-Гора.

На второй день Рождественскихъ святокъ обрадованъ я былъ немедленнымъ отзывомъ вашимъ, драгоцѣннѣйшій князь Петръ Андреевичъ, искони ко мнѣ благосклонный; а на третій день новаго года, на листѣ отъ Академіи Наукъ, снова обрадовала меня собственноручная подпись ваша, блеснувшая мнѣ ярко среди другихъ болѣе или менѣе свѣтлыхъ именъ. Благодарю васъ вседушевно за все, за все, въ прошлые годы мною отъ васъ слышанное и видѣнное, желая вамъ здравія и благоденствія и вдохновенія на весь нынѣшній годъ, въ которомъ надѣюсь лично услышать и увидѣть васъ; гдѣ бы то ни было, на русскомъ протяженіи отъ Невы до Чернаго моря, я найду васъ непремѣнно; впрочемъ, говорю это въ тѣхъ мысляхъ, что вы на этотъ годъ не лишите Русской земли — быть вамъ въ ея предѣлахъ, и не удалитесь опять на Европейскій западъ.... (Вотъ видите, при мысли о немъ и я выразился какъ то не по русски!) *)

Здѣсь на Михайловой-Горѣ зимовка моя такая же неправильная и нестройная, какъ и зима нынѣшняя: [30]) дня за три здѣсь надъ Днѣпромъ было какъ будто въ началѣ весны; но вчера и позавчера сыпалъ непрестанный снѣгъ съ мятелью, налагая на замерзшую землю санныя дороги, которымъ несказанно обрадовались здѣшніе селяне, — и сегодня утромъ, при безвѣтренномъ морозѣ, восходящее солнце озарило такую прекрасную наддѣпровскую картину, для срисовки которой попадобилось бы многихъ живопис-

*) Въ маѣ того же 1872 года Максимовичъ посѣтилъ С.-Петербургъ и имѣлъ утѣшеніе видѣться съ княземъ П. А. Вяземскимъ. *Н. Б.*

цевъ, многихъ фотографическихъ приборовъ;—но она пропала невозвратно, имѣя зрителемъ своимъ лишь одного меня, — изъ небольшихъ оконъ ветшаной хатки моей, въ своемъ утреннемъ неприборѣ, просыпающагося всегда задолго еще до солнечнаго восхода, но уже неспособнаго дышать надворнымъ воздухомъ, когда онъ бываетъ свыше шести — семи градусовъ; а лѣтъ за 12, въ Москвѣ, я выносилъ еще 10 градусовъ мороза, но не болѣе того... Между тѣмъ, при свѣчномъ огнѣ, я не способенъ сталъ ни читать, ни писать, еще съ *1830* года, еще съ житія моего въ Ботаническомъ саду за Сухаревою башнею... И вотъ —

„За днями дни идутъ, идутъ напрасно..."

Не смотря на лестные для меня знаки общественнаго ко мнѣ вниманія, по случаю 50-лѣтняго юбилея моего, доселѣ еще не прекращающіеся, не придаютъ они мнѣ новыхъ силъ и вдохновенія на продолженіе и окончаніе завѣтныхъ трудовъ: я ничего не дѣлаю для науки и литературы вотъ уже полгода!.. Въ декабрѣ уповалъ на январь, теперь уповаю на февраль; но если и онъ съ преемникомъ своимъ мартомъ также пройдутъ безплодно, то значитъ, что и *продолженіе впредь* сего года (до будущей осени и зимы) ничѣмъ не означутъ въ книжномъ мірѣ моего существованія... Чувствую, что я заплеснѣвѣлъ въ столь долгомъ привитаніи моемъ надъ Днѣпромъ, между Михайловой-Горой и Кіевомъ; — томлюсь желаніемъ увидѣть еще разъ, въ нынѣшнемъ году, и многомилую мнѣ Москву, и Петроградъ, видѣнный мною только разъ, въ 1829 году, но вмѣщающій нынѣ въ себѣ самыхъ дорогихъ мнѣ людей,—а потомъ—хотѣлось бы также увидѣть, наконецъ, и Тавриду съ перепутницей ея Одессою, и тамъ вздохнувши и отдохнувши привольно, какъ во время оно, возвратиться въ домъ свой, доканчивать завѣтные свои труды. Для предположенныхъ странствій нарочито отложена и положена въ Кіевскій банкъ *тысяча* рублей, изъ тѣхъ *трехъ* тысячъ (то-есть, въ наличности 2.700 р.), которые получилъ я, по милости царской, въ качествѣ юбиляра. Да взялъ еще, за 600 р. съ чѣмъ-то, четыре билета перваго займа на авось,... но авоська 2-го генваря не принесъ ничего, кромѣ 10 р. за 4 купона, да слабый лучъ надежды на 2 іюля, владѣльцу

двадцатидесятинной Михайловой - Горы, остающемуся попрежнему на пенсіонѣ своемъ, 62 р. съ копѣйками въ мѣсяцъ, который другой годъ уже получается изъ казначейства кіевскаго, во избѣжаніе трудныхъ сношеній съ Полтавой и Золотоношей и для вящшаго сближенія съ Кіевомъ, гдѣ обрѣтается лучшая радость жизни моей, мой гимназистъ *Алексѣйко*, пробывшій здѣсь все святочное время и снова умчавшійся на почтовыхъ, 7 генваря, на Бибиковскій бульваръ, въ первую гимназію. А я туда прибуду на пароходѣ въ страстную седмицу, чтобы тамъ провести весь Свѣтлый праздникъ.

Какъ же я заговорился о себѣ передъ вами, высокочтимый и многолюбимый князь!... Но ужь на этотъ разъ не брошу въ печь этихъ листковъ, удовольствовавъ ея пламя двумя другими... Не взыщите за болтовню какъ прежнихъ моихъ писемъ къ вамъ, такъ и этого....

„Минута ему повелитель!“

Припоминается въ эту минуту мнѣ еще вашъ стихъ къ Готовцевой, данный нѣкогда мнѣ въ первую *Деннщу* мою (которой давнымъ давно не имѣю у себя, также какъ и второй *Деннщы*, и второй рѣчи моей „о русскомъ просвѣщеніи“ 1831 г. и многихъ другихъ своихъ словопечатныхъ издѣлій):

Вы будьте истинны,
Вы будьте—просто *Вы!*

Золотыя слова сіи стали для меня девизомъ и писаній, и дѣяній моихъ; нынѣ они вспомянулись по поводу справедливаго замѣчанія вашего о *Послѣсловіи* и біографическихъ писаніяхъ современной литературы нашей, въ которыхъ не различишь правды отъ кривды, и которой хорошо бы помнить вышеприведенныя ваши слова и обратить ихъ себѣ въ заповѣдь. „Публика—не шестьнадцатилѣтняя дѣвочка“—говорилъ нѣкогда Пушкинъ. „Съ публикою нельзя обращаться какъ съ закадычными пріятелями и входить о себѣ въ подробности для нея вовсе незанимательныя“ — сказали вы въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ... Совершенная правда! [31])

24 генваря. Мой вчерашній день на Михайловой-Горѣ былъ подъ конецъ еще прекраснѣе, чѣмъ при восходѣ солнечномъ. Въ

седьмомъ часу вечера появилось пожарное зарево надъ Днѣпромъ, тянувшееся къ востоку: думали сперва, что это новый пожаръ на нашемъ побережьи. Но зарево поднималось все выше, будто багряная радуга, а подъ нею свѣтилось небо блѣднозеленымъ свѣтомъ; багряная дуга, срединою обращенная прямо на сѣверъ, концами своими то раздавалась на западъ и востокъ, поднимаясь выше и на сѣверѣ то суживаясь и понижаясь немного, иногда достигая почти до полунеба. Воображаю, какъ хорошо было это необычайное *сѣверное сіяніе* видно у васъ надъ Невою! Но былъ невообразимо прекрасенъ видъ Михайлогорскаго обширнаго кругозора, когда онъ весь подъ сіяніемъ дня, красовавшійся бѣлымъ снѣгомъ, теперь, при заревѣ сѣвернаго сіянія, весь блисталъ розовымъ отблескомъ его на всѣхъ близкихъ и далекихъ своихъ мѣстностяхъ. При десятиградусномъ морозѣ я глядѣлъ и любовался этимъ дивнымъ зрѣлищемъ изо всѣхъ оконъ своей хатки,—глядѣлъ до самой полуночи, и все также было оно прекрасно на землѣ и небѣ. Передъ новымъ днемъ проснувшись, я не увидѣлъ уже этого сіянія на небѣ, а только сверкали вѣковѣчныя, приглядѣвшіяся уже звѣзды;—и послѣ новаго сна увидѣлъ я снова утреннюю зарю и восходъ солнечный, столь же ясные и прекрасные, какъ и вчера, да и полдень сегодняшній также ясенъ и прекрасенъ... Оставляю перо мое металлическое, одѣнусь и пойду освѣжиться на просторѣ поднебесномъ...

Неизмѣнно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

Почтенному сыну вашему прошу передать мой Михайлогорскій поклонъ. Моя Маруся дней пять уже за Супоемъ у своихъ родныхъ: поѣхала на колесахъ, вернется на саняхъ...

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ 1830 году, въ Москвѣ, Максимовичъ издалъ *Денницу*, альманахъ на 1803 годъ, которая была украшена произведеніями нашихъ писателей: Д. В. Веневитинова, И. В. Кирѣевскаго, М. П. Погодина, Е. А. Баратынскаго, барона А. А. Дельвига, А. Ѳ. Мерзлякова, В. Л. Пушкина, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, Н. М. Языкова, княгини Е. А. Волконской и др. Князь П. А. Вяземскій напечаталъ въ ней: „Отрывокъ изъ письма Готовцевой", „Слезы" (Сколько слезъ я пролилъ), „Эпиграмма" (изъ Ж. Руссо), „Сельская пѣсня" (Съ первой пѣснью соловья); а А. С. Пушкинъ украсилъ первую *Денницу* двумя первыми сценами изъ *Бориса Годунова*.

2) Подъ общимъ заглавіемъ *Зимнія каррикатуры* (Отрывки изъ журнала зимней поѣздки въ степныхъ губерніяхъ) во второй *Деннице* Максимовича помѣщены слѣдующія стихотворенія князя П. А. Вяземскаго: „Русская луна", „Кибитка", „Метель", „Ухабы", „Обозы". Въ второй *Деннице* помѣщено также стихотвореніе князя Вяземскаго „Дѣвичій сонъ" (Мимо дома все хожу): *Зимнія каррикатуры* очень понравились Пушкину, и вотъ что о нихъ писалъ онъ князю Вяземскому: „Стихи твои прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ, лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны", но князь Вяземскій остался вѣренъ Максимовичу, и Пушкинъ отдалъ ихъ ему скрѣпя сердце (*Отчетъ Акад.*, стр. 154). Максимовичу удалось и вторую свою *Денницу* украсить произведеніями: Н. М. Языкова, Ѳ. И. Тютчева, князя П. А. Вяземскаго, А. С. Пушкина, А. Ѳ. Вельтмана, Ѳ. П. Глинки, С. Е. Раича, С. П. Шевырева.

3) Въ 1831 году, на развалинахъ старыхъ и новыхъ московскихъ журналовъ, Николай Ивановичъ Надеждинъ, основавъ *Телескопъ* и *Молву*, напечаталъ слѣдующее заявленіе: „Издатель, желая сдѣлать свой журналъ указателемъ современнаго просвѣщенія, будетъ стараться доста-

влять въ немъ образованной публикѣ вмѣстѣ и пріятное чтеніе. Сей важной тайнѣ соединять полезное съ пріятнымъ будетъ учиться онъ у лучшихъ европейскихъ журналистовъ, преимущественно французскихъ и англійскихъ. Принимая ихъ въ образецъ и руководство, онъ не ограничится однако пособіями, у нихъ заимствованными. *Телескопъ* долженъ быть журналомъ собственно русскимъ" (*Жизнь и труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890. III, стр. 258—260).

4) 7-го января 1831 года, изъ Остафьева, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Пожалуйста пришлите мнѣ 1-й томъ исторіи Полеваго. Теперь времена холеры и слезъ миновались: можно опять приниматься за смѣхъ. А для меня послѣ *Притчей* Хвостова (перваго изданія) ничего нѣтъ смѣшнѣе нѣкоторыхъ страницъ *Исторіи Русскаго Народа* (*Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ за 1878 годъ*, стр. 153).

5) *Листокъ* этотъ издавался въ Москвѣ въ 1831 году, подъ цензурою С. Т. Аксакова и И. М. Снегирева, редакторомъ былъ Артемьевъ. Вышли №№ 1—49. Упоминаемый каламбуръ помѣщенъ въ *Листкѣ* П-мъ.

6) Свое обозрѣніе русской литературы Максимовичъ послалъ въ Остафьево на разсмотрѣніе князя Вяземскаго, который вернулъ оное съ своими замѣчаніями, изъ коихъ примѣчательно слѣдующее: „Охота вамъ держаться терминологіи врачей и вслѣдъ за ними твердить о литературной аристократіи, объ аристократіи газеты? Хорошо полицейскимъ и кабацкимъ литераторамъ... горланить противъ аристократіи, ибо они чувствуютъ, что людямъ благовоспитаннымъ и порядочнымъ нельзя знаться съ ними; но вамъ съ какой стати приставать къ ихъ шайкѣ?" (*Отчетъ Акад.*, стр. 156—157).

7) Максимовичу удалось однако добиться отъ Пушкина и прозы. Во второй *Денницѣ* напечатанъ отрывокъ изъ рукописи Пушкина (Полтава) съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Максимовича: „Рукопись, изъ которой взятъ сей отрывокъ, содержитъ весьма любопытныя замѣчанія и объясненія Пушкина о поэмахъ его и нѣкоторыхъ критикахъ. Изъ оной видно, что поэтъ не опровергалъ критикъ потому только, что не хотѣлъ" (стр. 124—130).

8) 12-го января 1831 года, изъ Остафьева, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „У Пушкина найдете вы и прозы моей малую толику. Другого, право, нѣтъ ничего въ готовности, кромѣ нѣсколькихъ заготовленныхъ киселей историку Русскаго народа, да и тѣ не совсѣмъ еще изъ него выпуты" (*Отчетъ Акад.*, стр. 154—155).

9) См. примѣчаніе 2-е.

10) 12-го января 1830 года, въ день семидесятипятилѣтія Московскаго университета, Максимовичъ произнесъ блестящую рѣчь: *Объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи.*

11) См. примѣчаніе 6-е.

12) Въ своемъ обозрѣніи русской словесности 1830 года Максимовичъ писалъ: „*Сѣверный Меркурій*, издаваемый (въ Петербургѣ) Бестужевымъ-Рюминымъ представляетъ, тонъ и языкъ столь неблагоприличны, сколько могутъ быть такими въ печати“ (*Денница* 1831. М., стр. XLIII.

13) Стевенъ занималъ должность главнаго инспектора шелководства въ Крыму. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ то время (графъ) Д. Н. Блудовъ.

10-го марта 1833 года, изъ С.-Петербурга, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Я говорилъ Д. Н. Блудову о желаніи вашемъ и показывалъ ему письмо ваше. Вотъ въ чемъ заключается отвѣтъ его: Кеппенъ изъявлялъ точно намѣреніе оставить мѣсто, занимаемое имъ въ Крыму, но намѣреніе его, по разнымъ причинамъ, не могло быть приведено въ дѣйствіе, и неизвѣстно, когда и будетъ ли оно приведено въ дѣйствіе. Если же будетъ, то министръ охотно обратитъ вниманіе на просьбу вашу и очень радъ будетъ исполнить оную, если можно. Онъ весьма благопріятно отозвался о васъ и читалъ письмо ваше ко мнѣ съ удовольствіемъ и участіемъ... Если вы узнаете, что Кеппенъ остается на своемъ мѣстѣ, то пріищите, нѣтъ ли другого, которое отвѣчало бы видамъ, склонностямъ и потребностямъ вашимъ. Прошу и тогда избрать меня ходатаемъ по вашему дѣлу. Радъ стараться“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 161).

14) 10-го марта 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Очень одобряю ваши литературныя занятія и съ нетерпѣніемъ ожидаю созрѣвшіе плоды оныхъ. Хотя и вожусь съ таможнями, но я отъ контрабандной литературы нашей, т.-е. отъ журнальной, совершенно отсталъ. Проходятъ цѣлые мѣсяцы, что я русскаго журнала въ глаза не вижу, и нахожу, что это очень здорово. И глазамъ, и желудку легче: не тошнитъ“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 161).

15) 9-го ноября 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Душевно радуюсь улучшенію участи вашей и желаю вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Между тѣмъ здѣсь слышно объ основаніи университета въ Кіевѣ. А я помню, что ваши мысли и планы лежали всегда къ югу. Не разыграется ли въ васъ снова тоска? Впрочемъ, мой совѣтъ — совѣтъ предковъ: отъ добра добра не ищутъ“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 163).

16) 9-го ноября 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Охотно желалъ бы я прильнуть къ *Деннице* вашей, но право не знаю—чѣмъ. Я совершенно голъ. Если наростетъ что-нибудь, то рады стараться и явимся къ вамъ“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 163).

17) 9-го ноября 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ

Максимовичу: „Прошу покорнѣйше изъявить мою живѣйшую благодарность Тепловой за драгоцѣнный ея подарокъ. Жалѣю, что игра поэзіи для меня миновалась, и не могу отблагодарить ее языкомъ, ея достойнымъ. Если и дерзнулъ бы, то первая выгнала бы меня изъ храма своего, какъ мытаря, сирѣчь таможенника. И потому съ паперти только молюсь съ нею одному Богу и прошу Его о ниспосланіи ей здравія, долголѣтія, благоденствія и трудолюбія, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ маленькой книжечкѣ подоспѣли книжка и книги. Вы видите, я и тутъ не отстаю отъ своихъ привычекъ мытарныхъ и цѣню хорошія вещи не по одному качеству ихъ, но и по вѣсу“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 163).

18) См. примѣчаніе 16-е.

19) 9-го ноября 1833 года, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Гомеопатъ Языковъ можетъ переводить и печатать сколько душѣ угодно, а для избѣжанія непредвидимыхъ затрудненій Д. П. Блудовъ полагаетъ, что лучше прислать книгу сюда, для разсмотрѣнія въ медицинскомъ совѣтѣ, коего журналы представляются на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Куда это его бросило? Добро бы еще, перевелъ онъ книгу о землемѣріи. Но что за универсальность такая? Поэтъ, межевщикъ, гомеопатъ. Самому Полевому будетъ завидно“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 163).

20) 10-го апрѣля 1834, изъ Петербурга, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Вотъ записка ко мнѣ отъ Жуковскаго, которая докажетъ вамъ, что я не забылъ порученія вашего. Я и самъ вчера говорилъ съ министромъ объ васъ, и мнѣ также кажется, что теперь онъ ближе къ согласію, нежели прежде. Удерживается онъ болѣе тѣмъ, что вы ему, то-есть, университету, нужны и въ Москвѣ. Гоголь, вѣроятно, писалъ къ вамъ послѣ разговора нашего. Мы тогда думали, что всего бы лучше вамъ самимъ пріѣхать сюда и дѣйствовать за себя прямо и лично“. Жуковскій писалъ князю Вяземскому: „Возвращаю тебѣ письмо Максимовича; я два раза говорилъ съ Уваровымъ. Онъ спачала отнѣкивался, но потомъ согласился. Напиши къ Максимовичу, чтобы онъ самъ написалъ къ Уварову и объяснилъ бы, почему ему такъ хочется Кіева. Уваровъ къ нему весьма хорошо расположенъ, и я увѣренъ, что Максимовичъ самъ лучше всѣхъ насъ можетъ убѣдить его“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 164—165).

21) Это письмо достигло князя Вяземскаго въ то время, когда его постигло семейное несчастіе. Въ это время въ Баденъ-Баденѣ страдала и затѣмъ скончалась его осьмнадцатилѣтняя дочь княжна Надежда Петровна. Жуковскій въ письмѣ своемъ къ великому князю Константину Николаевичу (отъ 10-го декабря 1840 году) между прочимъ писалъ: „Я получилъ изъ Бадена отъ княгини Вяземской увѣдомленіе о смерти ея дочери и долженъ былъ взять на себя тяжкую обязанность объявить

объ этомъ несчастіи отцу умершей. Все это самымъ грустнымъ образомъ заняло меня во весь вчерашній день" *(Русскій Архивъ* 1867, стр. 1389). На письмо Максимовича (отъ 29-го ноября 1840 года), по порученію князя Вяземскаго, отвѣчалъ изъ Петербурга (19-го декабря 1840 года) И. Павловскій: „Его сіятельство князь П. А. Вяземскій поручилъ мнѣ увѣдомить ваше высокородіе, что онъ получилъ письмо ваше въ то самое время, когда собирался ѣхать за границу къ больной своей дочери. Извѣстившись же нынѣ о ея кончинѣ, князь извиняется передъ вами, что не отвѣчаетъ самъ на ваше письмо и что, при постигшемъ его несчастіи, не можетъ удовлетворить просьбѣ вашей о доставленіи какой-нибудь статьи въ Кіевскій альманахъ" *(Отчетъ Акад.*, стр. 166).

22) 25-го іюня 1869 года, изъ Петергофа, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Вы жалѣете о покойномъ *Русскомъ*, хотя былъ онъ и плохъ, не тѣмъ будетъ помянутъ. Но Погодинъ не журналистъ. Онъ не имѣетъ журнальнаго такта, хотя и богатъ благими намѣреніями" (*Отчетъ Акад.*, стр. 173).

23) **Псаломъ 103.**

Благослови, душе моя,
Господа святого.
Боже Господи й нездумать
Величія Твого!
Облеченъ еси Ты въ славѣ
И въ красѣ предивнóй...
Якъ у ризы, облачився
У самый свѣтъ свѣтлый,
И простягнувъ еси небо,
Якъ наметъ блакитный.
Твоя горня́я госпóда
Водами покрыта;
Облака—Твои восходы;
Йдешь на крилахъ вѣтра.
Ты янголы сотворяешъ,
Якъ вѣтры летящи;
Свои слуги создаешъ Ты,
Якъ огонь палящій!
Ты поставивъ землю твердо,
Не звихне́ николи;
Бездну давъ ёй въ одѣянье;
А на горахъ воды.
Речешъ грозне Твое слово—
Воны понесуться;

Твôй громовый гласъ почуютъ—
Быстро воны льються;
Пôдыймаються на горы,
Бѣжатъ у долины,
На те мѣстце, якъ давъ имъ,
Господи всесильный.
Положивъ еси предѣлъ имъ—
Не перéйдутъ ёго,
Не вертаются вкрывати
Зновъ лиця земного.
Ты доланамъ давъ потоки,
Въ горахъ воды льються;
Всѣхъ звѣрôвъ степныхъ напóять
Онагри напьются.
И небесныи всѣ птици
Живутъ надъ водами;
Раздаються голоса ихъ
По-мѣжъ деревами.
Ты зъ Своихъ высотъ небесныхъ
Горы наповаешъ;
Дивныхъ дѣлъ Твоихъ плодами
Землю насыщаешъ.
Ты ростишъ траву для скóту,
Пашню̀ въ службу людямъ,
Да насущный хлѣбъ для себе
Одъ земли добудемъ.
И вино у человѣка
Сердце звеселяе;
Благовонная олива
Лице умащае;
А святый хлѣбъ чоловѣку
Сердце укрѣпляе.
Насытя́ться й древа Божи
Ливанськіи кедры,
Що насàжены Тобою,
Господи всещедрый.
Гнѣзда вье тамъ всяка птиця;
Домъ гàйстрôвъ—на еляхъ;
Круты горы—быстрымъ сарнамъ;
Притомъ зайцямъ—въ скеляхъ.
Сотворивъ Ты мѣсяць свѣтлый
Времена значити;

Сонце ясне собѣ знае
Коли заходити.
Простягаешъ тьму по небу,
И нôчъ наступае;
Тогдѣ всякій звѣръ дубровный
По землѣ блукае;
Львы ревуть, воны для сéбе
Добычи шукають;
Корму, Господи, у Тебе
Воны вымагають.
Зыйде сонцѣ—звѣръ тêкае,
У лôгво ложиться;
Чоловѣкъ на свое дѣло
Йде ввесь день трудиться.
О, якъ дивны Твои, Боже,
Дѣла несчислимы!
Всѣ премудро сотворивъ Ты;
Земля пòвна ими.
Се—велике, шумне море:
Тамъ гаду безъ лику;
Всяку мае тварь животну,
Малу и велику.
Корабли за кораблями
Плывуть по простору;
Тамъ и змій, що сотворивъ Ты
Грáтися по морю.
И всѣ ждуть Тебе, щобъ давъ имъ
Корму въ свою пору.
Ты даешь имъ—воспріймають;
Руку отверзаешъ—
Насыщаються всѣ благомъ,
Всѣхъ удовольняешъ.
А лице Твое одвернешъ—
И всѣ засмутяться;
Духъ зъ ихъ вôзмешъ—повмирають,
Въ свôй прахъ возвратяться.
Посылаешъ Твого духа—
Создаются знову,
И лице земли отъ Тéбе
Пріймае обнову.—
Буди слава Господеви
Во всѣ вѣчни вѣки!

Веселись Своимъ твореньемъ,
Боже нашъ великій!—
Гляне Онъ на свою землю,
И земля трясеться;
Задымяться круты горы,
Якъ до ихъ доткнеться...
Повѣкъ буду въ моихъ пѣсняхъ
Господа хвалити;
Буду Богови спѣвати
Поки я на свѣтѣ.
И да буде моя пѣсня
Угодна для Ёго!
Веселйтимусь до вѣку
Моимъ милымъ Богомъ...
Да исчезнутъ нечестивци
Всѣ зъ лиця земного;
Да не буде беззаконныхъ
Уже ни одного!
Благослови, душе моя,
Господа святого.

Михаилъ Максимовичъ.

9 марта 1869 г. Михайлова-Гора.

24) 25-го іюня 1869 года, изъ Петергофа, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Очень одобряю занятія ваши по переводу Псалмовъ, Вопервыхъ, есть для васъ наслажденіе въ вашемъ трудѣ, а это— главное; вовторыхъ, этотъ трудъ, какъ вы говорите, можетъ со временемъ послужить зерномъ горчичнымъ и отозваться въ поэтической душѣ *отважнаго мальчика и грядущаго поэта*“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 172—173).

25) Въ моей библіотекѣ хранится какъ драгоцѣнность автографъ М. А. Максимовича, подаренный мнѣ княземъ П. А. Вяземскимъ, слѣдующаго содержанія:

Достопочтимому князю Петру Андреевичу Вяземскому

поклонъ и привѣтъ

съ Михайловой-Горы, 24 іюня 1869 г.

Плачъ княгини Ярославны—
Древне-русской пѣсни цвѣтъ—
Старымъ жителемъ Украйны,
Мною, заново пропѣтъ.

Вижу самъ, что проку мало
Въ пѣснопѣніяхъ моихъ;
Но и нынѣ, какъ бывало,
Не живется мнѣ безъ нихъ.

Что бъ за жизнь была безъ нѣсенъ,
Безъ поэзіи святой!
Міръ просторный былъ бы тѣсенъ
И несносенъ трудъ земной.

Пѣсня—даръ небесъ великій
Намъ на жизненныхъ путяхъ;
Пѣсней—ангельскіе лики
Славятъ Бога въ небесахъ.

26) 6-го сентября 1871 года Максимовичъ справилъ въ Кіевѣ свое пятидесятилѣтіе служенія русскимъ музамъ. 17-го октября того же 1871 года, изъ Царскаго села, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Поздравляю любезнѣйшаго и достопочтеннаго юбиляра и сердечно благодарю его за то, что онъ вспомнилъ обо мнѣ посреди торжества своего... До васъ, вѣроятно, доходитъ слухъ обо мнѣ. Вотъ два года, что я хвораю... Старость уже сама по себѣ неизлѣчимая и пакостная болѣзнь, а тутъ еще, въ видѣ прибавленія, разстройство нервовъ, хандра, безсонница и невѣжество врачей... Грустно и тяжело допивать подонки жизни, какъ я ихъ допиваю... Впрочемъ замолчу, чтобы не наводить уныніе на молодого юбиляра“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 174—175).

27) 17-го октября 1871 года, изъ Царскаго Села, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Мнѣ иногда приходило въ голову попробовать Кіева. Но не знаю, какія имѣются тамъ житейскія удобства. Каковъ климатъ? Я слыхалъ, что въ Кіевѣ господствуютъ вѣтры, которые должны быть неблагопріятны для раздраженныхъ первъ. Можно ли имѣть удобное, тихое и на зиму теплое помѣщеніе, а еще лучше—отдѣльный домикъ и немножко въ сторонѣ отъ уличнаго шума, звона колоколовъ и біенія городскихъ часовъ...“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 174—175).

28) Степану Ивановичу Пономареву принадлежитъ также *Хронологическій указатель сочиненій князя Вяземскаго въ стихахъ и прозѣ*, послужившій руководствомъ при изданіи графомъ С. Д. Шереметевымъ двѣнадцати томовъ *Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго*.

17-го октября 1871 года, изъ Царскаго Села, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Знаете ли Пономарева, историческаго и литературнаго сборщика и труженика?“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 175).

29) 17-го декабря 1871 года, изъ С.-Петербурга, князь Вяземскій

писалъ Максимовичу: „Вы завидуете борзописанію нашего пріятеля Погодина; а я нахожу, будь сказано между нами, и исключительно между нами, что онъ слишкомъ много пишетъ, особенно о себѣ. Въ *послѣсловіи*, которое прислалъ онъ мнѣ въ корректурныхъ листахъ, нашелъ я много неумѣстнаго и некстати. Съ публикою нельзя обращаться какъ съ закадычными пріятелями и входить о себѣ въ подробности, для нея вовсе незанимательныя. Вообще, въ литературѣ нашей теперь слишкомъ много біографическихъ разсказовъ, сплетней, исповѣдей пополамъ съ грѣхомъ. Прежде былъ недостатокъ въ біографическомъ отношеніи, а теперь во зло употребляемое излишество, тѣмъ болѣе, что часто ложь перемѣшивается съ правдой“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 176).

30) 17-го декабря 1871 года, изъ С.-Петербурга, князь Вяземскій писалъ Максимовичу: „Какъ и вы, и мы не можемъ сказать, что зимуемъ, а развѣ *слякотничаемъ*“ (*Отчетъ Акад.*, стр. 175).

31) См. примѣчаніе 29-е.

---

* БРАТСТВА СВЯТАГО * ПЕТРА МИТРОПОЛИТЪ. БИБЛІОТЕКА

2007051211